ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ⋆ 1926 ⋆ ЛЕНИНГРАД

1-я ОБРАЗЦОВАЯ ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА — ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит № 61902
Гиз № 16537 Тираж 4000

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса приступает к изданию нового журнала: «Летописи марксизма».

Как известно, круг задач Института, — генезис, развитие и распространение научного коммунизма, история теории и практики революционного марксизма, — определил задачи большого журнала, издаваемого Институтом, именно «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса».

Однако этот «Архив», по самому характеру публикуемых в нем материалов и исследовательских работ, требующих тщательной и продолжительной подготовки, может выходить лишь дважды в год. Издаваемый одновременно на немецком языке, он является не только русским, но и международным журналом, и вынужден поэтому считаться, — и в отношении главных тем, и в отношении печатаемых материалов, — с требованиями и запросами своих международных сотрудников и читателей.

Изучение тех взаимоотношений, — враждебных или дружественных, — которые устанавливались между русскими людьми сороковых, шестидесятых и семидесятых, а также восьмидесятых годов, с одной стороны, Марксом и Энгельсом — с другой, исследование и установление тех каналов и путей, через которые проникала марксистская мысль в русскую литературу, пока марксизм не стал господствующей идеологией в русском революционном движении, изучение влияния западно-европейской философской, политической, социалистической мысли на русскую и обратного воздействия последней на западно-европейскую, — все эти вопросы до сих пор еще мало исследованы и представляют особенно жгучий интерес именно для русского читателя, который в праве требовать более детальной разработки их, чем читатель другой национальности.

В архиве и кабинетах Института собрано значительное количество документов и материалов не только по истории социализма и марксизма, но и по истории классового самоопределения пролетариата, по истории революционных движений рабочего класса и крестьянства в различных странах. Ознакомление многочисленных преподавателей наших общественных вузов, комвузов и совпартшкол с накопленными в Институте материалами для исследовательской работы в указанных областях, систематическое реферирование новой иностранной литературы по истории и теории марксизма во всех их разнообразных проявлениях, по истории пролетариата, по истории идеологии, — эта задача представляется нам особенно настоятельной и важной.

В связи с изданием полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, — задача, осуществление которой требует много времени, — в Институте собрано огромное количество неопубликованных рукописей и статей Маркса и Энгельса. Наиболее крупные из них, поскольку они не входят в соответствующие томы полного собрания сочинений, находящиеся теперь в работе, мы опубликовали до сих пор и будем дальше опубликовывать в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса».

Чтобы ускорить издание более мелких работ Маркса и Энгельса, Институт передавал их для опубликования различным газетам и журналам. Практика показала, однако, что последний способ не достигает цели. Гораздо целесообразнее сосредоточить эти материалы в одном месте. Мы поэтому впредь будем все мелкие статьи и рукописи Маркса и Энгельса, в особенности представляющие более «злободневный» интерес, печатать в нашем журнале.

Широкое распространение марксизма среди рабочих, учащихся и вообще читательских масс после Октябрьской революции вызвало к жизни громадную количественно, — как оригинальную, так и переводную, — марксистскую литературу. Регистрация этой литературы и ее оценка представляют одну из насущнейших задач современности. К сожалению, именно эта задача особенно плохо выполняется нашими периодическими изданиями. Жалобы на плохую постановку отдела рецензий и библиографии не прекращаются. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса делает поэтому попытку организовать исчерпывающую критическую инвентаризацию всесоюзной марксистской литературы по вопросам, которые входят в его компетенцию.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса судьбами российской Октябрьской революции, как научно-исследовательское учреждение, призван оказывать помощь всем исследующим и изучающим происхождение и развитие марксизма. Храня большие архивные и громадные книжные и журнальные богатства по этим вопросам, Институт полагает, что он будет в состоянии оказывать помощь другим ученым и учебным учреждениям, публикуя списки соответствующей литературы, имеющейся в библиотеке Института. Быть действительным спутником революционного и ученого марксиста — такова цель «Летописей марксизма».

Из изложенного выше вытекают план построения и содержание «Летописей». Журнал будет состоять из следующих отделов: во-первых, статьи и исследования, во-вторых, документы и материалы, в-третьих, библиография и рецензии, в-четвертых, сообщения отдельных кабинетов Института, в-пятых, хроника, посвященная деятельности различных марксистских обществ и обзору преподавания истории и теории марксизма в различных вузах. Со включением в «Летописи» второго и четвертого отделов становится излишним издание специального «Бюллетеня» Института.

Редакция.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. РЯЗАНОВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО И МАРКСИЗМ

(Доклад на Всесоюзном с'езде военно-научных обществ 9 марта 1926 г.)

I

Товарищи, мой доклад посвящен марксизму и военному делу. Может показаться странным, что на девятом году существования пролетарской власти приходится ставить вопрос, имеет ли право марксизм вмешиваться в военное дело. Марксизм справился с царским режимом. Марксизм как-никак справился с задачей: восемь лет править огромным государством в условиях капиталистического окружения. Но марксизму все еще ставят вопрос: имеешь ли ты право вторгаться в область военного дела? И если имеешь право, то в какой степени, в каких размерах и на какой дистанции? Где хорошо смазанные сапоги противопоставляются марксизму, конечно плохому, там пред хорошим марксизмом раскланиваются так же почтительно, как пред так называемыми почетными членами организации, которые, как известно, в ее действительной работе не принимают никакого или очень мало участия.

Так что же такое марксизм? Ответив на этот вопрос, мы тем самым ответим на вопрос: приложим ли марксизм в военном деле?

Марксизм представляет собой алгебру, скажу проще, грамматику общественной деятельности. Марксизм выдвигает ряд основных пунктов, которые резко отличают его от всех других теорий, пытающихся об'яснить общественные явления. Но есть и такие пункты, в которых он сходится с другими теориями.

Марксизм прямая противоположность идеализму. В этом пункте он сходится с философским материализмом. Вместе с последним он отрицает какое бы то ни было вмешательство всяких потусторонних факторов в окружающую нас действительность. Кто хочет понять природу, тот не должен прибегать к помощи бога, сверх'естественных сил, тот не должен при об'яснении этой природы искать каких-либо других факторов, кроме тех, которые заключаются в ней самой. Повторяю, в этом отношении марксизм сходится со всяким материализмом, ибо отличительная черта последнего состоит в том, что он подчеркивает необходимость исключения при об'яснении явлений природы всяких сверх'естественных сил, в какие бы формы ни облекались эти силы: религиозные, метафизические и т. п. Природа не создана, не сотворена каким-либо божеством, она не представляет порождение духа или идеи.

«Чувственные, наглядные впечатления, — говорит Клаузевиц, — воспринимаемые во время исполнения, гораздо живее тех, на которых мы остановились предварительно путем зрелого размышления. А между тем эти впечатления дают лишь первоначальные очертания, которые, как мы знаем, редко вполне соответствуют сущности явлений. Отсюда — опасность принести зрелое обсуждение в жертву первому же призраку».

Это меткое замечание верно не только в области военного дела. Видимость, призраки застилают от нашего умственного взора действительность. Но признавая это различие между видимостью и действительностью, различие, которое об'ясняется несовершенствами человеческого «здравого смысла», марксизм настаивает на том, что необходимо исследовать ту призрачную закономерность, которая бросается в глаза на первый взгляд, и установить внутреннюю закономерность самой действительности. Только исследуя эту действительность, можно понять и ту видимость, в которую она облекается в человеческих глазах. Но этого мало. Действительность, природа и человек, не есть нечто извечное, это не готовый предмет, а нечто изменяющееся, развивающееся.

Отличие марксизма от обычного, естественно-исторического материализма состоит в том, что он — материализм диалектический. Действительность он рассматривает, — во всех ее разделах, — не в состоянии покоя, не в состоянии застоя, а в состоянии постоянного движения и перемещения. Нет ничего устойчивого, нет ничего неизменного — все движется, все изменяется. И если нам кажется, что существуют прочные, неизменные предметы, то это только видимость: внутри этих предметов совершается процесс непрерывного изменения, разрушения, процесс, который можно заметить только при помощи более усовершенствованных орудий наблюдения, чем человеческое зрение и осязание.

Вот этот стол, так прочно стоящий, за которым прочно сидит президиум, движется не только вместе с уважаемым президиумом, не только вместе с этим залом. Вся эта устойчивость только видимая. Но этот зал и все в нем находящееся пребывают не только в состоянии постоянного движения, не только перемещаются в пространстве, но и подвергаются непрерывному процессу изменения, разрушения.

Мы не всегда в состоянии своими глазами констатировать процесс разрушения, который происходит в этом столе, в этом зале, но он происходит. Всякий хозяйственник, всякий интендант, который будет исходить из того, что столы, винтовки, казармы, укрепления и т. п. прочны и постоянны, рискует в один прекрасный день остаться у разбитого корыта.

Все искусство хорошего хозяйственника, организатора военного хозяйства, состоит в хорошем знании всех фактов, при наличии которых нужная нам материальная часть, находящаяся в непрерывном процессе изменения, в течение определенного периода сохраняет определенную связность, делающую ее пригодной для определенных практических целей. Когда мы говорим об анализе данного предмета, мы должны помнить, что в каждом предмете происходит борьба, война различных физических и химических свойств, соединением, сращением которых он является, что каждый предмет находится в определенных условиях времени и места. Только

тот, кто забывает этот основной пункт, впадает в порок, в котором часто обвиняют так называемых теоретиков. Истина всегда конкретна. Она дается только изучением действительности, она предполагает знание условий времени и места, в которых изменяются и развиваются предметы и явления.

Я не могу останавливаться здесь на всех различиях между формальным и диалектическим мышлением. У нас в последнее время много говорят об отличительной черте марксизма, о диалектическом методе. К сожалению, и теперь многие еще смешивают диалектику с эволюцией. Это склонны делать и многие представители военно-научной мысли, которые стараются усвоить себе основные идеи марксизма. Чтобы лучше выявить важнейшие черты диалектического метода, отличие диалектики от эволюции, я познакомлю вас с блестящей характеристикой диалектического метода Маркса, которую дает в недавно опубликованной рукописи Ленин.

«В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всестороння, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления, или внутри данного общества: — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (при чем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии».

Кто овладел этим методом, кто стал диалектическим материалистом, тот имеет в своем распоряжении самое могучее орудие для исследования предметов и явлений природы и общества. Повторяю, марксист не может не быть материалистом, но еще мало быть материалистом, чтобы стать марксистом. Достаточно указать на многих естествоиспытателей, которые умудряются быть материалистами, поскольку речь идет о природе, и остаются чистейшими идеалистами во всех других отраслях. Они могут даже иногда приближаться к диалектическому материализму, но пока они его применяют только при исследовании явлений природы, пока они отказываются понять, что этот метод исследования распространяется на все области действительности, на природу и общество, они закрывают себе путь к пониманию всей действительности. Марксистом может быть только тот, кто является диалектическим материалистом и в области исследования всех общественных явлений. Естественно-исторический материализм даже в той его форме, в которой он больше всего приближается к диалектическому, оказывается совершенно беспомощным как раз тогда, когда ему удается, казалось бы, решить загадку происхождения природы и человека. Законы развития природы и животного мира не тождественны с законами развития человеческого общества.

У человека есть общее с природой, он — часть этой природы, но природа была раньше человека, материя была раньше «духа». Только на известной ступени

развития этой природы, только на известной ступени развития жизни на земле, биологического мира, — растительного и животного, — появилось в мире четвероногих новое животное, научившееся ходить и стоять на задних лапах, — даже там, где это не нужно, — существо весьма драчливое и жадное, которое вело упорную борьбу за свое существование. Это существо, — человекообезьяна или обезьяночеловек, — в процессе долгого развития из четверть-человека, получеловека превратилось, наконец, в человека и заняло особое место в иерархии животных видов. Естественно-исторический материализм, в его откровенной форме или в стыдливой (в которую он облекается в дарвинизме), об'ясняет нам, как элементы самой природы, без всякого вмешательства сверх'естественных сил, на известной ступени развития сложились в «венец природы», образовали «новый тип».

Но мы с вами прекрасно знаем, что человек человеку рознь. Если мы возьмем наш союз не только в его историческом прошлом, но и в настоящем, то мы в нем найдем самых разных человеков: кубанский казак, донецкий углекоп, курский мужик, путиловский слесарь, московский текстильщик, советский служащий. В человеческом обществе имеются только такие «природные» различия, как различия по полу и возрасту. Все остальные различия создаются только определенными общественными условиями. Люди облекаются в различные общественные формы. Вы прекрасно знаете, — об этом сказано в первом томе «Капитала», — что если с генерала снять форму, то часто теряется весь генерал.

Если мы возьмем теперь людей на протяжении всей истории, — даже если мы ограничимся людьми одной только белой расы, — то мы увидим, что они облекаются в самые различные национальные и классовые формы — англичане, французы, немцы, русские, поляки, феодалы и крепостные, помещики и крестьяне, капиталисты и рабочие. Чем об'ясняется возникновение этих различий среди людей? Может быть, их анатомо-физиологическими особенностями?

Конечно, есть более или менее способные, более или менее сильные, более или менее храбрые люди, но всякие природные преимущества, поскольку они лежат в анатомо-физиологических особенностях данного человека, имеют только ограниченную сферу влияния. Решающее значение при образовании человеческого характера, его идеологии, имеет воспитание, среда, которые сами непрерывно изменяются в ходе истории. Непосредственное влияние природы все больше уступает место непосредственному влиянию общества.

Как только в области природы появляется человек, он начинает в свою очередь воздействовать на природу. Вся история превращения наших предков человекообезьян в человеков сводится к «покорению сил природы», выражается в непрерывном изменении самой природы человеческим трудом. Или, как говорит Маркс.

«По отношению к веществу (материи) природы человек сам выступает как сила природы. Он приводит в движение естественные силы своего организма, руки, ноги, голову, чтобы присвоить себе вещество природы в такой форме, которая была бы пригодна для его собственной жизни. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней силы и подчиняет игру этих сил собственной власти».

Но человек воздействует на природу не в одиночку, а сообща, в пределах данной общественной организации. Спасибо бабушке биологии за то, что она пере-

дала нам из животного мира человека в качестве общественного животного, привыкшего жить стадами, ордами.

Тут я позволю себе опять процитировать Маркса.

«В производстве люди вступают в отношения не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство.

«В зависимости от того или иного характера средств производства изменяются, конечно, и общественные отношения, в которые производители вступают друг к другу, изменяются условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, необходимо должна была измениться вся внутренняя организация армии, должны были измениться те отношения, на основании которых отдельные личности сплачиваются в армию и могут действовать как армия, равно как и взаимные отношения различных армий.

«Следовательно, общественные отношения, при которых люди занимаются производством, общественные отношения производства, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Отношения производства, в своей совокупности, образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, — общество с своеобразным отличительным характером».

Характерно, что Маркс приводит иллюстрацию именно из области военного дела, чтобы показать, зависимость между организацией общества и степенью развития производительных сил.

Итак, воздействие человека на природу происходит через общество, предполагает определенную форму общественных отношений. Каждое общество является продуктом истории. На известной ступени исторического развития человеческие общества, вначале бывшие однородными, распадаются на классы, господствующие и подчиненные, эксплоатирующие и эксплоатируемые. Вся человеческая история, с известного момента, есть борьба классов. Великая французская революция выявила эту основную пружину человеческой истории в таких ярких драматических формах, что после нее и буржуазные экономисты, и историки должны были признать и наличие классов, и их борьбу между собой.

Но только марксизм впервые об'яснил, что существование классов связано с определенными историческими отношениями производства, что капитализм порождает с одинаковой необходимостью буржуазию и пролетариат, что борьба между этими классами неизбежно приводит к диктатуре пролетариата, побеждающего сопротивление эксплоататоров, что эта диктатура пролетариата представляет необходимый переходный момент в процессе превращения капиталистического строя в ком-

мунистический, что, овладев государственной властью, пролетариат использует ее только для превращения классового общества в бесклассовое.

Итак, резюмирую: можно быть материалистом, не будучи марксистом, но нельзя быть марксистом, не будучи материалистом. Марксизм есть только самая последовательная форма материализма, изгоняющая философский идеализм из всех углов и закоулков действительности. И природу, и историю он рассматривает как процесс непрерывного изменения и в своем анализе старается вскрыть происходящую и в той, и в другой борьбу — войну элементов, сил, классов. Именно то и отличает диалектический материализм Маркса и Энгельса, что он одинаково распространяется и на природу, и на историю человеческого общества.

Марксизм по самому существу своему — учение теоретическое и практическое: он не ограничивается тем, что хочет понять мир, он старается изменить этот мир при помощи сил, развиваемых этим миром. В отличие от мирных теоретиков развития, от ученых постепеновцев, он доказал, что революции представляют необходимый момент развития человеческого общества. Он поэтому и в теории, и на практике глубоко и безоговорочно революционен.

II

Мы имеем теперь, товарищи, все основные элементы для ответа на занимающий нас вопрос. Военное дело, военное искусство, это — совокупность тех навыков, умений, знаний, которые необходимы при ведении войны. Вы прекрасно знаете, что военная история, что история войны представляет собой один из важнейших разделов в истории развития человеческого общества, в истории развития классовой борьбы внутри общества и конкурентной борьбы между господствующими классами разных наций. Точно так же, как война во внешней политике есть продолжение этой политики другими средствами, так и гражданская война в области внутренней политики есть продолжение классовой борьбы другими средствами. Войны, внешние или гражданские, это — явления социальные, происходящие только в определенной общественной среде; формы и цели их можно об'яснить только путем изучения той общественной и исторической среды, в которых они происходили и происходят, путем исследования тех определенных условий времени и места, которые накладывают на них свою печать. Нужно ли прибавлять, что наиболее надежным руководителем может служить при этом только марксизм?

Война ведется государством, при помощи всей государственной машины, всего государственного аппарата. Государственная власть, это — орудие, при помощи которого господствующий класс держит в подчинении эксплоатируемые классы. Но государство не есть только орудие угнетения и подавления. Характерная черта той гигантской, простой и сложной кооперации, которую представляет собою данное общество, данное государство на данной территории, состоит в том, что эта кооперация порождает огромное количество силы, энергии, которое никогда не является простой суммой отдельных индивидуальных энергий, точно так же, как, говоря словами Маркса, «сила натиска кавалерийского эскадрона или сила сопротивления пехотного батальона существенно отлична от суммы индивидуальных сил натиска и сопротивления, которые могли бы оказать отдельно взятые кавалеристы и пехотинцы». Всю эту огромную общественную энергию, всю эту сумму народных масс, — живую и материальную, — создаваемую общественной кооперацией, но которую в первую

очередь поглощает государство, — всю эту силу господствующий класс, т.-е. класс, в руках которого находится государственная власть, использует в своих целях, чтобы преобразовать все общество, чтобы создать новое общество, «по своему образу и подобию».

Господствующий класс, который умеет только подавлять и сокрушать, обречен на более или менее скорое исчезновение. Старое прусское юнкерство умело использовать в своих интересах не только силы трудящихся масс, но и энергию прусского бюргерства. Английская буржуазия и до сих пор располагает не только собственными силами, но и силами таких огромных масс, как английское мещанство и рабочая аристократия в самой Англии и многомиллионные крестьянские массы в колониях. Вся военная организация, организация обороны страны, определяется структурой государства, ее цели и задачи диктуются целями и задачами класса, организацией господства которого является это государство.

Нечего говорить, что одной из важнейших задач и нашего советского государства является использование всех огромных сил и энергии, которые порождает, как результат общественной кооперации, наша страна. Конечно, советское государство, т.-е. организованный в качестве господствующего класса пролетариат, имеет огромное преимущество в том отношении, что оно может применять по отношению к трудящимся массам минимум принуждения, что оно может опираться на крепкий союз с многомиллионным крестьянством. Отражением этих специфических особенностей советского государства является и организация рабоче-крестьянской армии как одной из важнейших частей этого государства.

Стоит ли опять подчеркивать, что марксизм является наиболее надежным руководителем во всех этих вопросах?

В последнее время, в связи со спорами о преимуществах той или иной стратегии, в военно-научных аудиториях сделана была попытка противопоставить бурно-стремительному и наступательному бланкизму более «уравновешенный» и оборонительный марксизм. Такое противопоставление основано на недоразумении.

Марксизм никогда не отрицал громадной роли, которую играет в истории политика, сила, война. Он только исследует условия, которыми вызываются различные формы этой политики, и приходит к заключению, что основные причины изменения этих форм лежат в различных формах экономики, в различной классовой структуре данного общества. С точки зрения марксизма политика, сила, война есть не только результат экономики, но и могущественнейшее орудие воздействия на экономику. «Сила, — говорит Маркс, — всегда служит повивальной бабкой старому обществу, которое бывает беременно новым. Сама сила есть экономический деятель».

Не тем отличается марксизм от бланкизма, что он отрицает значение силы, насилия, а тем, что в организации этой силы, в организации восстания и революции, он опирается на определенный класс и, руководя процессом революционной организации этого класса, всесторонне анализирует социально-экономические условия, создающие и обеспечивающие диктатуру рабочего класса в переходную эпоху от капитализма к коммунизму. Маркс и Энгельс никогда не были пацифистами ни в области внутренней политики, ни в области внешней политики.

«Только при таком порядке вещей, — писал Маркс, — когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. До тех же пор, накануне

каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет: война или смерть, кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса».

И так же беспощадно, как он бичевал пацифистские иллюзии «мирных» социалистов, Маркс критиковал пацифистские иллюзии буржуазных мыслителей, мечтавших об устранении войны, как средства конкурентной борьбы различных наций.

«Было бы большой ошибкой, — пишет Маркс, — предполагать, что «евангелие мира» манчестерской школы имеет сколько-нибудь философское значение. Оно целиком сводится к тому, что феодальный метод ведения войны должен быть заменен торгово-промышленным, что место пушек должен занять капитал».

Политика, это — только концентрированная экономика. А война есть продолжение политики, но только другими средствами. И опять-таки только марксизм дает нам наиболее надежное орудие при изучении и исследовании всех вопросов экономики и политики.

Мы переходим теперь к военному делу в тесном смысле этого слова. Может ли итти речь о марксизме в этой преимущественно практической области? Ведь еще до сих пор продолжается спор, представляет ли военное дело науку или искусство.

Такая постановка вопроса встречается и в писаниях марксистов. Но она все же в корне ошибочна. С таким же правом можно было бы спросить этих марксистов: что такое революционное дело — искусство или наука? Можно ли говорить о марксизме в революционном деле?

Во всяком деле, во всякой области человеческой деятельности, необходимо применять научный метод. Поскольку мы не хотим быть беспомощными жертвами голого эмпиризма, поскольку мы не хотим подчиняться «пошлому опыту», — так было, так будет, — мы должны всю нашу практику пропитать теорией, мы должны во всякое общественное дело вносить науку. Здесь, за столом президиума, сидят мои приятели разной степени теоретичности, но все они гордятся тем, что в отличие от других революционеров были научными социалистами, стремились внести в революционное дело максимум научности. Что это стремление не всегда венчается успехом, это — другое дело, но заранее отказываться от онаучивания данной деятельности не приходится.

Вся история науки показывает, как она завоевывала одну сторону действительности за другой. Было время, когда науку и на выстрел не подпускали даже к об'яснению природы. После долгих лет упорных усилий и стараний, даже мученичества, наука завоевала себе право исследовать все явления природы. Наступила эпоха расцвета математики и естествознания. Все, что выходило за пределы этой области, продолжало оставаться в ведении религии или философии: поскольку же речь шла о различных отраслях человеческой деятельности, то в лучшем случае все эти «дела» повышались в ранг ремесла или искусства. Такое разделение упрочилось настолько, что и теперь еще среди наук имеются «настоящие» и «ненастоящие», точные и неточные. Ученые представители физико-математических наук с аристократическим презрением смотрят на представителей всех остальных «наук» — общественных и даже медицинских. Но эти ученые забывают, что их отрасли знания не с самого рождения были науками, что потребовалось не мало

времени и борьбы, пока накопившиеся в их ведении навыки, умение, знания были онаучены, возведены в ранг науки. Нет никаких прочных, неизменных разделов между обыденным мышлением, знанием, наукой. Только метод отличает науку от не-науки. Предметом ее является вся действительность во всех ее многообразных проявлениях. Для нее нет возвышенных и низменных предметов. Для нее нет и не может быть также никаких запретов. Чем сложнее предмет ее исследования, чем больше количество и разнообразие факторов и сил, результатом которых он является, тем труднее онаучивать эмпирическое знание этого предмета. Но было бы смешно заранее отказываться от такой задачи. Во всякую отрасль человеческой деятельности надо стараться внести максимум научности, из всякой совокупности навыков и знаний, из всякого искусства надо сделать науку. Тов. Буденный смотрит на меня скептически, но это относится даже к такой области, как кавалерия.

Надо только отказаться от такого способа рассматривать вещи и явления, который знает только: или — или, да — да, нет — нет. Маркс и Энгельс называли этот метод метафизическим в противоположность диалектическому.

В нашей военной литературе вообще замечается пристрастие к метафизическому методу. Что лучше: хороший паек или плохая военная доктрина? Армия баранов, предводительствуемая львом, или армия львов, предводительствуемая бараном? Вы, конечно, скажете: хороший паек и хорошая доктрина, армия львов и штаб из львов. Одно другого не исключает.

«Что такое военное дело? Искусство или наука?» — спрашивает метафизик. «И искусство, и наука,—отвечает диалектик.—Искусство, становящееся наукой, по мере того как мы при посредстве научного метода превращаем сумму военных навыков и знаний в военную науку».

Марксизм вносит научный метод во всякое общественное дело, во всякий общественный процесс, во всякое политическое и экономическое действие. И только марксизм может и должен пропитать научным духом такое по преимуществу политическое и экономическое действие, как военное дело. Вопрос о том, в какой степени наука вообще и марксизм в частности может овладеть той или другой отраслью военного дела, зависит от условий времени и места, от специфических особенностей данной отрасли. Одно дело вопрос об артиллерии, как особой отрасли военного дела, имеющей свое особое место в общей организации всей армии, вопрос о преимуществах полевой, крепостной, береговой артиллерии, другое дело — вопрос о преимуществах той или иной пушки, гаубицы или мортиры, вопрос о меткости и скорострельности того или иного артиллерийского орудия. Второй вопрос — вопрос технический, при решении которого тоже одним здравым смыслом и опытом не обойдешься. И тут необходима помощь науки, математики и естествознания. Марксизм, как метод общественных наук, тут мало поможет, но без него не обойдешься при решении первого вопроса.

Маркс, в одном из своих писем к Энгельсу, определяет военное дело, — сентиментальным людям это определение может показаться циническим, — как человекоубойный промысел, отрасль промышленности, которая занимается истреблением людей. «Где, — пишет он, — подтверждается еще более блестящим образом наша теория, что организация труда определяется средствами производства, как не в человекоубойной промышленности?»

Конечно, это звучит не особенно хорошо. Но не нужно закрывать глаза на жестокую действительность. Война, это — взаимоистребление людей, военное дело, — будем ли мы называть его искусством или наукой, это — совокупность методов и способов уничтожения «живой силы» противника. Совершенство этих методов и способов определяется степенью развития отношений производства, орудий труда и орудий истребления.

Никто не спорит, что историю военного дела нельзя изучать как совершенно автономную область явлений. Историк военного дела должен быть основательно знаком и с экономикой, и с политикой, и с идеологией данного народа и его господствующих классов. Нужно ли прибавлять, что лучшим руководителем и в этой области является марксизм? Ведь лучшие опыты истории военного дела, которые нам известны, тем лучше, чем больше авторы их приближаются к марксизму.

Против этого не будут спорить и те марксисты, которые отрицают возможность применения марксизма в военном деле. Но почему же марксизм необходим при изучении *истории*, при изучении *прошлых* судеб военного дела и неприменим при изучении *современного* военного дела?

Если прежде еще можно было подвергать сомнению тесную связь военного дела с экономикой и политикой, то после войны 1914—1918 гг. было бы смешно говорить об «автономии» военного дела, о «вечных законах» чистого военного искусства.

Преимущественное влияние экономических и социальных факторов в области военного дела нагляднее всего доказывается глубоким изменением, которое, в связи с развитием экономики и техники, произошло в соотношениях между различными частями военного дела и в особенности в соотношениях между стратегией и тактикой, двумя важнейшими частями учения о ведении войны.

Даже гражданские люди знают, что тактика, это — совокупность правил, которые необходимо знать, чтобы навязать противнику сражение, бой, при наиболее неблагоприятных для него условиях и уничтожить его «живую силу». Из отдельных сражений складываются военные операции. До известной степени тактика остается наиболее «чистым» военным искусством. Там, где известные формы общественных отношений остаются видимо неизменными, где данная общественная организация воспроизводится десятки и сотни лет на одной и той же основе, там наряду с другими «вечными истинами» создаются и «вечные принципы» военного искусства. Оставалась без изменения общественная структура, оставались без изменения и структура боевой армии и те или иные приемы тактики. Великая французская революция, разрушившая основы старого феодального общества, расшатала и основы традиционного военного искусства. Она, как известно, произвела коренное изменение и в области тактики. Оказалось, что и тактика определяется не только степенью развития техники, но и классовым составом армии. Изменились не только средства уничтожения противника, изменяются также и пространственные условия боя. Где полководцу, великому тактику, достаточно было простого глазомера, там теперь нехватает подзорной трубы. Основная тактическая единица вырастает до размера старых армий.

Стратегия — штука более высокого калибра. Это — умение комбинировать и проводить ряд военных операций, предполагающее целый план подготовки и ведения войны. Стратегия имеет дело с рядом факторов, которые тактика принимает

как нечто данное, хотя они изменяются в зависимости от целого ряда условий — политических и экономических. Тактика знает только фронт, стратегия должна учитывать и состояние тыла своей страны, и состояние тыла своих противников. Полководец, который заботится только об увеличении тактических рессурсов армии, рискует преждевременно истощить экономические рессурсы своей страны. Тактическая удача часто является стратегическим поражением, и наоборот. Мировая война показала, что войсковая единица, которая когда-то являлась основной единицей и самостоятельно выполняла стратегические задачи, превращается в чисто тактическую единицу, все действия которой определяются диктуемой извне стратегической задачей. Во всех этих отношениях взаимозависимость между стратегией и тактикой, демаркационная линия между одной и другой, подлежит и будет подлежать еще не малым изменениям.

Вопросы стратегии настолько тесно связаны с вопросами экономики и политики, судьбы армии настолько связаны с судьбами всего гражданского населения, что грань между фронтом и тылом, которая значительно стерлась во время империалистической войны, грозит совершенно исчезнуть при новых успехах техники в области авиации и химической обороны.

Верховное командование, которое фактически превращается в коллегиальное — генеральный штаб, — не может уже довольствоваться «чистой» стратегией старого типа. Возникает потребность в какой-то новой, «высшей» стратегии. Тов. Тухачевский сделал интересное предложение. Он прекрасно понимает, что современная организация военного дела и руководство военными действиями требуют больших познаний в самых разнообразных областях, что стратегии принадлежит гегемония над тактикой, что знание стратегии должно быть связано с не менее глубоким знанием экономики войны. Чтобы подчеркнуть этот новый характер стратегии, осложнение ее новыми моментами и задачами, тов. Тухачевский для этого «высшего учения о войне» выбирает термин «полемостратегия».

Я лично считаю этот термин не совсем удачным. В докладе, сделанном в Военной академии, мною было указано, что гораздо лучше можно было бы подчеркнуть совершенно изменившийся характер всей стратегии словом «экономостратегия». Но и этот термин слишком неуклюж. Можно остаться при старом, если только более точно определить усложнившиеся задачи новой стратегии. Не менее сильно изменились характер и задачи ряда других наук, при чем не изменилось их название.

Я не буду подробно доказывать, что все вопросы организации, комплектования, снабжения армии и флота требуют для своего разрешения глубокого знания истории военного дела, экономики и политики, т.-е. опять-таки уменья пользоваться методом марксизма.

Повторяю, только в таких чисто т е х н и ч е с к и х частях военного дела, как учение об оружии и фортификации, марксизм, — поскольку он является методом исследования о б щ е с т в е н н ы х явлений, — неприменим. Тут требуются другие научные методы, тут могут и должны помочь техника, математика и естествознание.

Было бы только наивностью думать, что если марксизм так же необходим при изучении военного дела, как при изучении всякого общественного явления, что если марксизм является по преимуществу теорией классовой борьбы пролетариата, то можно построить особенную, пролетарскую военную доктрину в противо-

положность буржуазной. Это такая же утопия, как создание пролетарской культуры вообще.

Я очень жалею, что не могу теперь привести некоторые заявления, показывающие, что вследствие той оскомины, которую плохие политруки и комиссары набили хорошим командирам, делаются теоретические выводы, которые находятся в прямом противоречии с основами марксизма, которые свидетельствуют, что данные товарищи, желая быть марксистами, являются идеалистами чистейшей воды, забывающими не только внутренние, но и международные политические условия.

В чем состоит значение знаменитого тезиса Клаузевица, на который так часто ссылаются? В доказательстве, что, вопреки мнению некоторых — иногда даже гениальных — полководцев, военное дело, война, не есть нечто совершенно самостоятельное, оторванное от общей политики, что, наоборот, она есть по самому существу своему политическое действие, продолжение политики другими средствами. Несмотря на это, все еще существует тенденция, — и в нашей собственной среде, — отрывать военное дело от общей политики, тенденция подчеркивать какую-то особую автономию боевых действий, противопоставлять «военную стихию» гражданской политике. Количество и тут переходит в качество, иногда очень скверное, как это показал опыт такого энтузиаста «военной стихии», как Людендорф. Средство должно быть подчинено цели, «военная стихия» должна всегда управляться политическим разумом, стратегия — выполнять задания диктатуры пролетариата.

Война — печальная необходимость, но при известных условиях она неизбежна. Она может быть навязана даже пролетарскому государству, несмотря на то, что его политика не только по видимости, но и по существу строго оборонительна. Вся наша стратегия должна быть построена на этом основном начале — обеспечении обороны пролетарского государства. Если война, то война оборонительная — оборонительная в интересах пролетариата, оборонительная в интересах советского государства.

Мы находимся на с'езде военно-научных обществ, на котором участвуют и представители гражданских организаций. И тем важнее подчеркнуть, что смычка между красноармейцами, с одной стороны, рабочими и крестьянами — с другой, смычка между фронтом и тылом будет тем прочнее и теснее, чем лучше мы все усвоим себе мысль, что оборонительная политика пролетарского государства не есть «так себе»; нет, это не маневр, это не маскировка, это — сущность всей нашей военной организации.

Но только метафизик может думать, что оборонительная война исключает наступательные операции. Такую метафизику осмеял в одном из своих писем Энгельс: «На меня напали на улице, я вывернулся. Это допускается, это — оборона. Но если я, в целях самообороны, свалил своего противника, то это нехорошо, это, видите, уже наступление». В другом месте Энгельс говорит — цитирую на память, — что пассивная оборона — глупейшая вещь.

Я хорошо знаю, что среди вас есть горячие люди, которые во сне и наяву только о том и мечтают, как в один прекрасный день они завоют и сокрушат весь буржуазный мир. Из всех возможных стратегий они признают только одну — стратегию сокрушения. Их лозунг: глазомер, быстрота, натиск. Лозунг, конечно, хороший. Бывает однако, что быстрота развивается довольно большая, но натиск к концу пробега получается минимальный.

Опыт истории революционных войн от 1791 г. еще до сих пор не изучен, как следует, с точки зрения марксизма. Только превращение оборонительной войны в завоевательную, замена идейной пропаганды пропагандой при помощи оружия создали благоприятные условия для термидорианства, а затем бонапартизма.

На все попытки втянуть нас в войну у нас есть один ответ. Мы ни на кого не нападаем. Мы этого не стыдимся и будем в меру всех наших сил и возможностей избегать войны. Нет ничего более гнусного, чем старая дворянско-буржуазная теория так называемого престижа. Ни на какое «оскорбление» нашего международного престижа нас не поймаешь. Пусть себе ругаются. Никто не заставит нас выбрать поле сражения за двадцать тысяч верст, несмотря на все совершенства кавалерии тов. Буденного.

Повторяю. Мы продолжаем оставаться в капиталистическом окружении, мы укрепляем наше государство и со всей энергией стараемся доказать нашим примером пролетариату по ту сторону границы, что можно обойтись без буржуазии в деле развития производительных сил общества. Только такая политика ускоряет взрыв социальной революции на Западе.

Не надо тешить себя иллюзиями о внесении революции извне. Самая выгодная комбинация для нас, это — внутренняя, гражданская война по ту сторону. А это означает революцию изнутри. Но и в этом случае не всегда диктуется «движение на выстрелы». Когда у наших друзей пожар в доме или когда на них напали бандиты, они встречают с радостью помощь, но если избавитель, даже при достаточной жилплощади, располагается в этом доме на постой, он рискует вызвать очень скоро не совсем благожелательные чувства. Товарищи, надеюсь, меня поняли.

Конечно, у нас имеется огромное стратегическое преимущество, и именно на него опираются те товарищи, которые утверждают, что наше наступление само будет создавать себе новые силы. Мы имеем резервы позади тыла противника. Это действительно большое преимущество, позволяющее разлагать живую силу противника. Но эти резервы тем сильнее, чем меньше они нуждаются в нашей непосредственной боевой помощи.

В заключение несколько слов по поводу вопроса о военном воспитании и политпропаганде. И в этом случае мы имеем дело с той же метафизической постановкой вопроса: или — или. Мы завоевали власть, в наших руках весь государственный аппарат, школа, армия. Было бы смешно, если бы мы отказались от использования всего этого аппарата, чтобы воздействовать на воспитание и перевоспитание народных масс в духе наших воззрений. Тут мы должны учиться у буржуазии. Пролетариат и его партия должны использовать армию, как огромный аппарат для коммунистического воспитания трудящихся масс.

Что лучше: муштровка или политпропаганда? Муштровка и коммунистическое воспитание. Муштровка хороша тем, что сообщает красноармейцу все необходимые ему боевые навыки, приучает его тратить минимум энергии при выполнении военно-технических задач. Каждый красноармеец должен знать свой боевой маневр, но он должен также хорошо знать и свой классовый маневр.

В первую очередь, во вторую очередь и в третью очередь коммунистическое воспитание хорошего красноармейского бойца, который прекрасно знает, что он должен быть готов оборонять свое социалистическое отечество, используя при определенных условиях времени и места все преимущества наступления, но в то же

время знающий и умеющий растолковать своему товарищу, беспартийному рабочему или крестьянину, что война хуже всякой холеры, что она — безобразие, порожденное и питаемое капитализмом, буржуазией, частной собственностью. Но когда война становится неизбежной, когда дело идет о защите против капиталистов, против буржуазии, против помещиков, тогда остается один выход — как в войне, так и в революции. Война пролетарского государства, это — продолжение революции другими средствами. И в том, и в другом случае самым надежным руководителем является марксизм. Всякий красноармеец должен помнить слова поэта:

Сохраняй свою осанку,
Над собой держи контроль!

Осанку красноармейскую, контроль коммунистический!

А. ДЕБОРИН

НОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ МАРКСИЗМА

Молоху мировой войны 1914—1918 гг. были принесены человечеством колоссальные жертвы. На-ряду с разрушением производительных сил, накопленных целыми поколениями материальных богатств, война потребовала миллионы человеческих жизней.

На полях сражения в ужасных мучениях истекал кровью пролетариат. Корчась в предсмертных судорогах, сознательные рабочие отдавали себе ясный отчет в том неслыханном поражении, которое нанесли социализму в этой ужасной бойне его признанные «пророки». Война произвела, однако, не только материальные разрушения; она в значительной степени опустошила души и сердца. Вместо святого возмущения и несгибаемой революционной воли она в генеральном штабе рабочих партий вызвала размягчение мозгов и мещанское благодушие.

Буржуазия одержала в этой войне величайшую победу над пролетариатом. Она сама вышла из всей этой передряги несколько помятой, а местами и сильно израненной, но в общем и целом игра стоила свеч, так как самый опасный ее враг, при услужливом содействии «друзей» рабочих, оказался в положении еще худшем. В ряды рабочих внесены были смятение и расстройство.

Пролетариат капитулировал перед буржуазией в первый же день об'явления войны. Само собою разумеется, что эта капитуляция была подготовлена всем предшествующим ходом развития рабочих партий. Ни для кого не секрет, что ко времени войны реформизм и ревизионизм фактически являлись господствующими течениями в западно-европейских социал-демократических партиях. Революционная фразеология часто прикрывала оппортунистическую практику. Война только вскрыла и ярче выявила эту зияющую пропасть между теорией и практикой западно-европейского рабочего движения.

Незаконное сожительство социал-демократии с буржуазией во время войны, — практика гражданского мира, проповедь социал-патриотических идей и проч., — скрепило этот союз и наложило свою неизгладимую печать на после-военную идеологию и политику социал-демократии, которая на деле превратилась из партии революционной и социалистической в партию буржуазного либерализма. При таком положении вещей вполне естественно, что обуржуазившиеся идеологи социал-демократии, примыкающие, с одной стороны, к буржуазии, а с другой — связанные с аристократией рабочего класса, в последние годы делают попытки построения нового мировоззрения, новой идеологии, которая бы в себе

совмещала близкие сердцу филистера «божественные» идеи с некоторой примесью либеральных мечтаний насчет социализма.

В целом ряде вышедших за последние годы работ намечается именно указанная основная тенденция: критика тесно связанной с положительным знанием материалистической философии и проповедь религиозных и абстрактно-этических идей. Параллельно с этим ведется ожесточенная борьба против марксизма, как революционного учения, отвергающего гражданский мир и сотрудничество классов.

Нет ничего более возмутительного и низкого, чем часто повторяемые такими господами сентенции, вроде того, что марксизм обанкротился, что он «не выдержал испытания войны», что он обманул их надежды, что он не предвидел надвигающейся мировой войны и роли в ней... социал-демократии. Все эти перепевы действительно обнаруживают нечистую совесть. Преступник часто склонен обвинять в совершенном им преступлении свою жертву. Изменив марксизму и социализму, эти жалкие люди не имеют смелости и мужества открыто об этом заявить; поэтому они уверяют всех, что марксизм изменил социал-демократии. Марксизм оказался «бессильным» во время войны! Да, он оказался бессильным потому, что все свои силы социал-демократия сосредоточила на обессилении пролетариата. Отказавшись от уплаты по выданным ими многократно векселям, эти господа кричат теперь о банкротстве марксизма. Такова уже психология мещанина.

I

Самым ярким представителем охарактеризованного типа мещанина от революции является бельгийский социал-демократ Гендрик де-Ман [1]). Бывший революционный марксист, некогда соратник Карла Либкнехта и Розы Люксембург, де-Ман во время войны стал социал-патриотом и пошел добровольцем на войну. Говорят, что на войне де-Ман, в качестве талантливого летчика, выказал «чудеса храбрости». Ныне он решил испробовать свои таланты на новом поприще: набравшись храбрости, он совершил «налет» на марксизм, выпустив огромный снаряд в виде об'емистого тома, который ставит себе целью разрушить марксизм до основания, а затем, на его развалинах, построить новый мир, новое мировоззрение на фундаменте фрейдовской «психологии глубин» и бергсоновской интуиции. Основные политические задачи, непосредственно вытекающие из «психологии глубин», сводятся к обоснованию грязной практики современных социал-демократических партий. Основной практический лозунг, который выставляется нашими новоявленными пророками мещанства, это — о б у р ж у а з и в а н и е, или о б м е щ а н и в а н и е, п р о л е т а р и а т а.

Надо сказать, что де-Ман хватил через край даже с точки зрения многих социал-демократических литераторов и публицистов, которые не одобряют его выступления. По нашему мнению, протесты их не обоснованы, потому что де-Ман, как уже было сказано, в части п р а к т и ч е с к и х предложений и требований не расходится с оппортунистической социал-демократией. Более того, он и с х о д и т из этой практики, подводя под нее только философский и социально-психологический

---

[1]) Русскому читателю де-Ман известен как один из авторов переведенной Н. Л. Мещеряковым на русский язык книги «Рабочее движение в Бельгии» де-Мана и де-Бруккера.

базис. Ошибка де-Мана, с точки зрения социал-демократических публицистов, состоит только в его слишком откровенном выступлении. На словах они продолжают еще цепляться за марксизм, но на деле де-Ман высказал современную «тайну» социал-демократических партий. Чрезвычайно характерным для них является та хитроумная дипломатия, которая особенно ярко выступает в статье Генриха Штребеля по поводу книги де-Мана [1]).

Штребель всячески убеждает де-Мана в том, что его «Освобождение от марксизма», как сам автор называет свою работу, совместимо с марксизмом, что его критика марксизма заслуживает похвалы и что, несмотря на полное отрицание или «опровержение» де-Маном марксизма, он, де-Ман, по просвещенному мнению Штребеля, остается по своему внутреннему существу, по своим целям и импульсам, таким же добрым марксистом, как и двадцать лет тому назад. Пойми, кто может! У этих господ логика чрезвычайно своеобразная. Отрицание марксизма равносильно его признанию...

Книга де-Мана [2]) состоит из четырех частей. В первой части, озаглавленной «Освобождение от марксизма», автором подвергаются критике основные логические и методологические принципы марксизма с точки зрения психологизма. Покончив с марксизмом, де-Ман во второй части своей работы переходит к изложению основ собственной концепции. Эта часть книги носит название «Социализм как воля». Продолжением ее является третья часть, «Социализм как представление». Завершается де-мановское «исследование» синтезом воли и представления, изложенным в главе «Социализм как представленная воля». Так как конец, как известно, венчает дело, то в этой четвертой и заключительной части книги намечаются конкретные пути и средства, ведущие к социализму.

Они состоят прежде всего, как уже было нами указано, в необходимости обуржуазивания пролетариата и в повороте от радикализма к реформизму, от космополитизма к национализму и от «материалистического цинизма», как элегантно выражается наш храбрый «летчик», к религиозно-этическому мировоззрению, которое получает свое наиболее глубокое обоснование в учениях Фрейда и Бергсона, ибо психоанализ приводит нас к признанию той истины, что «в человеке нет ничего более реального, чем божественная сила нравственного закона» [3]).

Таков голый скелет концепции де-Мана. А теперь обратимся к более детальному ее рассмотрению.

II

Надо прямо сказать: «творение» де-Мана местами вызывает в читателе чувства возмущения и негодования своею внутренней фальшью. Мы имеем право вступить здесь на почву психологии хотя бы уже по тому одному, что вся работа де-Мана представляет собою прежде всего чисто психологический документ. Автор довольно подробно излагает те мотивы, которые привели его, бывшего революционного марксиста, к религиозно-этическому миропониманию. И что же оказывается?

---

[1]) См. «Dresdener Volkszeitung» в номере от 23 февраля текущего года.

[2]) De Man, Hendrik, Zur Psychologie des Sozialismus, 1926.

[3]) Там же, стр. 431.

Вся ответственность за совершенное им salto mortale ложится целиком и всей тяжестью на марксизм.

В своей любопытной «исповеди» де-Ман сообщает, что еще задолго до войны он начал сомневаться в истинности ортодоксального марксизма, особенно с тех пор, как пришел в близкое соприкосновение с практической работой профессиональных союзов. Уже до войны, сознается де-Ман, он стоял гораздо ближе к реформистам и ревизионистам, чем к революционерам, но он не считал нужным открыто выступить с критикой основ марксизма. «Исповедь» де-Мана бросает яркий свет на психологию широких кругов западно-европейских ортодоксальных марксистов, которые, по известному совету старика Ауэра, делали реформистское дело, но произносили революционные речи. Что же удивительного в том, что социал-демократические партии в огромном своем большинстве исполнили свой патриотический долг, когда грянула война. Де-Ман пошел на войну добровольцем [1]). За время войны он многое передумал и перечувствовал. И то обстоятельство, говорит автор, что он неоднократно смотрел смерти в глаза, дает ему право сказать, что его книга написана кровью. Теперь он испытывает угрызения совести, и это очень хорошо. Но ответственность за свое поведение он возлагает на марксизм. Это уже хуже.

Как об'ясняет де-Ман мотивы, побудившие его к «пересмотру» своих взглядов? Он говорит, что его мучило и душу его переполнило сомнением состояние внутреннего разлада: я, страстный антимилитарист и пламенный интернационалист, чувствовал себя обязанным принять участие в войне против Германии. Этот разлад между разумом и инстинктом и явился исходным пунктом в деле освобождения от марксизма и «возрождения» социализма на религиозной почве, имеющей своей основой не разумное познание, а интуицию, бессознательные переживания и инстинкты. Мы увидим в дальнейшем, как де-Ман приходит к отрицанию роли интеллекта, рационального познания, стало быть к «освобождению» от научного, в том числе, естественно, и от марксистского, об'яснения явлений.

Место науки занимают вера, интуиция — словом, религиозное миропонимание. Так от копеечной свечки сгорела Москва. Разлад между долгом интернационалиста и инстинктом патриота привел к капитуляции разума перед инстинктом, науки перед верой, Маркса перед Фрейдом и Бергсоном. Марксизм де-Мана сгорел в огне его «животных» инстинктов. Или вернее: де-Ман сжег свой марксизм в патриотическом чаду.

Кто в этом трагическом событии повинен? Никто другой, как сам же марксизм. «Переживания мировой войны потому поколебали мои убеждения, — говорит он, — что они потрясли мою социальную совесть. Марксизм тогда не указал социалистам тех путей, которые могли бы повести к выполнению их нравственных обязанностей перед человечеством. Он недостаточно многого желал, потому что он недостаточно понимал. Вину за пролитие невинной крови, которая на нем тяготеет, я могу тем менее ему простить, что я сам чувствую себя еще отягощенным тяжестью этой вины».

---

[1]) Когда бельгийские товарищи спросили де-Мана о мотивах его поведения, он ответил: «Карл Либкнехт и я остались верны нашим антимилитаристическим убеждениям. Эта общность убеждений привела немецкого антимилитариста в тюрьму, а меня—в окопы».

Подумайте только, читатель, какие обвинения пред'являются марксизму! Оказывается, что на марксизме тяготеет вина за преступное пролитие невинной крови в мировой войне. Как это понимать? О каком марксизме идет здесь речь? Если де-Ман имеет в виду «марксизм» социал-патриотов и реформистов, то он, конечно, прав. Почему же де-Ман продолжает оставаться ныне на почве того же реформизма? Но при чем тут марксизм (без кавычек), на который де-Ман обрушивает свои громы? Разве марксизм ответствен за то, что реформисты и социал-патриоты извратили и опошлили его, что они изменили ему, вытравив из него все его содержание? Конечно, теперь, после всего пережитого, для всякого ясно, что в опошлении и извращении марксизма повинны своим пособничеством и так называемые революционные элементы, которые благодушно относились к реформизму и терпели его в своей среде. Это так. Но де-Ман идет дальше. Его обвинения направлены против учения Маркса, как такового. Оно несет ответственность за «пролитие невинной крови». Это уже сверх всякой меры.

В трактовке этого вопроса де-Маном что ни слово, то ханжество и лицемерие. Нельзя же отрицать того обстоятельства, что последовательные интернационалисты типа В. И. Ленина или К. Либкнехта всеми силами боролись против войны. Однако де-Ман об этом дипломатически умалчивает, ибо носителями истинного марксизма для него являются реформисты и социал-патриоты. Стало быть, если брать марксизм как практическое движение, то он все же не был окрашен в эпоху мировой войны в один кроваво-патриотический цвет. Но для де-Мана практическим выражением марксизма является только реформизм и национализм.

Впрочем, другим выражением марксизма он считает коммунистическое движение, но оказывается, что коммунистическое движение базируется на вульгарном марксизме, а реформизм и ревизионизм составляют «благородный марксизм» (Edelmarxismus). Каковы преимущества «благородного марксизма», мы уже видели. По мнению де-Мана, он уже во всяком случае повинен в пролитии невинной крови, что не мешает ему оставаться «благородным».

Коммунизм, который имеет огромные заслуги по борьбе с «пролитием крови», т.-е. с социал-патриотизмом и шовинизмом, третируется нашим запоздалым «ангелом мира», как вульгарный марксизм. У де-Мана нехватило беспристрастия даже настолько, чтобы помянуть добрым словом своих бывших друзей, К. Либкнехта и Р. Люксембург, которые в пору всеобщего патриотического опьянения нашли в себе мужество выступить открыто против «благородных» и тем спасти честь марксизма.

Но все зло заключается, разумеется, в теории марксизма, в самом учении Маркса. Марксизм не мог предотвратить войну, ибо Маркс увлекался мировой революцией, но не видел надвигающейся мировой войны. Марксизм стоит на почве ложного учения о классовой борьбе; он космополитичен и рационалистичен. И именно поэтому марксизм является препятствием на пути к истинному интернационализму. Единственным выходом из создавшегося положения, единственным средством предотвращения будущих войн является сознание безнравственности и несправедливости войн вообще. Марксизм тем и грешен, что он не оказался в силах внушить людям это моральное сознание.

Вот до каких наивностей дошел человек, который как-никак некогда стоял на левом фланге социалистического движения.

«Что касается меня, — говорит де-Ман, — то из опыта войны я сделал вывод, что моей обязанностью является впредь воздержаться от всякого действия, которое связано с подготовкой войны или с участием в ней, и отказать любому государству и любой организации в праве распоряжаться моей жизнью или через меня жизнью других людей» [1]). Это торжественное обещание примем к сведению. Автор становится здесь на путь пассивного сопротивления Л. Н. Толстого. Но его «торжественное обещание» снабжено целым рядом «поправок» и поэтому грешит внутренней противоречивостью и неопределенностью.

В самом деле, обязанностью всякого социалиста-интернационалиста являлась в условиях империалистической войны борьба против нее. И эта именно обязанность вытекала как раз из основных принципов марксизма, который учит братской солидарности пролетариев всех стран и проч. Но де-Ман, подобно многим другим, не выполнил первейшей обязанности социалиста, чем и изменил принципам марксизма. Было бы очень благородно, если бы он теперь признал свою вину и правоту марксизма. Вместо этого де-Ман постоянно «кивает на Петра», пишет целый обвинительный акт против марксизма и строит воздушные замки. Обязанности социалиста, марксиста и интернационалиста де-Ман не выполнил, в чем виноват, разумеется, Маркс с его рационализмом. Чтобы застраховать себя в будущем от подобных неприятностей, надо внушить себе, что это долг нравственный, повеление бога...

От божественного перейдем теперь к земному; мы увидим, что де-Ман, связав себя торжественным обещанием на словах, практически делает все от него зависящее, чтобы подготовить новые войны, а затем, быть может, под давлением массового психоза, принять в них и участие. Впрочем, не будем касаться личностей. Охотно допускаем, что молитва поможет де-Ману и чаша сия его минует. Но ведь дело не в нем, а в том, что «земля во зле лежит», а все рецепты де-Мана как бы нарочито изготовлены для того, чтобы это зло питать.

Марксизм стоит на почве классовой борьбы. Де-Ман, поумнев, доказывает теперь, что на-ряду с интернациональной противоположностью между рабочими и предпринимателями существует национальная солидарность интересов между пролетариатом и буржуазией данной страны. Отсюда вытекает, далее, противоположность интересов между рабочим классом одной страны и рабочим классом другой страны. Разве это не чистейший социал-патриотизм, который подготовляет в будущем возможность повторения событий 1914 — 1918 гг.? Со времени 1914 г., говорит де-Ман, национализм стал среди рабочего класса могучим фактором. Он не является пережитком прошлого, а продуктом политического и культурного роста пролетариата, говорит де-Ман [2]).

В эпоху «Коммунистического Манифеста» пролетариат действительно не имел отечества, пишет де-Ман, ныне же у пролетариата есть отечество. Раз это так, то пролетариат видит себя обязанным употребить все свои силы на сохранение и процветание государства. Социалисты являются в настоящее время во всех странах Европы государственными партиями, и чем больше социализм становится носителем государственной идеи, тем более он становится носителем и на-

[1]) Там же, стр. 408.
[2]) Там же, стр. 368.

циональной идеи, воплощением которой является государство. Сущность государства, как говорит де-Ман, состоит в воле к власти. Социалистическая партия, получившая в свои руки власть в государстве, вынуждена будет вести в общем такую же политику, как и буржуазные партии. Социалистические партии все более и более приобретают характер национальных партий. Политическая демократия, говорит де-Ман, не является защитой против агрессивного национализма. Судьба рабочего класса все теснее связывается с судьбою нации. Вследствие этого усиливаются национальные чувства рабочих масс. Стало быть, де-Ман оставляет в силе все реальные условия, влекущие за собою неизбежно кровавые столкновения народов: противоположность интересов между отдельными странами и нациями, государственную организацию, которая по самому существу своему есть воля к власти, т.-е. воля к войне... При таких условиях очевидно, что избегать войны можно лишь путем заклинания, путем нравственной магии.

III

Де-Ман совершенно основательно считает себя продолжателем или, вернее, завершителем начатого Э. Бернштейном в девяностых годах прошлого столетия пересмотра основ марксизма. Ревизионизм Бернштейна, говорит он, явился выражением обнаружившегося противоречия между теорией и практикой рабочего движения. Но критика Бернштейна направлялась на отдельные проблемы марксова учения, а не на самые философские основы марксистского мировоззрения, хотя Бернштейн и понимал их несостоятельность. Теперь настало время освободиться от марксизма целиком и полностью, потому что несостоятельность марксизма вытекает прежде всего из невозможности превратить марксистский метод познания в метод действия. Теория марксизма противоречит, мол, практике рабочего движения по всей линии. Наш «идеалист» до такой степени является рабом фактов, что любой поступок любого профсоюзного бюрократа с его точки зрения в состоянии опровергнуть марксистскую теорию. Впрочем, вопрос действительно интересный и серьезный. Марксистская теория утверждает, говорит наш глубокомысленный философ, что государство представляет собою комитет для управления делами господствующих классов. Но практика доказывает совершенно другое: партия рабочего класса нигде не отказывается от участия в коалиционном правительстве с буржуазией. Следовательно, теория Маркса опровергнута жизнью. Таких примеров у де-Мана не мало. Нельзя сказать, чтобы у де-Мана была сильная логика. Впрочем, логика для него вообще не обязательна. Ведь в основе всего лежат аффекты. В самом деле, «железная» логика де-Мана ровно ничего не доказывает. Из того, что рабочие партии принимают участие в буржуазных правительствах, нисколько не следует, что государство не является комитетом для управления делами господствующего класса. Более того, этот факт доказывает обратное, а именно: что буржуазия заставляет часто представителей враждебного ему класса служить ее интересам, выполнять ее задания, быть ее приказчиками. Это во-первых.

Во-вторых, де-Ман сознательно закрывает глаза па то, что отвратительная «практика» рабочих партий уже заставила в ряде стран рабочие массы восстать против нее и с оружием в руках бороться за социализм.

В-третьих, на-ряду с «практикой», скажем, германской социал-демократической партии, есть ведь еще и практика Октябрьской революции в России. Словом,

мы могли бы привести еще много доказательств в пользу того, что рассуждения де-Мана носят совершенно несерьезный, легкомысленный характер. Но достаточно, нам кажется, сказанного, чтобы понять, что теория Маркса практикой социал-демократических партий ни в малейшей степени не поколеблена. Пролетариат своего последнего слова еще не сказал, а потому рано подводить итоги.

Итак, исходить следует из повседневной практики. Марксизм вообще, мол, не понимает внутренней связи между массовым движением и освещающей его теорией. Анализ хозяйственных форм ничего не может давать для об'яснения массовых движений, ибо массовое движение есть определенная психологическая реакция людей на общественную среду. И так как такая реакция покоится не на познании, а на массовых аффектах, то центр тяжести мировоззрения должен быть перенесен из области познания в область психологии, в область чувств и инстинктов, воли и переживаний.

Марксизм, с точки зрения де-Мана, потому несостоятелен, что он исходит из исследования об'ективных, хозяйственных связей и форм, что он строит на этом основании рациональное познание, между тем как сфера чувств и переживаний составляет самое важное и первичное, не поддающееся рациональному истолкованию. Поэтому необходимо обратиться к изучению и анализу психологических корней и мотивов человеческого поведения. Здесь мы сразу вступаем на почву фрейдовского психоанализа, который является-де единственно истинным методом научного познания.

Современная эпоха резко отличается от эпохи, в которую жил и творил Маркс. Наше мироощущение, вытекающее из иных волевых импульсов, не похоже на те чувства и восприятия, которые лежали в основе мышления Маркса, говорит де-Ман.

Основное заблуждение Маркса состоит-де в признании им рационального метода познания и закона необходимости, а далее в убеждении, что способ производства и вообще производственные отношения являются определяющими моментами для массовых движений, т.-е. для борьбы классов. В наш «век психологии» Маркс устарел бесповоротно. Рациональное мышление при посредстве категорий теснейшим образом связано с материализмом, с законами движения материи и признанием механической причинности. Ему противостоит интуитивное познание с его психологическими реакциями, с признанием особой психической первичной силы. Наш дух, или «большой разум», богаче логического мышления. Он имеет в своем распоряжении непосредственное чувственное восприятие, интуицию, интроекцию, или вчувствование, этические и эстетические чувства, словом — всю совокупность чувственных качеств воли [1]).

Благодаря Бергсону, Фрейду, Адлеру и Юнгу современная психология освободилась от суеверия рациональной закономерности, как единственной формы познания, и поднялась на ту ступень, где она пользуется только киноэнергетическими гипотезами, покоящимися на признании психической первичной силы, действующей совершенно иначе, чем механическое движение материи.

В царстве мертвой материи применимы те логические, рациональные категории, на которых покоится мировоззрение марксизма. Но он переносит эти категории

---

[1]) Там же, стр. 35.

на общественную жизнь. Между тем область органической жизни радикально отличается от области мертвой материи. Чем более наука подвигается от физического к живому и от живого к психическому, тем более познание становится символическим и тем менее предметным. Итак, метод механики противостоит методу психологии. Эти методы являются источником двух различных способов мышления: рационального и интуитивного; предметом первого является категория, понятие; предметом второго—явление, психическая реакция. «Победа интуитивного мышления над рациональным в науке о духе не означает уничтожение победителем побежденного, а только указание последнему его настоящего места. Рациональное мышление занимает место слуги. Логическое мышление имеет своей целью помочь упорядочить наше интуитивное познание явлений согласно причинным рядам» [1]). Интуитивное мышление пользуется разумом для осуществления своих целей. Человеческая воля является госпожей разума, а не разум господином воли.

Для характеристики глубины понимания де-Маном марксизма достаточно привести еще следующие его соображения. Каждая наука, говорит он, упирается в такие проблемы, которые могут быть разрешены лишь при помощи метафизического или религиозного мироощущения. Исторический материализм поступает точно так же, когда он понятие функции замещает понятием механической причинности для того, чтобы установить один ряд развития (технику) в качестве причины другого (идеологии). Тем самым техническое развитие, или, употребляя выражение Маркса, развитие способов производства, об'ясняется конечной причиной, т.-е. мертвая материя возводится в божество. Это очень любопытное рассуждение. Из него вытекает прежде всего, что помимо божества ничто другое не может являться причиной каких-либо действий. Во-вторых, «способ производства» мыслится как мертвая материя де-Маном, но не Марксом, который постоянно подчеркивал, что рабочий является самой важной производительной силой и что вообще без деятельности человека нет технического развития. С таким же вульгарным пониманием марксизма мы встречаемся у де-Мана решительно повсюду. Его изображение рационального способа мышления, например, походит на грубейшую карикатуру.

У де-Мана, столь увлеченного Фрейдом и Бергсоном с их первичной психической силой, нехватает понимания материалистической диалектики и марксизма вообще. В самом деле, совершенно неверно, будто учение Маркса есть не что иное, как социальная механика и некое априорное, чисто логическое построение. Ведь де-Ман утверждает, что учение Маркса не имеет ничего общего с опытом, с действительностью, что впрочем не мешает ему же в другом месте подчеркнуть, что марксизм являлся в свое время верным отображением действительности и что только ныне он устарел.

Если верить де-Ману, то марксизм имеет своим предметом одни лишь логические понятия и в этом отношении он якобы ничем не отличается от гегелевского рационализма. Само собою разумеется, что основной грех марксизма составляет, по мнению де-Мана, диалектика. Эта борьба с диалектикой началась со времени первого выступления на литературную арену ревизионизма и продолжается по сей день не только за границей, но отчасти и у нас: на нее нападают

---

[1]) Там же, стр. 71.

под видом борьбы то с схоластикой, то с гегельянством и проч. Чрезвычайно характерно для текущего момента, что борьба с марксизмом ведется ныне под флагом фрейдизма и что отдельные элементы, из которых сложилось мировоззрение де-Мана, развиваются и у нас разными «марксистами». Но у наших нет еще «синтеза»: у них отсутствует та смелость, которую обнаружил де-Ман. Надо полагать, что он придет им на помощь. Это между прочим.

Итак, Маркс оперирует якобы исключительно голыми понятиями, его мышление отождествляется с чисто механическими методами. Само собою разумеется, что это чистейшая выдумка. Де-Ман действительно воображает, что марксизм игнорирует чувственные восприятия, переживания и волевые импульсы людей. Марксизм не рассматривает человека как голую мыслительную машину, как это себе представляет де-Ман. Ничего подобного. Напротив того, марксизм стремится об'яснить те или иные представления и идеи людей, даже их способ мышления, из их переживаний, восприятий и отчасти воли. Но он определенное направление и содержание психических переживаний, в свою очередь, об'ясняет совокупностью реакций, производимых на человека всей окружающей его обстановкой, т.-е. общественными отношениями, условиями общественной жизни. Таким образом, марксизм ни в малейшей степени не исчерпывает понятием механической реакции содержание индивидуальной или общественной жизни. Де-Ман же, как и его учителя Бергсон и Фрейд, вынужден застрять в области психики, которая является для него конечной инстанцией, и поэтому придумывать особую первичную психическую силу, т.-е. особую субстанцию, на которой благополучно и успокаивается.

Но чем об'ясняются все же изменения, происходящие в нашей психике? Де-Ман постоянно повторяет, что мы со времени Маркса или со времени войны стали другими людьми. Допустим; но тогда спрашивается, что же нас сделало другими? Ведь «первичная психическая сила», или творческий дух, должен оставаться всегда одним и тем же. А если наши переживания, стремления и чувствования изменились, то, повидимому, в силу того, что «внешние раздражения» изменились, что общественнные условия породили новые ощущения и чувства. Отрицается ли марксизмом этот самый факт наличности психики с ее переживаниям и влечениями? Разумеется, нет. Но эта психика не живет в безвоздушном пространстве и не представляет собою лейбницевской монады «с закрытыми окнами», а подвержена воздействию и влиянию внешних факторов. Да, эти воздействия своеобразно преломляются и перерабатываются психикой. Но материал, перерабатываемый психикой, подвергается дальше *логической* обработке, что дает нам возможность реального и об'ективного познания. Оставаться на почве «психических реакций» значит утверждать суб'ективизм и отказаться от научного познания вообще. Сколько бы ни болтали об интуитивном познании, как высшей его форме, но действительное научное познание возможно лишь при помощи логики, при помощи понятий или категорий.

Каково же взаимоотношение между понятиями или категориями и явлениями или переживаниями? Действительно ли в рациональном способе мышления понятия оторваны от явлений, как это думает де-Ман? Конечно, нет. Наши понятия и идеи являются абстракциями от реальных отношений об'ективной действительности, которая вызывает в нас определенные впечатления и восприятия, перерабатываемые нами в понятия. Если бы возможно было непосредственное *логическое* познание, мы бы не нуждались ни в каком *опыте*.

Впрочем, де-Ман действительно утверждает, что теория Маркса ничего общего с опытом не имеет и что она является лишь выражением «диалектики понятий». Как ни чудовищно такое обвинение по отношению к Марксу, но у де-Мана смелости на это хватает, тем более, что у него имеются в этой области предшественники. Де-Ман подверг сначала разрушительной критике материализм, противопоставив ему вместе с Бергсоном и Фрейдом «первобытность» «изначальность» психической силы. Материализм Маркса он низвел до абстрактной механики, на которой якобы зиждется рациональное познание. Дальнейшая критика метода Маркса ведется де-Маном в том же направлении и в том же духе.

Диалектический метод Маркса, в согласии с Гегелем, повествует де-Ман, рассматривает всегда одну категорию как противоположность другой и в причинной связи с третьей, принадлежащей уже новой, высшей ступени. Буржуазия отождествляется марксизмом с капитализмом, пролетариат с социализмом, так что преодоление пролетариатом буржуазии тем самым означает преодоление капитализма социализмом. Так, социальная революция, — окончательное разрешение противоречия между буржуазией и пролетариатом, капитализмом и социализмом, — есть не что иное, как движение, возникающее из столкновения двух тел... Ее содержание с самого начала и раз навсегда дано. Это следует из логической несовместимости двух противоположных понятий, остающихся тождественными до момента преодоления или уничтожения одного другим. Это преодоление представляет собою не постепенный переход, а внезапный перерыв, скачок и проч. В логическом содержании обеих категорий ничто не меняется до самого «взрыва», и все «развитие» состоит в том, что растет интенсивность напряжения между противоположностями. На основе подобных «категорических противоположностей» Маркс сконструировал свою теорию обнищания масс и крушения капиталистического строя. Эта его теория явилась априорным фактом будущего, выведенным из противоположности вымышленных им понятий. Таковы рассуждения де-Мана.

А теперь позволим себе сделать несколько критических замечаний по поводу приведенных мыслей де-Мана. В качестве интуитивиста и психологиста де-Ман пытается опорочить логическое мышление вообще и диалектическое в частности. К каким же выводам приходит наш фрейдист? Сначала он изобразил дело так, что логические понятия ничего общего с действительностью не имеют. Отсюда он сделал дальнейший вывод о том, что вся теория Маркса представляет собою не что иное, как априорную, чисто логическую конструкцию [1]).

Величайшая заслуга Маркса перед общественной наукой состоит в том, что он не только поставил диагноз, но установил и прогноз общественного развития, который ежедневно подтверждается всеми фактами и событиями наших дней. И вот приходят де-Маны, опирающиеся на костыли Фрейда и Бергсона, и начинают вопить на весь мир о «схоластике» Маркса, об его игре диалектическими категориями, об его якобы априорных конструкциях и проч. Очевидно, они готовы признать науку лишь в той мере, в какой она не в состоянии предвидеть будущее. Каковы же, однако, аргументы де-Мана? «Люди не только мыслительные машины. То, что истинно в мире понятий, еще поэтому не истинно в мире явлений. Не потому, чтобы понятия были только фикциями, которым никакая действительность не

---

[1]) Там же, стр. 78.

соответствует... Дело в том, что реальность понятий не совпадает с реальностью явлений...»

Само собою разумеется, что то, что истинно в мире понятий, по одному этому еще не истинно в мире явлений. Но разве эта сентенция имеет какое-либо отношение к марксизму? Но когда де-Ман с решительностью и душевным облегчением заявляет, что «выражения «капитализм» и «социализм» не означают фактов во внешнем мире, что они не суть явления, а лишь категории, понятия, продукты абстракции», то весь ход его мыслей приобретает особый смысл. Теперь этот смысл ясен и нам; теперь и мы прозрели. Но, прозрев, поняли истинные намерения критика. Оказывается, что «нет такой действительности, которая соответствовала бы понятию капитализма или понятию социализма. Социализм только гипотеза, представление о возможном общественном строе или, вернее, представление об известных основах такого строя, который еще не существует и который никогда еще не существовал. Но и понятие капитализма покрывается лишь представлением в нашем мозгу. Мы воображаем, правда, что общество, в котором мы живем, тождественно с этим представлением. Но это — заблуждение» [1]).

Это именно и требовалось де-Ману доказать. Оказывается, что игра диалектическими понятиями состоит в том, что мы признаем капитализм реально существующей общественной формой, буржуазию и пролетариат реально существующими общественными классами, между тем как все это одни лишь голые понятия, которым в действительном мире, в мире явлений, ничего не соответствует.

Теперь становятся понятными рассуждения де-Мана о том, что содержание социальной революции «дано с самого начала и раз навсегда» вместе с логической несовместимостью двух противоположных понятий, остающихся тождественными до момента уничтожения одного другим. Для того, чтобы разрушить, или, как выражается де-Ман в одном месте, «подкопать» марксизм, для того, чтобы лучше оправдать «теоретически» свой отход от марксизма, искусному эквилибристу де-Ману понадобилось вытравить из марксизма его реальное жизненное содержание и, вопреки всякой очевидности, внушить читателю, что марксизм чисто логическая и априорная конструкция, которая считает действительностью чистые «понятия»; такими понятими являются, мол, капитализм, буржуазия, пролетариат, классовая борьба и проч. Раз все эти реальности сведены только к понятиям, к категориям, раз реальная жизнь иная, то отсюда следует и другой способ поведения, другая, т.-е. либеральная, политика и тактика.

Более подробно останавливаться дальше на де-мановской карикатуре на марксистскую диалектику вовсе нет надобности. Все утверждения де-Мана высосаны из пальца; исходный пункт об'яснения де-Маном марксовой диалектики неверен. У Маркса понятия только отображают реальный процесс действительности, где противоположностями являются не логические понятия, а реальные вещи. И уже совсем по-дюринговски звучит утверждение де-Мана, будто из логических противоположностей понятий Маркс вывел ту или иную теорию относительно будущего развития капиталистического общества. Маркс открыл законы развития капиталистического общества и на основании познания его реаль-

---

[1]) Там же, стр. 78.

ных законов предсказал путь дальнейшего его развития и гибели. Совершенно нелепой является, далее, мысль де-Мана, будто Маркс рассматривает смену капитализма социализмом чисто механически, как столкновение, или удар, двух тел. Такая «механика» Марксу была абсолютно чужда.

Де-Ман упрекает марксову диалектику, которой он совершенно не понял, в том, что она имеет дело с неподвижными понятиями или категориями (вроде противоположностей: «капитализм» и «социализм»), которые Марксом якобы «раз навсегда» установлены и никакому развитию и изменению не подлежат. Это — грубейшее извращение марксизма, свидетельствующее в то же время и о полном непонимании бывшими марксистами метода Маркса. Диалектика требует как раз конкретного изучения действительности.

Справедливость требует сказать, что у де-Мана иногда проявляются и проблески некоторого правильного понимания вещей. Но это только проблески, которые немедленно исчезают в темноте ночи. В самом деле, тот же де-Ман подчеркивает, что научное познание невозможно без категорий, а между тем ведь спор и вращается все время вокруг них. Мало того, он вдруг совершенно неожиданно и вопреки всей своей концепции, вопреки отрицанию марксовского метода и рационального мышления, заявляет о том, что учение Маркса соответствовало некогда действительности. Конечно, Маркс был «книжный червь», пишет де-Ман. Он был совершенно «чужд практической жизни» и в особенности жизни рабочих. Все свои знания он черпал из книг, повторяет за Шоу де-Ман. Пусть так, не будем спорить по этому вопросу. Но ведь интересно, что именно Маркс дал то, чего ни Шоу, ни де-Ман с их великолепным знанием практической жизни дать не могут.

Де-Ман пишет: «Пусть все факты, приведшие Маркса к его учению о хозяйственных факторах общественного развития, им верно познаны, а в большинстве случаев они и были им действительно верно познаны; пусть, далее, все выводы, которые привели его от отдельных фактов к целостной системе, были логически безупречны — и они действительно почти всегда безупречны; тем не менее мы ныне отвергаем его учение, потому что оно больше не об'ясняет того, что мы *хотели* бы или *должны* иметь об'ясненным для того, чтобы наша деятельность приобрела для нас смысл» [1]).

Стало быть, «рациональная априорная конструкция» Маркса дает истинное познание действительности, из чего следует сделать вывод, что вся критика де-Мана бьет мимо цели. Зачем же в таком случае огород городить о рационализме, априоризме и категориях?

Однако во всякой бессмыслице есть свой внутренний смысл. Де-Ман считает необходимым отвергнуть марксизм не потому, что он не выдержал научной критики, а просто потому, что «мы так хотим». И поэтому де-Ман в общем не утруждает себя действительным разбором основных принципов марксизма, а ограничивается лишь изречениями, которые должны показать, что интуитивное познание есть первичное и истинное, а все прочее лишь от диавола. «Марксизм, — говорит де-Ман, — создал в самое короткое время более живую массовую религию, чем какая-либо европейская церковь; в нем продолжает жить смесь стихийных массовых чувств и рациональной веры в категории понятий, которые в прежние времена в иной форме

---

[1]) Там же, стр. 128.

воодушевляли эпоху крестовых походов и схоластики, а в более позднее время эпоху реформации и религиозных войн»[1]).

Час от часу не легче. Логика де-Мана все больше и больше затуманивается. То марксизм плох тем, что он насквозь рационалистичен и не признает «закономерности» чувств и переживаний; он действует только на голый рассудок — и это, разумеется, очень плохо; то оказывается, что марксизм ничем не отличается от религии и сильнейшим образом влияет на массовые чувства — и это тоже очень нехорошо и де-Манам не нравится. Но из всех приведенных «аргументов» де-Мана самым убедительным все же является это великолепное: мы больше не хотим быть марксистами. «Мы» хотим быть либералами, добрыми христианами и морализирующими мещанами. Для «нас», людей «века психологии», высшей истиной является раздавшийся с горы версальского Синая трубный глас пророков будущего. До какого морального падения надо дойти, чтобы писать: «Голос будущего слышится в параграфе версальского договора, гласящем: труд не должен рассматриваться, как предмет купли-продажи»[2]).

Слух де-Мана уловил здесь естественно, как и в других фактах современности, «этику грядущих времен», между тем как Маркс ничего этого не понимал; он убил в человеке моральное чувство, которое расцветает только ныне под эгидой Лиги наций, где выковываются скрижали нового завета. Разве Маркс мог предвидеть, что современное государство превратится в лучший инструмент для осуществления социализма? — говорит де-Ман. «Если он (Маркс. — *А. Д.*) видел в государстве не что иное, как простой механизм для классового угнетения, — говорит де-Ман, — не будучи способным предвидеть наступление момента, когда оно органически сольется с процессом осуществления социалистического правопорядка, то только потому, что Марксу было известно государство с ограниченным избирательным правом»[3]).

Бедный Маркс! Какой же он был близорукий человек! А испортил старик зрение слишком усердным чтением книг. Недаром он — «книжный червь». Однако опыт нас научил некоторому скептицизму. Мы уже твердо знаем, что когда начинают усиленно говорить о нравственности и религиозных чувствах, то будь на-чеку!

Итак, Маркс был плохим пророком. Он ничего не предвидел и предвидеть не мог. Будущее, вообще говоря, сокрыто от нас, думает де-Ман, мы знаем только настоящие, непосредственные переживания. Тем не менее не вредно бывает помечтать и о будущем. «Систематики, мыслящие категориями, издавна были самыми плохими пророками. Лучше других прозреть будущее могли интуитивные мыслители, которых мы находим больше всего среди поэтов и художников, но не среди историков и экономистов»[4]).

А теперь послушаем, как де-Ман философски обосновывает невозможность предвидения на основе рационального познания. «Для определения наших жизненных целей мы не нуждаемся ни в каких иных законах, кроме нравственного закона. Здесь важно не познание того, что мы делать вынуждены, а чувство, в силу которого мы что-либо делать должны. Но именно этому история нас научить не может»[5]).

---

[1]) Там же, стр. 77.

[2]) Там же, стр. 84.

[3]) Там же, стр. 129.

[4]) Там же, стр. 114.

[5]) Там же, стр. 115.

В основе всей действительности лежит, по мнению де-Мана, метафизическая воля, осуществляющая свои цели и создающая себе мир представлений, который подчинен воле. Подобно тому, как органические формы, говорит он, вопреки Дарвину развиваются в силу вложенной в них воли, так и воля человека определяет форму общества.

Рабочее движение вначале было лишь волей, а социализм — представлением, т.-е. определенным учением. Но воля была слепа, представление бессильно, пока не произошло их об'единение, давшее воле направление, а представлению силу, мощь. Первый синтез воли и представления, рабочего движения и социализма, дан был Марксом. В этом его величайшая заслуга, говорит де-Ман. С тех пор социалистическое рабочее движение стало представленной волей. Но самое вкусное блюдо, как известно, нуждается в щепотке перцу. Синтез Маркса все же оказывается никуда не годным, потому что им неправильно понято было взаимоотношение между волей и представлением. Маркс исходил из того, что логическое познание обусловливает чувственное содержание и направление воли, между тем как в действительности дело обстоит как раз наоборот. Общим источником воли и представления являются аффекты.

С первого взгляда здесь как будто все обстоит благополучно. Разве кто-нибудь отрицает, что рабочий одарен чувствами и волей? Правда, де-Ман тут же приписывает Марксу нелепую мысль, будто с его точки зрения логическое познание порождает чувственное содержание. Маркс исходит, напротив, из той несомненной истины, что внешняя действительность и общественные условия действуют определенным образом на чувства, или аффекты, рабочего. На основе этих чувств возникают известные представления и идеи, которые дают направление воле; иначе говоря, рабочее движение, как определенная «чувственная» и волевая реакция пролетариата против эксплоатации и угнетения, нуждается в ясных представлениях и идеях, т.-е. в об'ективном изучении действительности. Представления и идеи, т.-е. теория, освещают рабочему классу путь, придают его аффективным и волевым реакциям целесообразные формы. Ведь сам де-Ман говорит о том, что воля слепа без представлений, без теории, которая не порождает волю, а дает ей целесообразное направление. Но когда двое говорят одно и то же, то это далеко не одно и то же. Ибо де-Ману необходимо отстоять абсолютную независимость и самостоятельность аффектов и воли, самостоятельность нравственного закона и религиозного настроения.

В самом деле, философские соображения де-Мана насчет первичности аффектов, чувств и проч. приводятся им для того, чтобы показать, что человеку прирождены определенные инстинкты, которые и лежат в основе всякого общественного развития. Это, правда, не ново и неоригинально, как все, написанное де-Маном, но занимательно.

Чувство владения и право собственности являются неискоренимыми предпосылками общественной нравственности. «Частная душа» (die Privatseele) порождает этот род частной собственности, говорит он. Если бы рабочий не обладал инстинктом собственности, то ему недоставало бы мотива на пред'явление права на средства производства [1]).

---

[1]) Там же, стр. 186.

Де-Ман исходит из признания особой западно-европейской, христианской формы чувствования (он сумел использовать для своих целей, помимо Фрейда и Бергсона, еще и Шпенглера). Социализм и христианство составляют две стороны одной и той же сущности. Западно-европейское христианство является динамической мировой религией по преимуществу, — единственной религией, которая принимает неограниченный мир с неограниченным божеством, предписывает человеку сверхчеловеческий идеал, делает его самого ответственным за спасение своей души, а заботой о бессмертии души возвышает его над всем земным и проч. [1]). Все эти чувствования присущи, мол, социализму и де-Маном об'единяются понятием «социалистического эсхатологического чувства». Психология христианства и социализма одна и та же, ибо инстинкты человека, первичная психологическая сила, остаются неизменными.

«Если бы «научный» социализм хотел быть достаточно научным, чтобы в своих собственных положениях видеть предмет научного психоанализа, то он бы понял, что понятия социальной революции, пролетарской диктатуры или государства будущего в свете социальной психологии являются также лишь мифами, т.-е. символами веры в образе исторических повествований» [2]).

IV

Итак, предстоящее «возрождение» социализма возможно только в том случае, если он будет построен па новых философских основаниях. Мы уже знаем, что рабочее движение находится в определенной связи с социализмом. Рабочее движение есть выражение воли, или просто воля, в сравнении с социализмом, как представлением. Марксизм представляет собою синтез воли и представления, их единство. Но так как марксизмом взаимоотношение между волей и представлением, т.-е. между рабочим движением и социализмом, было понято неправильно, говорит де-Ман, то во время войны созданное марксизмом единство распалось.

Война вскрыла глубочайшее противоречие между движением и его теорией. Но так как «подвело» движение, а не теория, то следовало бы отсюда сделать вывод, что теория хороша, но движение сильно хромает, или, иначе говоря, что необходимы новые «формы» движения, которые были бы лучше приспособлены к требованиям «теории», в свою очередь являющейся, конечно, выражением движения, но в другом, более глубоком и историческом, смысле. Война оправдала теорию, но осудила формы движения, определенное выражение воли. Но у де-Мана все выходит «навыворот». Так как воля является первичным, то, с точки зрения де-Мана, рабочее движение в выразившихся его формах не подлежит изменению и осуждению, ибо воля, инстинкты, чувства, которые проявились в этом движении, первичны.

Де-Ман совершенно не замечает, в какие противоречия он здесь впадает. С одной стороны, представление есть только рефлекс воли; разум, теория имеют только второстепенное значение и всецело находятся на службе у «бессознательного». Если это так, то, во-первых, это ведет к освящению всех гадостей, к примирению с проклятой действительностью и возведению ее в норму и закон, что, в сущности говоря, не взирая на свое покаяние, и делает де-Ман. Этим признано

[1]) Там же, стр. 234 — 235.

[2]) Там же, стр. 253.

вообще полное бессилие сознания: мысли, идеи, — все перенесено в область слепой воли. Но как заставить людей изменить свои чувства и инстинкты? Де-Ман думает, что это возможно посредством моральной проповеди, посредством насаждения нравственного закона. Но, во-первых, «нравственный закон» доступен человеку тоже прежде всего посредством сознания, а во-вторых, почему же он должен сильнее действовать на человеческие инстинкты, чем классовые интересы, классовое сознание и проч.?

Де-Ман полагает, что на первых ступенях развития рабочего движения учение о том, что капитализм ведет с железной необходимостью к победе социализма, было полезно, а ныне оно вредно, ибо оно отодвинуло нравственный фактор на задний план. Учение о необходимости развития стало убежищем для слабых, люди забыли о долге, о своих нравственных обязанностях и предоставили все естественному ходу вещей. Но ведь дело обстоит как раз так, что реформисты и ревизионисты, которые отрицают «железную необходимость» и давно уже провозгласили решающее значение морального фактора и «свободную» деятельность человека, ведь именно они-то и признали первыми войну и свое активное участие в ней священным, моральным долгом патриота.

В той части своей работы, где де-Ман критикует закостенелость, консервативность, бюрократический дух и духовную ограниченность вождей с.-д. партий и профсоюзов, он безусловно прав. Но выводы его противоречат приводимым им фактам. Ибо все указанные факты вопиют именно о том, что эти чиновники опошлили рабочее движение и социализм, а железная необходимсть тут ни при чем.

Марксизм, говорит де-Ман, не оказался способным использовать человеческие чувства и инстинкты для пробуждения в массах мощного нравственного чувства, ибо возмущение пролетариата против капитализма имеет своим источником не рассудочные умозаключения, а первобытные чувства. Пролетариат в силу этих первобытных чувств восстает против неравенства и несправедливости. Марксизм должен был опираться не на экономическую необходимость, а на чувства и совесть рабочих. Война показала, что классовая солидарность рабочих мира — только пустой звук, а животные инстинкты и воинственный дух в них еще чрезвычайно сильны. Марксизм и должен был преобразовать эти инстинкты так, чтобы социализм стал чувством, — чтобы он вошел в плоть и кровь рабочих масс.

Но ведь для овладения чувствами рабочих социализм прежде всего должен дать об'ективную, научную «картину» действительности; необходима прежде всего правильная теория, т.-е. рациональное познание действительности вообще и условий возможности осуществления социализма. Поскольку социалистические идеи овладевают нашей мыслью, они способны превратиться в чувства. Де-Ман не замечает, что существует большая разница между постановкой вопроса марксизмом и психологизмом. Он стремится к тому, чтобы сделать «возрожденный» социализм выражением определенных чувственных настроений рабочего класса. Но для марксизма важно выяснить, в каком отношении находятся эти «чувства» к действительности. А для этого нужно рациональное познание, выясняющее связь между чувствами и об'ективными отношениями. На одних чувствах далеко не уедешь, чувства также должны быть «осмыслены».

Если, далее, верно, что чувства людей изменяются, то они изменяются благодаря воздействию внешних причин. Формы хозяйства видоизменяют душевные настроения и свойства людей. У различных классов и групп мы замечаем различные психологические «установки». Общественные условия, в которых человеку приходится жить, определяют не только содержание сознания, но и содержание и направление чувств, стремлений, аффектов, воли. Необходимо провести строгое различие между душевными процессами и переживаниями, с одной стороны, и об'ективным содержанием, которое в этих душевных процессах отражается, — с другой. Что же предлагает нам де-Ман? Вместо изучения и анализа общественных отношений людей между собою, и прежде всего в процессе производства, нам предлагается центр внимания сосредоточить на душевных состояниях. Поэтому для де-Мана социализм является прежде всего «душевным переживанием». Мы вступаем тем самым на путь чистейшего суб'ективизма и психологизма. Социалистическое убеждение есть форма сознания чувственного настроения.

Весь секрет душевной жизни рабочего класса раскрывается в особой связи между чувством недостаточности, или малоценности, которое вытекает из неравноправного положения человека в обществе, и тенденцией к «компенсации». Де-Ман здесь повсюду опирается на так называемую индивидуальную психологию Альфреда Адлера.

Социалистически чувствующий человек является, говорит де-Ман, не продуктом капитализма, а результатом воздействия капитализма на докапиталистические нравственные и правовые чувства, имеющие своим источником этику христианства, феодализм и т. д. К классовой борьбе пролетариат побуждается не классовым сознанием своих интересов, а психологическим фактом социального комплекса малоценности, или «недостаточности». Комплекс недостаточности — результат «заторможения чувства значительности» (des Geltungstriebes) человека. На этом заторможенном стремлении к выяснению своей личности и покоится стремление рабочего класса к лучшему будущему. Общественная «приниженность» (Inferiorität) рабочего класса вытекает не из политически бесправного его положения, равно как не из экономического его положения, а исключительно из особого психического состояния. Ибо рабочий класс потому эксплоатируем, что он чувствует себя эксплоатируемым. Это лишь чисто психическое состояние, суб'ективная иллюзия. Вот до чего договорился бывший революционный социал-демократ! Но к таким выводам неизбежно ведет стремление к фрейдизации или адлеризации марксизма.

Рабочий класс, продолжает де-Ман, стремится преодолеть чувство «недостаточности», малоценности, различными способами, чтобы утвердить свою равноценность с буржуазией. Главным средством достижения равноценности является усвоение буржуазной культуры.

Классовая солидарность пролетариата, само собою разумеется, также не вытекает из сознания общности интересов рабочих, а из первичного стадного инстинкта, заложенного в области бессознательного. Из всего изложенного следует далее, что сознание автором низводится на степень некоего придатка к бессознательному, к нашим инстинктам. В таком случае мы не нуждаемся вовсе в науке, которая доказывала бы нам необходимость победы «добра»; с нас достаточно одной веры в добро, в божественную силу нравственного закона.

Таково мистическое построение де-Мана, которое должно заменить собою марксизм. Это чисто интеллигентская идеология, которая, конечно, на рабочие массы никакого влияния не окажет. Впрочем, и сам де-Ман обращается со своей «проповедью» к вождям, к «избранным», к аристократии духа.

Таким образом, из изложенного мистического учения де-Мана естественно вытекает, что в интересах борьбы за социализм необходимо бороться за восстановление капитализма, за укрепление государства и национальной идеи, за обуржуазивание пролетариата, т.-е. за растворение его в капиталистическом обществе. Таково этическое и религиозное обоснование де-Маном социализма или, вернее, либерализма.

Итак, очередной «разгром» марксизма совершается под знаменем фрейдизма и адлеризма. В целях облегчения себе задачи разгрома марксизма де-Ман предварительно истолковал материализм в духе чистого механизма, а диалектический метод свел к схоластике, к априорной конструкции и игре диалектическими понятиями. Однако эта операция нисколько не может повредить марксизму. Социализм представляет собою необходимый результат развития и крушения капиталистического общества, а марксизм является теоретическим выражением этого неизбежного процесса. Де-мановский выстрел окажется холостым. Рабочие массы пройдут мимо этого интеллигентского выверта и будут бороться за социализм под знаменем «вульгарного», т.-е. истинного, революционного марксизма.

Г. ШТЕЙН

К. МАРКС И МОЗЕЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

К числу специальных вопросов, которые выдвинуты спором об экономическом положении мелкого крестьянства Германии, принадлежит и вопрос о бедственном положении мозельских крестьян-виноделов.

Средний немецкий обыватель почти ничего не знает об этом вопросе. Господствующая уже около века в литературе и искусстве рейнская и мозельская романтика всегда изображала эту провинцию веселым от вина раем, населенным благоденствующими крестьянами. Если и говорили кое-что о тяжких жизненных условиях виноделов, то делали это очень поверхностно, без рассмотрения дела в подробностях.

Когда в конце февраля 1926 г. виноделы из известного своим вином Бернкастеля подняли открытое восстание и выместили накопившуюся злобу на местном податном управлении, заметный испуг охватил всю буржуазную прессу. Правда, скорбели об участи виноделов, но в то же время решительно апеллировали к прокурорскому надзору и остерегались более детально осветить положение дел в Мозельской провинции. Напротив: старались уничтожить всякое сочувствие к виноделам, об'ясняя бернкастельские беспорядки влиянием сепаратистских тенденций.

Поэтому нам кажется своевременным дать краткий очерк развития вопроса о виноделах с начала XIX века; тем более, что вопрос этот, как показано будет ниже, сыграл немаловажную роль в жизни Маркса.

Французская революция покончила в Рейнской области с феодальными отношениями. Революционное законодательство уничтожило все феодальные повинности и половничество также и в Мозельской провинции, где дворянству вместе с духовенством принадлежало свыше одной трети всех виноградников. Крупные виноградники, принадлежавшие социальной верхушке, об'явлены были национальным имуществом и распроданы, согласно либеральным идеям, частным лицам. Мозельский винодел стал свободным крестьянином, но свободным согласно тем либерально-экономическим принципам, отрицательные стороны которых ему предстояло узнать очень скоро.

Распродажа французскими чиновниками больших виноградников вскоре превратилась в гигантскую спекуляцию. Бедному виноделу нечего было и думать об увеличении своего маленького участка, так как ему недоставало необходимого дополнения к гражданской свободе — туго набитого кошелька.

Таким образом, отнятые у феодалов виноградники попали в руки состоятельных людей и ловких спекулянтов. В это-то время и было положено основание нынешним крупным виноградникам Мозельской провинции. Перед только что освобо-

дившимся от гнетущих феодальных повинностей виноделом появился теперь в лице крупного землевладельца, согласно принципам «свободного хозяйства», опасный конкурент. Прежде откровенное, неприкрытое угнетение феодалов сменилось лицемерным, прикрытым маской гражданской свободы, капиталистическим угнетением. Таким образом революция создала и в Мозельской провинции вместо старых новые классовые противоречия.

Ясно, что крестьянин-винодел со своим мелким хозяйством был не в состоянии конкурировать с крупными землевладельцами, когда последние стали вводить у себя рациональную технику. Для этого у него нехватало средств. К последнему присоединились еще и частые неурожаи. Кроме того, крестьянин-винодел стонал под гнетом тяжелого налогового пресса: он платил такие же налоги, как и зажиточный помещик. Особенно тягостны были для него в то время поземельный налог и налог на сусла: так, например, за фудер вина, который он продавал за 41 талер, необходимо было вносить 7½ талеров налога!

В первое десятилетие прусского господства, — с 1815 и, примерно, до 1826 года, — мозельские виноделы почти не ощущали новых классовых противоречий, новой формы социального угнетения. Это была очень благоприятная конъюнктура для мозельвейна, так как прусское таможенное законодательство 1818 г. носило запретительный характер и не допускало ввоза иностранных вин. К иностранным винам, с прусской точки зрения, относились тогда также рейнгессенские, пфальцские и южно-германские вина.

Но когда к концу 20-х гг. началось движение в пользу таможенного об'единения и когда затем все винодельческие области западной и южной Германии об'единились в один крупный таможенный союз (1834 г.), монополии мозельвейна наступил конец. Уже в конце 20-х гг. цены на вино стали падать, и для мелких мозельских виноделов пришли времена самой жестокой нужды и лишений; эти времена повторялись неоднократно и в последующие десятилетия.

На гамбахском празднестве 1832 г., — этой крупной манифестации тогдашнего немецкого радикализма, — пфальцские виноделы демонстрировали под черным знаменем, как поступили в 1926 г. мозельские виноделы в Бернкастеле. На этой демонстрации виноделы распевали известную, политически совершенно безобидную, песенку:

Wir wohnen in dem schönsten Land auf Erden,
Von Gottes Segen voll!
Doch müssen wir noch all zu Bettlern werden,
Durch den verdammten Zoll.
Ja, wüssten wir, wer Schuld am Zoll nur wäre,
Am Zoll auf unsern Wein!
Und wär es auch ein Preuss, bei unsrer Ehre,
Er müsste in den Rhein! [1]).

В Мозельской провинции тогда нельзя было заметить и следа политического движения. Прусские власти с беспощадной строгостью подавляли всякое проявление самостоятельности. Вопли виноделов не проникали дальше мелких местных газет,

[1]) «Мы живем в одной из самых прекрасных стран на земле, благословенной богом! Но благодаря проклятым таможенным пошлинам нам всем предстоит стать нищими. Ах, если бы мы знали, кто виновник этих пошлин, этих пошлин на наше вино! И если б даже это был пруссак, клянемся честью, он очутился бы в Рейне!»

петиции оставались безуспешными, ответом на них бывали даже карательные меры. Допускаемые иногда небольшие уступки в налоге на сусла не могли улучшить положения дела, а жалкие филантропические затеи, — вроде придуманного одной прусской принцессой в Берлине розыгрыша женских рукоделий в пользу виноделов или сделанного королем подарка городу Бернкастелю в 500 талеров, — обречены были на неудачу.

В Мозельской провинции в то время положение было очень тяжелым. Как и теперь, так и тогда, у судебных приставов было много работы. У обремененных долгами, задушенных ростовщическими процентами крестьян продавали с аукциона на деревенских базарах их скромную утварь. Началась эмиграция в Америку. Цветущее состояние замечательных винодельческих областей Калифорнии создано отчасти руками западно-германских виноделов. Одним из известнейших паллиативов, не давшим, однако, никаких результатов, были правительственные попытки пропагандировать идею введения шелководства. В тесной мозельской долине вообще не было никаких особенных промышленных перспектив. Более того, в 30—40-х гг. многочисленные старые рудники и заводы в соседнем Эйфеле не выдержали непосильной конкуренции оборудованных по последнему слову техники предприятий на Сааре и на нижнем Рейне.

Заслугой К. Маркса является то, что он впервые публично, в большой ежедневной газете, поднял вопрос об этих бедствиях и воспользовался ими для резкого нападения на неспособность властей, на их мелочные методы управления.

Когда, осенью 1842 г., Маркс стал редактором «Рейнской Газеты», он начал печатать корреспонденции из мозельской долины, обращая общественное внимание на бедствия мозельских крестьян. Обер-президент Рейнской провинции пытался ослабить впечатление, произведенное этими реалистическими описаниями и опубликовал в печати заявление, в котором требовал от «Рейнской Газеты», чтобы она подробно и документально доказала свои утверждения. Это происходило в декабре 1842 г.

В середине января 1843 г. Маркс начал печатать ряд статей, которые вызвали величайший интерес и, благодаря богатому фактическому материалу о бедственном положении Мозельской области и неспособности властей, сильно скомпрометировали прусское правительство [1]).

Маркс намеревался разобрать вопрос о бедственном положении мозельских виноделов с исчерпывающей полнотой. В первой статье он наметил обширную программу, согласно которой собирался рассмотреть: 1) вопрос о распределении дров, 2) отношение Мозельской провинции к расширению свободы печати, 3) недуги Мозельской провинции, 4) «вампиров» Мозельской провинции и, наконец, 5) проекты помощи. Из всей этой программы на столбцах «Рейнской Газеты» были осуществлены два пункта (в пяти статьях).

При обсуждении первого пункта Маркс ограничился тем, что кратко, но решительно отверг высокомерное требование обер-президента. Мозельский корреспондент утверждал, что в одной крупной общине мозельской долины, владеющей прекраснейшими лесными угодьями, уже в течение многих лет среди членов общины не распределяли дров. Обер-президент сомневался в правдивости этого утверждения, так как

1) Статьи Маркса о мозельских делах впервые переизданы в I томе издаваемого Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса собрания сочинений Маркса и Энгельса на русском языке.

«подобное, несогласное с постановлениями закона, поведение могло бы быть мотивировано лишь совершенно исключительными обстоятельствами». Кроме того, он требовал в доказательство того, что такое положение вещей существует, указать название общины.

Маркс изъявил готовность назвать общину, но в то же время, приведя соответствующие законы, показал, что осуждаемое в корреспонденции поведение властей отнюдь не незаконно, ибо прусские законы составлены так мудро, что бюрократии вовсе незачем прибегать к незаконным средствам для того, чтобы угнетать трудящееся население. Она может добиться этого законным путем. Мозельские корреспонденции жаловались не на нарушение законов, а на существующее бедственное положение.

В дальнейшей части статьи Маркс, касаясь второго пункта своей программы, приводит, согласно желанию обер-президента, обширный материал в доказательство того, что фактически власти мешали публичному обсуждению бедственного положения жителей мозельской долины, что правительство с жестоким равнодушием подавляло «вопли» виноделов. Он описывает ход расследования, предпринятого для проверки жалоб в 1839 г. трирским обер-президентом. Это административное расследование привело к тому простому заключению, что нужда беднейших виноделов непоправима, что их прежнее благосостояние было «неестественным» и что остается только ждать, когда виноградники перейдут в руки богатых владельцев, которым легче будет справиться с неурожаями. «Гибель беднейших виноделов, — говорит Маркс, — рассматривается, как стихийное бедствие, перед которым человеку остается лишь заранее смиренно склонить голову». Правда, правительство отчасти признало бедственное положение виноделов, но оно не обнаружило никакого желания помочь им. В блестящей критической характеристике, данной Марксом бюрократии, независимой от об'екта ее управления, он показывает, что прусское правительство всегда склонно видеть вещи не в их истинном, а в более розовом свете; если же положение оказывается плачевным, то причины этого оно ищет не в себе, а вне себя, отчасти в независимой от человеческой воли стихии, отчасти в независимых от администрации условиях частной жизни, отчасти, наконец, в ни от кого не зависящих случайностях.

«Беда мозельских виноделов есть в то же время и беда администрации». Первым условием для решения вопроса является свободное обсуждение в прессе бедствия Мозельской провинции, которое сделает его предметом всеобщего внимания и всеобщих симпатий, даст всем почувствовать нужду мозельцев. Но это условие не осуществлено. В доказательство своего утверждения Маркс приводит ряд конкретных случаев: людей преследуют даже за разговоры; гражданин, сказавший горничной одного ландрата, что накануне вечером он видел ландрата пьяным, был привлечен к суду исправительной полиции. Особенно скандальным является следующий случай. Когда в 1836 г. кронпринц посетил Рейнскую провинцию, то либеральный депутат ландтага, Вальденер, хотел подать ему петицию, подписанную 160 крестьянами. В петиции крестьяне просили о снижении налогов, о разрешении общине выбирать коммунальные власти и, в особенности, о том, чтобы король не судил об их печальном положении по бесчисленным, слишком высоко оплачиваемым чиновникам, — штатным, сверхштатным, отставным, — по рантье и промышленникам, живущим в городах в такой роскоши, которой не найти в бедной хижине обремененного

долгами поселянина. Крестьяне жаловались на непомерный рост штата чиновников: там, где раньше служило 27 человек, которым выплачивалось 29.000 талеров, теперь на действительной службе и в отставке числится 63 человека, получающих 105.000 талеров. Петиция не была принята кронпринцем и не дошла до «любящего сердца доброго короля». Мозельские крестьяне не получили никакого ответа, но зато было возбуждено судебное преследование против депутата Вальденера, как против подателя петиции, в которой содержались «дерзкие и оскорбительные порицания существующих законов». Он приговорен был к 6-месячному тюремному заключению с возложением на него же судебных издержек. Кассационный суд отменил тюремное заключение, но Вальднеру все же пришлось уплатить судебные издержки на том основании, что «поведение его не лишено было легкомыслия».

Напрасно было бы искать в «Рейнской Газете» продолжения ряда статей о бедственном положении мозельских виноделов. Но у нас имеются достоверные сведения о том, что Маркс выполнил и третий пункт своей программы. Однако статья его не была пропущена цензурой. Это видно из сохранившегося в тайном архиве в Берлине письма обер-президента Рейнской провинции от 12 мая 1843 г. к трем министрам, ведавшим цензурой. Приводим из него дословно соответствующее место, знакомящее нас с написанной, но не сохранившейся статьей Маркса. «Когда автор, — пишет обер-президент, — прислал, наконец, в цензуру статью под названием «Недруги Мозельской провинции», то оказалось, что он исколесил предварительно бо̀льшую часть мозельской долины, собирая данные о происшедших в ней, давно уже разобранных и забытых конфликтах между чиновниками и обывателями, с целью извлечь теперь все эти факты на свет божий и преподнести их в качестве примеров угнетения жителей мозельской долины. Но если даже заключавшийся в прежних статьях слабый намек на подобного рода отношения успел уже вызвать известное возбуждение и целый ряд жалоб со стороны задетых лиц, то можно было опасаться, что дальнейшее искаженное изложение, переполненное злостными извращениями и превращающееся в форменнную скандальную хронику мозельской долины, даст повод к самым неприятным выступлениям и к возобновлению давно уже ликвидированных раздоров». Таким-то образом цензура помешала окончанию серии статей, написанных по вызову самого обер-президента. Напечатанные же статьи послужили одним из поводов к запрещению «Рейнской Газеты».

С точки зрения марксоведения, интересно отметить, что первой экономической темой Маркса была проблема из области аграрного вопроса западной Германии. О том, какое сильное влияние оказал на него этот вопрос, можно судить по словам Фридриха Энгельса, писавшего однажды в письме к Рихарду Фишеру, что Маркс «пришел к социализму, изучая вопрос о бедственном положении мозельских крестьян».

Во время революции 1848 г. напряженное социальное положение в Мозельской провинции привело к целому ряду местных восстаний. В Трире освободили крестьян, арестованных за кражу дров. Ввиду вздорожания дров и недостаточного обеспечения бедного населения топливом кража дров была обычным явлением.

В Бернкастеле, — очень оживленном тогда в политическом отношении пункте, — пытались помешать аресту Петера-Иосифа Кобленца, того самого Кобленца, который в 1842 — 1843 гг. был мозельским корреспондентом «Рейнской Газеты» и доставил Марксу материал о положении дел в Мозельской провинции.

Кобленцу удалось бежать, но в 1850 г. он добровольно предстал перед судом и, вопреки всякому ожиданию, приговорен был к долголетнему тюремному заключению. Через некоторое время он психически заболел и умер в тюрьме.

За время с 1848 по 1926 год звон набата не призывал уже больше мозельских виноделов к восстанию. Однако положение крестьян за указанный период нисколько не улучшилось. Правда, бывали иногда урожайные годы, которые создавали у винодела ложное представление относительно его истинного положения. Найдены были методы улучшения качества низких сортов вина, так называемое, по имени д-ра Галля, «галлизирование»; наконец, в это же время вообще у мелкой буржуазии и у мелкого крестьянства возникает мысль о кооперации.

Первые попытки основания винодельческих союзов относятся к 50-м годам. Но возникли они по инициативе общин, а не по инициативе виноделов. Они носили филантропический характер, подобно дешевым кухням и другим аналогичным мероприятиям, ставившим себе целью смягчение нужды беднейшего населения.

Председателями такого рода союзов были бургомистры; денежные средства получались благодаря дешевому государственному кредиту под залог общинного имущества. Союзы эти (в 1854 году в Мозельской провинции их насчитывалось 5, в 1855 году — 7), в отличие от арских винодельческих союзов, не были кооперативами преимущественно для сбыта, которые бы имели целью устранение посредников; они ставили себе задачей рациональное ведение хозяйства, т.-е. улучшение методов обработки земли и рационализацию виноделия. Для достижения этой последней цели необходимо было завести коллективные давильни и улучшить устройство погребов для хранения вина.

Союзы этого времени были недолговечными. Резко выраженный индивидуализм крестьян-виноделов, любовь к самостоятельному ведению хозяйства на собственном, хотя и обремененном долгами, участке, каким бы крохотным он ни был (свобода дробления!), мешал им оценить преимущества кооперации. Мозельские крестьяне не созрели еще для идеалов шульце-деличского движения в отличие от своих арских коллег, у которых сам Шульце принимал участие в выработке устава первого союза виноделов в Майшоссе. Мешало, разумеется, также и отсутствие законодательного регулирования кооперации, начавшегося только после издания закона 1867 года.

Оживление деятельности союзов наступает только в 70-х годах вместе с успехами «искусственного» улучшения вина, «галлизирования», и затем после того, как вошел в силу закон о кооперации 1889 г., введший ограниченную ответственность.

Вообще можно сказать, что рост винодельческих союзов в Мозельской провинции зависит больше, чем где бы то ни было, от колебаний кон'юнктуры. В периоды кризисов всегда можно было наблюдать увеличение их числа; так было во время сильного винодельческого кризиса перед мировой войной, начало которого относится приблизительно к 1900 году. Число союзов выросло с 5 в 1898 г. до 17 в 1900 г., до 18 в 1904 г., до 19 в 1909 г.

В настоящее время нам известно, что образование этих союзов мало улучшило положение дел в Мозельской провинции. В 1909 г. бернкастельская окружная сберегательная касса установила, что за 3 года задолженность виноделов возросла приблизительно на 60%. 66% виноделов зарабатывали в то время ежегодно менее

900 марок, 29% зарабатывало от 900 до 1800, 3½% от 1800 до 3000, 1½% — свыше 3000. Таким образом фактически 95% виноделов получали, если иметь в виду высокие издержки производства, недостаточный доход. Согласно статистическим данным трирского союза кооперативов, в 1913 г. долги виноделов, членов 50 кооперативов Мозельской, Саарской и Руверской провинций, за 10 лет возросли с 1,5 миллионов марок до 8,3 мил., т.-е. на 522%. Цены на лучше расположенные виноградники упали в это время приблизительно на 30%, на худшие — более чем на 60%.

Если в 30-х и 40-х годах возможности сбыта были ограничены конкуренцией других немецких винодельческих областей, то в настоящее время главную роль играет конкуренция заграничных (в особенности испанских) вин. Законодательство 1901 и 1909 годов еще ухудшило положение дела. Таможенная охрана не достигала цели, так как вся таможенная политика велась в интересах промышленности. Кроме того, владельцы крупных виноградников, имеющие монополию на некоторые вина и пользующиеся великолепным торговым аппаратом, мало страдают от результатов таможенной политики. При таких обстоятельствах естественно, что превосходство хорошо вооруженных с технической и торговой стороны крупных собственников над мелкими виноделами дает себя знать с особенной силой. Помимо трудностей, проистекающих из таможенной политики и торговых договоров, ухудшению положения дел особенно сильно содействовала обострившаяся конкуренция между самими производителями.

Война и инфляция принесли некоторое облегчение и поманили виноделов миражем улучшения их положения. Все переоценивали значение уменьшения задолженности, — у 36 кредитных кооперативов задолженность понизилась в период 1913 — 1918 года приблизительно на 36%, — точно так же, как переоценили результаты инфляции. Но с момента стабилизации валюты и новой политики торговых договоров картина снова резко изменилась.

Виноделы в настоящее время склонны усматривать корень своих бедствий в благоприятных для промышленности торговых договорах, несущих с собой конкуренцию иностранных вин. Они большей частью не понимают, что эти торговые договоры являются в конце концов только показателями положения всего немецкого хозяйства; они не понимают, что борющаяся за свою прибыль промышленная буржуазия легко пожертвует во имя своих частных интересов экономически более слабыми элементами немецкого хозяйства, в данном случае крестьянами-виноделами.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

К. МАРКС О КАПИТАЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Как только вышел «Капитал» (начало сентября 1867 года), Энгельс сейчас же взялся за «рекламирование» книги. По вполне понятным причинам он и Маркс опасались, что книга будет «замолчана». Необходимо было заранее принять меры против такого «заговора молчания», которым буржуазная пресса встречала прежние книги Маркса. В другом месте мы расскажем, какую работу в этом направлении выполнил, вместе с Кугельманом, Энгельс в немецкой прессе.

Но не меньшее значение он и Маркс придавали «рекламе» в английской печати. Уже 19 октября 1867 года Маркс предлагает Энгельсу написать статью о «Капитале» для английского «Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение»). Основанный в 1866 году, этот журнал издавался под редакцией Морли при участии английских контистов и являлся тогда наиболее прогрессивным ограном английской буржуазной интеллигенции. Посредником должен был служить профессор Бизли, председатель митинга, на котором 28 сентября 1864 года основано было Международное Товарищество Рабочих. Переговоры с Бизли велись через Лафарга.

Дело, однако, затянулось. Еще 10 мая 1868 года Энгельс пишет Марксу: «Я все еще не знаю, как начать. Что я должен начать с превращения денег в капитал, мне ясно, но каким образом — нисколько. Как ты думаешь об этом?» Энгельс считал также неудобным, чтобы статья появилась за его подписью. Это ослабило бы значение статьи вне Англии, особенно в Германии. Решено было, что статья будет так написана, чтобы она сошла за статью, написанную англичанином.

Для Энгельса это оказалось довольно трудной задачей. «Я все еще не могу выбраться дальше начала. Чертовски трудно, — пишет он Марксу 22 мая 1868 года,— об'яснить англичанину, читателю журналов, что̀ такое диалектический метод, а преподнести этой «черни непросвещенной» уравнения Т — Д — Т и т. д. было бы не совсем удобно».

В своем ответе (23 мая 1868 года) Маркс старается рассеять опасения Энгельса. Он дает саркастическую характеристику авторов и читателей двух английских серьезных журналов. «А если бы ты еще видел, что̀ осмеливается преподносить публике, как «тайну Гегеля», и не только в книгах, но и журнальных статьях, Джемс Стерлинг, — Гегель сам ничего бы не понял, — то ты убедился бы, что напрасно стесняешься. Требуют нового, нового по форме и содержанию».

Но Маркс не ограничился этим. Он, с своей стороны, предлагает Энгельсу проект вступления.

«По моему мнению, так как ты хочешь начать со второй главы (ты не должен, однако, забыть, в той или иной форме, обратить внимание читателя на то, что в первой

главе он найдет новое учение о стоимости и деньгах), то следовало бы в введении использовать следующее, — конечно, в подходящей для тебя форме».

Следует проект введения.

«Томас Тук в своих исследованиях о деньгах, как средстве обращения, выдвигает тот факт, что деньги, поскольку они функционируют как капитал, возвращаются к своему исходному пункту (reflux of money to its point of issue); поскольку же они функционируют только как средство обращения, они не возвращаются назад. Это различие, которое, между прочим, Джемс Стюарт установил задолго до Тука, служит последнему только для полемики против того мнимого влияния, которое, согласно проповедникам currency principle, выпуск кредитных денег (банкнот и т. д.) имеет на цены товаров. Наш автор (Маркс), напротив, делает эту своеобразную форму обращения денег, которые функционируют как капитал (serve in the function of capital, А. Смит), исходным пунктом своего исследования о природе самого капитала и в первую очередь для ответа на вопрос: каким образом деньги, эта самостоятельная форма стоимости, превращаются в капитал? (conversion into capital — официальное выражение.) — Все категории торговых людей, — говорит Тюрго, — «имеют то общее свойство, что они покупают, чтобы продать... Их покупки составляют аванс, который возвращается к ним назад». Покупка с целью продажи — таков характер сделки, в которой деньги функционируют как капитал и которая обусловливает их возвращение к их исходному пункту, в отличие от продажи с целью покупки, — процесса, в котором они могут функционировать только как средство обращения. Различный порядок, в котором акты продажи и покупки следуют друг за другом, придает деньгам два различных направления обращения. Что за ними скрывается, так это — различное поведение выраженной в деньгах стоимости. Чтобы сделать это более наглядным, автор для этих двух различных направлений обращения дает следующие формулы и т. д. и т. д. — Я думаю, что ты и для себя, и для читателя облегчишь дело, если используешь эти формулы».

В письме от 22 июня 1868 года Энгельс пишет Марксу, что статья быстро подвигается вперед, хотя, — прибавляет он, — его больше удовлетворяет количество, чем качество. Предложение его подписать статью именем Лафарга Маркс отклоняет, в свою очередь предлагая подписать ее именем Мура, близкого приятеля Энгельса. В конце июня статья была готова, и Энгельс дает ее на просмотр Муру. Изложение теории Маркса доводится до абсолютной прибавочной стоимости. Бизли передал статью Морли, но последний отказался напечатать ее, потому что, как после его помощник сообщил Бизли, статья была слишком «суха» для такого журнала, как «Fortnightly Review».

Как читатель сейчас же заметит, Энгельс в своем вступлении к статье почти буквально использовал указания Маркса. Надо признать, что для обычных читателей «Fortnightly Review», в котором преобладала литературная критика и популярные статьи по истории, политике и философии, статья Энгельса действительно представляла значительные трудности.

Д. Р.

К. МАРКС О КАПИТАЛЕ.

Томас Тук в своем труде о денежном обращении указывает на тот факт, что деньги, функционируя как капитал, подвергаются отливу к их исходному пункту, между тем как этого не бывает с деньгами, функционирующими только как средство обращения. Это различие (которое, однако, было установлено значительно раньше сэром Джемсом Стюартом) употребляется мистером Туком только как одно из звеньев в его аргументации против утверждений «финансистов» («currency men») о влиянии выпуска бумажных денег на цены товаров. Наш автор, наоборот, делает это различие исходным пунктом своего исследования характера самого капитала и, в особенности, вопроса: каким образом деньги, эта независимая форма существования стоимости, превращаются в капитал?

Все торговые люди, говорит Тюрго, имеют то общее свойство, что они п о к у п а ю т, ч т о б ы п р о д а т ь; их покупки составляют аванс, который впоследствии возмещается им.

П о к у п к а с ц е л ь ю п р о д а ж и — таков в самом деле характер сделки, в которой деньги функционируют как капитал и которая делает необходимым их возвращение к их исходному пункту, в отличие от п р о д а ж и с ц е л ь ю п о к у п к и — процесса, в котором деньги м о г у т функционировать только как средство обращения. Таким образом мы видим, что различный порядок, в котором акты продажи и покупки следуют друг за другом, придает деньгам два различных направления обращения. Для иллюстрации этих двух процессов наш автор дает следующие формулы:

Продажа с целью покупки: товар Т обменивается на деньги Д, которые опять обмениваются на другой товар Т: Т — Д — Т.

Покупка с целью продажи: деньги вымениваются на товар, а этот последний опять обменивается на деньги: Д — Т — Д.

Формула Т — Д — Т представляет простое обращение товаров, в котором деньги функционируют как средство обращения, как монета. Эта формула разобрана в первой главе разбираемой нами книги, в которой содержится новая и очень простая теория стоимости и денег, чрезвычайно интересная в научном отношении, но которой мы здесь не рассматриваем, так как в общем она не существенна для того, что мы считаем основными положениями взглядов Маркса на капитал.

Формула Д — Т — Д, с другой стороны, представляет ту форму обращения, в которой деньги сами превращаются в капитал.

Процесс покупки с целью продажи: Д — Т — Д может, очевидно, разрешиться в Д — Д; это косвенный обмен денег на деньги. Предположим, что я покупаю за 1000 ф. ст. хлопок и продаю его за 1100 ф. ст.; тогда, в к о н е ч н о м с ч е т е, я обменял 1000 ф. ст. на 1100 ф. ст., деньги на деньги.

Так вот, если бы этот процесс всегда имел результатом возвращение мне той суммы, которую я авансировал, это было бы абсурдом. Но когда купец, который авансировал 1000 ф. ст., получает 1100 ф. ст., или 1000 ф. ст., или даже только 900 ф. ст., его деньги прошли фазу, существенно отличающуюся от той, которая

выражена формулой Т — Д — Т, означающей продажу с целью покупки, продажу того, что вам не нужно, чтобы быть в состоянии купить то, что вам нужно. Сравним обе эти формулы.

Каждый процесс состоит из двух фаз, или актов, и оба этих акта тождественны в обеих формулах, но между самими этими двумя процессами большая разница. В Т — Д — Т деньги только посредник; товар, потребительная стоимость, составляет исходный и конечный пункт. В Д — Т — Д товар — промежуточное звено, в то время как деньги являются началом и концом. В Т — Д — Т деньги окончательно издержаны; в Д — Т — Д они только авансированы с намерением получить их обратно; они возвращаются к своему исходному пункту, и в этом мы имеем первое осязательное различие между обращением денег как средства обращения и денег как капитала.

В процессе продажи с целью покупки (Т — Д — Т) деньги могут вернуться к своему исходному пункту только при условии, что весь процесс будет повторен, что новое количество товара будет продано. Отлив поэтому независим от самого процесса. Но в Д — Т — Д этот отлив является необходимостью и предусмотрен с самого начала; если он не имел места, то где-то произошла задержка, и процесс остается неполным.

Продажа с целью покупки имеет в виду приобретение потребительной стоимости; покупка с целью продажи — приобретение меновой стоимости.

В формуле Т — Д — Т оба крайних члена, выражаясь экономически, тождественны. Они оба товары; они кроме того имеют одну и ту же количественную стоимость, так как вся теория стоимости заключает в себе предположение, что нормально обмениваются только эквиваленты. В то же самое время эти два крайних члена Т — Т представляют различные по качеству потребительные стоимости, которые именно потому и обмениваются. В процессе Д — Т — Д вся операция с первого взгляда кажется лишенной смысла. Обменивать 100 ф. ст. на 100 ф. ст., к тому же еще окольным путем, кажется абсурдом. Одна сумма денег может отличаться от другой суммы денег только своей величиной. Д — Т — Д может иметь какое-нибудь значение только при количественном различии своих крайних членов. Из обращения должно быть извлечено больше денег, чем было брошено в него. Хлопок, купленный за 1000 ф. ст., продан за 1100 ф. ст., 1000 ф. ст. + 100 ф. ст.; формула, изображающая этот процесс, превращается таким образом в Д — Т — Д', в которой Д' = Д + дД, Д плюс приращение. Это дД, это приращение, Маркс называет прибавочной стоимостью[1]). Первоначально авансированная стоимость не только сохраняется, но увеличивается; к ней прибавляется некоторое приращение, стоимость ее возрастает, и этот именно процесс превращает деньги в капитал.

В форме обращения Т — Д — Т крайние члены, конечно, также могут отличаться по стоимости, но такое обстоятельство здесь совершенно не имеет значения; формула не лишается смысла, если оба крайних члена эквивалентны. Наоборот, их эквивалентность составляет условие ее нормального характера.

Повторение Т — Д — Т ограничено обстоятельствами, лежащими вне самого процесса обмена: требованиями потребления. Но в Д — Т — Д начало и конец тождественны по качеству, и именно в силу этого факта движение это не имеет конца. Нет сомнения, что Д + дД количественно отличается от Д; но это все еще только ограниченная сумма денег. Если вы ее издержите, она перестает быть капиталом; если вы извлечете ее из обращения, она окаменевает в постоянное сокровище. Раз мы допустили предположение возрастания стоимости, это предположение так же существует для Д', как оно существовало для Д. Движение капитала становится вечным и бесконечным, потому что при окончании каждой отдельной сделки цель

---

[1]) Во всех тех случаях, когда слово «стоимость» здесь употреблено без определения, оно всегда означает меновую стоимость.

не более достигнута, чем раньше. Выполнение этого бесконечного процесса превращает владельца денег в капиталиста.

На первый взгляд формула Д — Т — Д применима только к торговому капиталу. Но и промышленный капитал также представляет деньги, которые были обменены на товары и снова обменены на бо̀льшую сумму денег. Без сомнения, в данном случае между покупкой и продажей есть много промежуточных операций, происходящих вне сферы простого обращения; но они ничего не изменяют в характере процесса. С другой стороны, мы видим тот же самый процесс в самой сокращенной форме его в ростовщическом капитале. Здесь формула сводится к Д — Д', к стоимости, которая, так сказать, больше себя самой.

Но откуда берется это приращение Д, эта прибавочная стоимость? Наши предыдущие исследования характера товаров, стоимости, денег и самого обращения не только не дают об'яснения этого вопроса, но, повидимому, даже исключают всякую форму обращения, которая в результате приводит к такой вещи, как прибавочная стоимость. Вся разница между обращением товаров (Т — Д — Т) и обращением денег как капитала (Д — Т — Д) состоит как будто только в обратном порядке процесса; но как же эта перемена порядка может дать такой странный результат?

Более того: этот обратный порядок существует только для одного из трех членов процесса. Как капиталист, я покупаю товар у А и перепродаю его Б. А и Б являются простыми покупателями и продавцами товаров. Я сам при покупке у А являюсь только владельцем денег, а при продаже Б—владельцем товара, но ни в одной из этих сделок я не являюсь капиталистом, представителем чего-то большего, чем деньги или товар. Для А сделка началась продажей, для Б она началась покупкой, и если с моей точки зрения здесь есть обратный порядок формулы Т — Д — Т, то с их точки зрения этого нет. Кроме того, ничто не может помешать А продать свой товар Б без моего посредничества, и в таком случае нет места для какой-нибудь прибавочной стоимости.

Предположим, что А и Б покупают непосредственно друг у друга то, что им необходимо. Поскольку речь идет о потребительной стоимости, они оба могут быть в выигрыше. А, может быть, даже в состоянии произвести больше своего товара, чем может произвести в то же самое время Б и vice versa; в таком случае они оба будут в выигрыше. Совсем не то с меновой стоимостью. В этом последнем случае обмениваются равные количества стоимости независимо от того, служат ли деньги посредником или нет.

Если рассматривать простое товарное обращение абстрактно, т.-е. исключив все обстоятельства, не вытекающие из его имманентных законов, то, кроме замены одной потребительной стоимости другой, в нем происходит только изменение формы товара. Та же самая меновая стоимость, то же самое количество общественного труда, овеществленного в предмете, остается в руках того же самого владельца товара, будет ли это в форме самого товара, будет ли это в форме денег, за которые он продан, или в форме второго товара, купленного за эти деньги. Это изменение формы само по себе столь же мало представляет изменение величины стоимости, как обмен билета в пять ф. ст. на пять соверенов (золотая монета в 5 ф. ст.). Поскольку здесь происходит только изменение формы меновой стоимости, здесь должен происходить обмен эквивалентов, — по крайней мере, если процесс происходит в чистом виде и при нормальных условиях. Товары могут быть проданы по ценам, которые выше или ниже их стоимости, но это является нарушением закона обмена товаров. В своей чистой и нормальной форме обмен товаров поэтому не является средством создания прибавочной стоимости. Отсюда и происходит ошибка всех экономистов, которые пытаются вывести прибавочную стоимость из обмена товаров, — например, Кондильяка.

Мы, однако, предположим, что процесс не происходит при нормальных условиях и что обмениваются не эквиваленты. Пусть каждый продавец продает, напр., свой товар на десять процентов выше его стоимости. Caeteris paribus (при прочих равных условиях) каждый из них теряет, как покупатель, то, что он выиграл, как

продавец. Получится то же самое, как если бы стоимость денег упала на 10%. Обратное, но с тем же действием, произойдет, если все покупатели будут покупать свои товары на 10% ниже их стоимости. Мы ни на волос не приблизимся к решению, если предположим, что каждый владелец товаров продает их выше их стоимости в качестве производителя и покупает их выше их стоимости в качестве потребителя.

Последовательные защитники той иллюзии, что прибавочная стоимость происходит от номинального повышения цены товаров, предполагают поэтому существование класса, который только покупает, не продавая, следовательно только потребляет, не производя. В данной стадии нашего исследования существование такого класса еще необ'яснимо. Но допустим это. Откуда же этот класс берет деньги, чтобы покупать? Очевидно, от производителей товаров, — все равно, в силу ли права или насилия, — без обмена. Продавать такому классу товары выше их стоимости значит только получить обратно часть тех денег, которые даны были совершенно безвозмездно. Таким образом города Малой Азии, платя дань римлянам, получали обратно часть этих денег, вовлекая римлян в торговлю; но впоследствии все же эти города оставались обманутыми. Это, таким образом, плохой метод образования прибавочной стоимости.

Предположим случай обмана. А продает Б вино стоимостью в 40 ф. ст. и получает в обмен ржи стоимостью в 50 ф. ст. А выиграл 10 ф. ст., а Б. потерял 10 ф. ст., но вместе у них только 90 ф. ст., как и прежде. Стоимость была перемещена, но не создана. Весь класс капиталистов известного периода не может, обманывая друг друга, увеличить свое коллективное богатство.

Поэтому: если обмениваются эквиваленты, не образуется никакой прибавочной стоимости, а если обмениваются не эквиваленты, то также не образуется никакой прибавочной стоимости. Обращение товаров не создает новой стоимости. В этом заключается причина того, почему здесь совершенно не приняты во внимание две самые старые и наиболее популярные формы капитала: торговый капитал и ростовщический капитал. Для об'яснения прибавочной стоимости, получаемой этими двумя формами капитала не простым надувательством, требуется длинный ряд промежуточных членов, которые еще отсутствуют в этой стадии исследования. В дальнейшем мы увидим, что оба они являются только второстепенными формами, и укажем в то же время, почему исторически они появляются гораздо раньше современной формы капитала.

Прибавочная стоимость не может, таким образом, произойти из обращения товаров. Но может ли она произойти вне его? Вне его владелец товара есть просто производитель этого товара, стоимость которого определяется количеством содержащегося в нем труда и измеряется определенным социальным законом. Эта стоимость выражена в деньгах — предположим, в 10 ф. ст. Но эта цена в 10 ф. ст. не является в то же самое время ценой в 11 ф. ст.; труд, содержащийся в товаре, создает стоимость, но не стоимость, которая создает новую стоимость; он может прибавить новую стоимость к существующей стоимости, только прибавив новый труд. Но как в таком случае может владелец товаров, вне сферы обращения, не приходя в соприкосновение с владельцем товаров, как может он производить прибавочную стоимость или, другими словами, превращать товары или деньги в капитал?

«Капитал, таким образом, не может происходить из обращения товаров, но он точно так же не может н е происходить из него. Он в одно и то же время должен возникать в обращении и н е в обращении. Превращение денег в капитал должно быть развито на основании имманентных законов обмена товаров, при чем обмен эквивалентов должен составлять его исходную точку. Наш владелец денег, представляющий только гусеницу капиталиста, должен покупать свои товары по их стоимости, продавать их по их стоимости и тем не менее извлекать из этого процесса больше денег, чем он вложил в него. Превращение этой гусеницы в капиталистическую бабочку должно происходить в сфере обращения товаров и в то же время н е в ней. Таковы условия задачи. Hic Rhodos, hic salta».

Перейдем теперь к решению.

«Изменение стоимости денег, которые должны быть превращены в капитал, не может произойти в самых этих деньгах, потому что, как покупательное средство и как платежное средство, они только *реализуют* цену товара, который на них покупают или за который ими платят; между тем, если бы они оставались в своей денежной форме, не будучи обменены, они никогда не могли бы совершенно изменить свою стоимость. Точно так же изменение не может произойти из второго акта процесса, перепродажи товара, ибо этот акт только превращает товар из его естественной формы обратно в денежную форму. Изменение должно совершаться с товаром, который покупается в первом акте Д — Т, но не с меновой стоимостью этого товара, так как обмениваются эквиваленты, т.-е. товар оплачивается по его стоимости. *Изменение может произойти только из его потребительной стоимости*, т.-е. *из употребления, которое из него сделано*. Чтобы извлечь меновую стоимость из употребления товара, наш владелец денег должен быть настолько счастлив, чтобы открыть внутри сферы обращения, на рынке, такой товар, *потребительная стоимость которого обладала бы особенным свойством рождать стоимость товара, действительное потребление которого само было бы овеществлением труда и поэтому созданием стоимости*. И владелец денег находит на рынке этот специфический товар: способность к труду, *рабочую силу*.

«Под способностью к труду, или рабочей силой, мы понимаем общую сумму физических и умственных способностей, существующих в живой плоти и живой личности человека и приводимых им в движение всякий раз, когда он производит какие-нибудь потребительные стоимости.

«Но чтобы владелец денег имел возможность встретить на рынке рабочую силу в виде товара, должны быть выполнены различные условия. Сам по себе обмен товара не заключает в себе никаких других отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. При этом предположении рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь в том случае, если она предлагается для продажи или продана ее собственным владельцем, тем лицом, рабочую силу которого она составляет. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность располагать ею, он должен быть свободным собственником своей рабочей силы, своей личности. Он и владелец денег встречаются на рынке и заключают сделку, как равные, как свободные и независимые владельцы товаров, отличающиеся друг от друга лишь тем, что один является покупателем, а другой продавцом. Это отношение равенства перед законом должно быть постоянным: владелец рабочей силы может поэтому продать ее только на ограниченное время. Если бы он продал ее оптом, раз навсегда, он продал бы самого себя, он из свободного человека превратился бы в раба, из владельца товара в товар. Второе существенное условие, чтобы владелец денег мог на рынке встретить рабочую силу как товар, состоит в следующем: владелец рабочей силы вместо продажи товаров, в которых был овеществлен его труд, должен быть принужден продавать самую свою рабочую силу, такою, какою она существует в его личности.

«Никакой производитель не может продавать товаров, отличных от его собственной рабочей силы, если не владеет средствами производства, сырым материалом, орудиями труда и т. д. Никто не может сделать сапог без кожи. Кроме того, производителю нужны средства существования. Никто не может питаться продуктами будущего, потребительными стоимостями, производство которых еще не закончено. И теперь точно так же, как и в первый день своего появления на земле, человек должен каждый день потреблять, прежде чем он производит и пока он производит. Если его продукты производятся как *товары*, они должны быть проданы после того, как они произведены, и они только после продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени производства присоединяется еще время, необходимое для продажи.

«Превращение денег в капитал требует, таким образом, чтобы владелец денег встретил на рынке свободного рабочего, свободного в том двояком смысле, что он, как свободный человек, может располагать своей рабочей силой и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, что он совершенно не обременен собственностью, совершенно свободен от всех тех вещей, которые необходимы для овеществления его рабочей силы.

«Вопрос, почему этот свободный рабочий встречает его на рынке, не интересует владельца денег. Для него рабочий рынок является только одним из отделений общего товарного рынка. Но в данный момент этот вопрос и нас также мало интересует. В нашем теоретическом анализе мы так же держимся за этот факт, как владелец денег руководится им в своем практическом поведении. Одно, однако, ясно. Природа не создает на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой только владельцев собственной рабочей силы. Отношение это неестественное. Оно не есть также такое общественное отношение, которое было бы обще всем историческим периодам; оно само, очевидно, результат предыдущего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, гибели целого ряда более древних формаций общественного производства.

«Экономические категории, которые мы до сих пор рассматривали, носят на себе следы своего исторического происхождения. Существование продукта в форме товара предполагает известные исторические условия. Чтобы стать товаром, продукт не должен быть произведен как непосредственное средство существования производителя. Но если бы мы спросили себя: как и при каких обстоятельствах все, или по крайней мере огромное большинство продуктов, получают форму товаров, — мы нашли бы, что это происходит исключительно на основе специфического способа производства, капиталистического способа производства. Подобное исследование не входит, однако, в анализ товара. Производство и обращение товаров могут происходить, хотя бы преобладающая масса продуктов служила для удовлетворения собственных нужд, не превращаясь в товар, и таким образом общественный процесс производства отнюдь еще не во всей его широте и глубине управлялся бы меновой стоимостью... или, анализируя деньги, мы находим, что существование денег имеет предпосылкой известное развитие обращения товаров. Особенные формы существования денег, как формы простого эквивалента, или средства обращения, или платежного средства, сокровищ или мировых денег, в зависимости от того, какая форма преобладает, указывают на чрезвычайно различные ступени общественного процесса производства. Однако опыт показывает, что достаточно сравнительно низкого развития обращения товаров для образования всех этих форм. Но совсем иначе обстоит дело с капиталом. Его исторические условия существования вовсе не совпадают с товарным и денежным обращением. Капитал может образоваться, только если владелец средств производства и существования встречает на рынке свободного рабочего, продающего свою рабочую силу, и это одно условие охватывает целые века исторического развития. Таким образом капитал с самого начала знаменует собой новую эпоху в развитии общественного процесса производства».

Рассмотрим теперь этот особенный товар — рабочую силу. Подобно всем другим товарам, она обладает меновой стоимостью; эта стоимость определяется тем же самым способом, как и стоимость всех других товаров: рабочим временем, необходимым для ее производства и воспроизведения. Стоимость рабочей силы равна стоимости средств существования, необходимых для поддержания ее владельца в нормальном состоянии трудоспособности. Эти средства существования регулируются климатом и другими естественными условиями и уровнем, исторически установленным в каждой стране. Они изменяются, но для данного столетия, для каждой данной эпохи они также бывают даны. Кроме того, они включают и средства существования для замещения истощенных рабочих, для их детей, чтобы дать возможность этому особому виду владельцев товаров увековечить себя. Они включают, наконец, для квалифицированного труда затраты на обучение.

Минимальная граница стоимости рабочей силы определяется стоимостью физически абсолютно необходимых средств существования. Если ее цена падает до этой границы, она падает ниже ее стоимости, так как последняя включает рабочую силу нормального, а не низшего качества.

Из характера труда очевидно, что рабочая сила употребляется только после того, как она была продана, и во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается после того, как она действовала. Таким образом везде рабочий оказывает кредит капиталисту. Маркс приводит некоторые интересные примеры практических результатов этого оказываемого рабочими кредита из парламентских документов, для знакомства с которыми мы отсылаем к самой книге.

Потребляя рабочую силу, покупатель ее производит сразу товары и прибавочную стоимость, но, чтобы рассмотреть этот процесс, мы должны оставить сферу обращения и перейти в сферу производства.

Здесь мы сразу находим, что процесс труда имеет двоякий характер. С одной стороны, это простой процесс производства потребительной стоимости, как таковой, который может и должен существовать при всех исторических формах общественного существования; с другой стороны, этот именно процесс происходит при специфических условиях капиталистического производства, как уже было указано ранее. Это нам теперь предстоит рассмотреть.

Процесс труда на капиталистической основе имеет две особенности. Во-первых, рабочий работает под контролем капиталиста, который следит за тем, чтобы ничего не растрачивалось и чтобы на каждый продукт труда затрачивалось не больше общественно-необходимого количества труда. Во-вторых, продукт составляет собственность капиталиста, так как процесс труда происходит между двумя вещами, принадлежащими капиталисту: рабочей силой и средствами труда.

Капиталиста интересует потребительная стоимость лишь в той мере, в какой она является овеществлением меновой стоимости и, главным образом, прибавочной стоимости. Его задача — произвести товар, имеющий более высокую стоимость, чем сумма стоимости, вложенная в его производство. Но как это можно сделать?

Возьмем какой-нибудь товар, например хлопчато-бумажную пряжу, и рассмотрим заключающееся в ней количество труда. Предположим, что для производства 10 ф. пряжи требуется 10 ф. хлопка стоимостью в 10 шилл. (не принимая в расчет отбросов). Затем требуются известные орудия труда, паровая машина, чесальные машины и другие машины, уголь, смазочные вещества и т. д. Для простоты мы назовем все это «веретенами» («spindle») и предположим, что доля изнашивания, разрывания, угля и т. д., необходимая для прядения 10 ф. пряжи, равна 2 шиллингам. Таким образом мы имеем на 10 шилл. хлопка + 2 шилл. веретен = 12 шилл. Если 12 шиллингов представляют продукт 24 рабочих часов, или два рабочих дня, тогда хлопок и веретена в пряже овеществляют труд двух рабочих дней. Сколько же прибавилось в процессе прядения?

Предположим, что стоимость рабочей силы per diem составляет 3 шилл. и что эти 3 шилл. представляют шестичасовой труд. Далее, что шесть часов необходимы, чтобы один рабочий выпрял 10 ф. пряжи. В таком случае 3 шилл. были прибавлены к продукту трудом; стоимость 10 ф. пряжи равна 15 шилл., или $^{1}/_{6}$ пенса на фунт.

Этот процесс чрезвычайно прост, но он не дает никакой прибавочной стоимости. И не может, так как в капиталистическом производстве дело не происходит так просто.

«Мы предположили, что стоимость рабочей силы составляет 3 шилл. per diem (в день) и что 6 часов труда представлены этой суммой. Но если для поддержания рабочего в течение 24 часов необходима половина рабочего дня, ничто не может помешать этому рабочему затратить целый день. Меновая стоимость рабочей силы и стоимость, которую он может произвести, два совершенно различных коли-

чества, и именно эту разницу имел в виду капиталист, когда он вложил свои деньги в этот товар. То, что он имеет свойство производить потребительную стоимость, было просто conditio sine qua non, поскольку труд должен быть овеществлен в полной форме, чтобы произвести стоимость. Но наш капиталист смотрел дальше этого, его привлекало то специфическое обстоятельство, что эта рабочая сила является источником меновой стоимости и большей меновой стоимости, чем содержащаяся в ней самой. Это именно та особая «услуга», которой он ждет от нее. И, поступая так, он действует согласно вечным законам обмена товаров. Продавец рабочей силы реализует ее меновую стоимость, отчуждая ее потребительную стоимость. Он не может получить одной, не отдавая другой. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же мало принадлежит продавцу ее, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Капиталист уплатил дневную (per diem) стоимость рабочей силы; ему, следовательно, принадлежит пользование этой силой в течение одного дня, т.-е. дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, хотя рабочая сила может действовать, т.-е. работать, целый день, что поэтому стоимость, которую создает ее потребление в течение одного дня, в два раза больше ее собственной дневной стоимости, — это обстоятельство составляет особенную удачу покупателя, но вовсе не является несправедливостью по отношению к продавцу.

«Рабочий, работая таким образом 12 часов, делает 20 ф. пряжи, представляющих на 20 шилл. хлопка, на 4 шилл. веретен и т. д., и труд его стоит 3 шилл., всего 27 шилл. Но если 10 ф. пряжи поглощали 6 часов труда, то 20 ф. пряжи поглощают 12 часов труда, равных 6 шиллингам. 20 ф. пряжи теперь представляют 5 рабочих дней: 4 — в форме хлопка, веретен и т. д., 1 — впитанный хлопком во время процесса пряжения. Денежное выражение 5 рабочих дней составляет 30 шилл., следовательно цена 20 ф. пряжи равна 30 шилл., или $^1/_6$ пенса за фунт, как и раньше. Но общая сумма стоимости товаров, вложенная в процесс, составляла 27 шилл. Стоимость продукта возросла в сравнении со стоимостью товаров, вложенных в его производство, на $^1/_9$. Таким образом 27 шилл. превратились в 30 шилл. Они породили прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Фокус, наконец, удался. Деньги превращены в капитал.

«Все условия задачи решены, и законы обмена товаров нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист, как покупатель, платил за каждый товар по его стоимости: за хлопок, веретена и рабочую силу. Затем он поступал, как всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который в то же самое время является процессом производства товара, выразился в продукте в 20 ф. пряжи стоимостью в 30 шилл. Наш капиталист возвращается на рынок и продает пряжу по $^1/_6$ пенса за фунт, не выше и не ниже ее стоимости, и однако он извлекает из обращения на 3 шилл. больше, чем он вложил в него первоначально. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, происходит в сфере обращения и в то же самое время в н е ее. Он происходит через посредство обращения, так как обусловливается покупкой рабочей силы на рынке. Он происходит вне обращения, так как последнее только подготовляет процесс возрастания стоимости, который происходит в сфере производства, и таким образом tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles (все к лучшему в сем лучшем из миров)».

От указания способа производства прибавочной стоимости Маркс переходит к ее анализу. Из предыдущего очевидно, что только одна часть вложенного в производительное предприятие капитала непосредственно способствует образованию прибавочной стоимости. Только эта часть производит н о в у ю стоимость; капитал, вложенный в машины, сырье, уголь и т. д., правда, вновь появляется в стоимости продукта pro tanto, он сохраняется и воспроизводится, но из него не получается прибавочной стоимости. Это побуждает Маркса предложить новое подразделение капитала на п о с т о я н н ы й капитал — тот, который только переносится: часть, вложенная в машины, сырье, и все другие аксесуары труда, — и п е р е м е н-

н ы й капитал, тот, который не только воспроизводится, но который в то же самое время является непосредственным источником прибавочной стоимости, та часть, которая затрачена на покупку рабочей силы, на заработную плату. Отсюда ясно, что как бы ни был необходим постоянный капитал для производства прибавочной стоимости, он, однако, не участвует в нем непосредственно; и кроме того величина вложенного в производство постоянного капитала не имеет ни малейшего влияния па величину прибавочной стоимости, произведенной в этом производстве[1]); следовательно, она не должна быть принята во внимание при установлении уровня прибавочной стоимости. Он может быть определен только сравнением величины прибавочной стоимости с величиной капитала, непосредственно участвующего в создании ее, т.-е. с величиной переменного капитала.

Маркс поэтому определяет уровень прибавочной стоимости ее отношением только к переменному капиталу: если дневная цена труда равна 3 шилл., а ежедневно создаваемая прибавочная стоимость также равна 3 шилл., тогда уровень прибавочной стоимости равен 100%. Какие курьезные ошибки могут быть сделаны, если считать, как это обычно принято, постоянный капитал активным фактором в производстве прибавочной стоимости, можно видеть на примере г-на Н.-В. Сениора, «когда этот оксфордский профессор, известный своими научными трудами и своей прекрасной дикцией, был приглашен в 1836 г. в Манчестер для изучения там политической экономии (у бумаго-прядильных фабрикантов) вместо преподавания ее в Оксфорде».

Рабочее время, в продолжение которого рабочий воспроизводит стоимость своего труда, Маркс называет «необходимым временем»; время труда сверх этого времени, в продолжение которого производится прибавочная стоимость, он называет «прибавочным трудом». Необходимое время вместе с прибавочным временем составляют «рабочий день».

В рабочем дне время, потребное для необходимого труда, дано; но время, употребляемое для прибавочного труда, не установлено никаким законом, оно может быть более или менее продолжительным в известных границах. Оно никогда не может быть равно нулю, потому что тогда исчезло бы для капиталиста побуждение употреблять труд; вместе с тем общая продолжительность рабочего дня никогда не может достигнуть 24 часов по физиологическим причинам. Между рабочим днем, например, в 19 часов и рабочим днем в 24 часа есть, однако, много промежуточных ступеней. Законы обмена товаров требуют, чтобы длина рабочего дня не превышала той, которая совместима с нормальным изнашиванием рабочего. Но каково это нормальное изнашивание? Сколько часов ежедневного труда совместимы с ним? Здесь мнения капиталистов резко отличаются от мнений рабочих, и так как высшего авторитета в этом отношении нет, то вопрос решается силой. История определения длины рабочего дня есть история борьбы за его границы между совокупным капиталистом и совокупным рабочим, т.-е. между классом капиталистов и классом рабочих.

«Капитал, как было указано раньше, не изобрел прибавочного труда. Там, где одна часть общества имеет исключительную монополию на средства производства, там рабочий, будет ли то раб, крепостной или свободный человек, должен к труду, необходимому для поддержания его собственного существования, прибавлять прибавочный труд для производства средств существования для владельца средств производства, независимо от того, будет ли этот владелец афинский καλὸς κἀγαθὸς этрусский теократ, civis Romanus (римский гражданин), норманнский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист». Однако очевидно, что во всякой форме общества, где потребительная стоимость продукта важнее его меновой стоимости, прибавочный труд ограничен более или менее тесным кругом общественных потребностей и что при этих условиях

---

[1]) Мы должны здесь заметить, что прибавочная стоимость совершенно не тождественна с прибылью.

не существует непременного стремления к прибавочному труду ради него самого. «Так мы нашли, что в классический период прибавочного труда в его крайней форме чрезмерный труд существовал почти исключительно в серебряных и золотых рудниках, где меновая стоимость производилась в ее самостоятельной денежной форме. Но как только народы, производство которых движется еще в сравнительно низких формах рабского труда, барщины и т. д., вовлекаются на всемирный рынок с господствующим на нем капиталистическим способом производства, при котором продажа продуктов за границу становится преобладающим интересом, — с этого самого момента к варварским ужасам рабства или крепостного права прибавляются цивилизованные ужасы чрезмерного труда. Таким образом в южных штатах Америки рабский труд сохранял умеренный и патриархальный характер до тех пор, пока производство было главным образом направлено на удовлетворение непосредственных потребностей. Но по мере того, как вывоз хлопка становится жизненным интересом этих штатов, чрезмерный труд негров, в некоторых случаях даже поглощение его жизненных сил в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной на барыш и учитывающей его системы..., аналогичной с барщинным трудом, напр. в дунайских княжествах». Здесь сравнение с капиталистическим производством становится особенно интересным, потому что в барщине (corvée) прибавочный труд обладает самостоятельной осязательной формой.

«Предположим, что рабочий день состоит из шести часов необходимого труда и шести часов прибавочного труда; тогда рабочий дает капиталисту 36 часов прибавочного труда в неделю. Он может с таким же успехом работать три дня в неделю для себя самого и три дня для капиталиста. Но это не сразу видно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются здесь воедино.

«То же самое отношение я могу выразить таким образом, что в каждую минуту рабочий 30 секунд работает для себя и следующие 30 секунд для капиталиста. Совсем не то с барщинным трудом. Оба вида труда разделены в пространстве. Труд, который валашский крестьянин исполняет для себя, он исполняет на своем собственном поле; его прибавочный труд для боярина он производит в имении боярина. Обе формы его труда существуют независимо друг от друга, прибавочный труд в форме барщины совершенно отделен от необходимого труда». Мы должны воздержаться от цитирования дальнейших интересных иллюстраций современной социальной истории дунайских княжеств, которыми Маркс доказывает, что бояре, созданные русским вмешательством, так же хорошо умеют извлекать прибавочный труд, как всякий капиталистический работодатель. Но то, что règlement organique, которым русский генерал Киселев наделил бояр почти неограниченной властью над крестьянским трудом, выражает положительно, то английские фабричные законы выражают отрицательно. «Эти законы обуздывают стремление капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня со стороны государства, и притом со стороны такого государства, которым управляют лендлорды и капиталисты. Помимо все усиливающегося и становящегося все более угрожающим рабочего движения, ограничение фабричного труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила выливать перуанский гуано на английские поля. Та же самая слепая жажда наживы, которая в одном случае истощала поля, в другом случае в корне подтачивала жизненные силы нации. Периодические эпидемии здесь так же решительно, как во Франции и в Германии, вызвали необходимость уменьшения нормы роста для солдат».

Чтобы доказать тенденцию капитала к увеличению рабочего дня за разумные пределы, Маркс широко пользуется отчетами фабричных инспекторов, комиссии об употреблении детского труда, отчетами об общественном здравии и другими парламентскими документами и резюмирует их в следующих выводах:

«Что такое рабочий день? Как продолжительно время, в течение которого можно разрешить капиталисту потреблять рабочую силу, оплачивая ее стоимость per diem (поденно)? Насколько можно растянуть рабочий день за пределы вре-

мени, необходимого для воспроизведения самой рабочей силы? Капитал, как мы видели, отвечает: рабочий день насчитывает круглые сутки, кроме тех немногих часов отдыха, без которого рабочая сила абсолютно не может возобновить своего действия. Само собою разумеется, что рабочий всю свою жизнь представляет только рабочую силу, что все время, которым он может располагать, есть рабочее время и предназначено на образование прибавочной стоимости. Но при своем безмерном слепом стремлении к наживе, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал бешено перескакивает не только через нравственные, но и через чисто физические максимальные границы рабочего дня... Капитал не заботится о продолжительности жизни рабочей силы, он вызывает ее преждевременное истощение и смерть, он осуществляет удлинение рабочего времени в течение известного периода сокращением жизни рабочего».

Но разве это не противно интересам самого капитала? Разве капитал с течением времени не должен восстановить стоимость этого дорогого изнашивания? Теоретически это возможно. На практике организованная торговля рабами в глубине южных штатов возвела изнашивание рабочей силы рабов в течение семи лет в общепризнанный экономический принцип; на практике английский капиталист рассчитывает на предложение рабочих из земледельческих округов. «Он видит постоянное перенаселение, которое является перенаселением в сравнении со способностью капитала поглощать живой труд, хотя бы это перенаселение состояло из постоянного притока истощенных, скоро вымирающих, быстро вытесняющих друг друга, так сказать скошенных до наступления зрелости, поколений. Конечно, опыт показывает, с другой стороны, вдумчивому наблюдателю, как быстро капиталистическое производство, которое, говоря исторически, существует только со вчерашнего дня, в самом корне подорвало силы народа, как вырождение промышленного населения замедляется только постоянным поглощением земледельческих элементов и как даже эти земледельческие рабочие, несмотря на свежий воздух и принцип естественного подбора, который особенно силен среди них, уже начинают вырождаться. Капитал, который имеет такие основательные причины отрицать страдания окружающего его рабочего класса, в своей практике так же мало считается с перспективой будущей гибели человечества, т.-е. неизбежного его вымирания, как с возможностью падения земли на солнце. При всякой спекуляции акциями каждый из спекулянтов знает, что рано или поздно гроза должна разразиться, но каждый надеется, что она коснется его соседа, после того как он сам успеет собрать золотой дождь и спрятать его в надежное место. Après moi le déluge (после меня — потоп) — таков девиз всякой капиталистической нации. Капитал поэтому не считается со здоровьем и продолжительностью жизни рабочих, если общество не принуждает его поступать иначе. И в общем и целом это пренебрежение рабочим не зависит даже от доброй или злой воли отдельного капиталиста. Свободная конкуренция предписывает отдельному капиталисту имманентные законы капиталистического производства в форме внешнего принудительного закона».

Установление нормального рабочего дня есть результат многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы мы видим два противоположных течения. Интересно наблюдать оба противоположных течения. В начале законы имеют целью принудить рабочих работать дольше; со времени первых рабочих статутов (23-й Эдуарда III, 1349 г.) до XV столетия господствующим классам никогда не удавалось вынудить у рабочего полное количество возможного труда. Но с введением пара и новейших машин дела приняли другой оборот. Введение женского и детского труда так быстро разрушало все традиционные границы рабочего времени, что XIX столетие началось системой чрезмерного труда, равной которой нет в истории человечества и которая уже в 1803 г. принудила законодательство издать законы об ограничении рабочего дня. Маркс дает полный отчет об истории английского фабричного законодательства вплоть до фабричного закона 1867 г. и приходит к следующим заключениям:

1) Машины и пар вызывают чрезмерный труд прежде всего в тех отраслях промышленности, в которых они применяются, и поэтому законодательные ограничения применяются прежде всего к этим отраслям; но в дальнейшем мы находим, что эта система чрезмерного труда распространяется также почти на все производства, даже на такие, в которых машины вовсе не применяются или в которых продолжают существовать самые примитивные способы производства. (См. Children's Employment Commission's Reports.)

2) С введением на фабриках женского и детского труда «свободный» индивидуально рабочий теряет свою силу сопротивления натиску капитала и должен безусловно подчиниться. Таким образом он приходит к коллективному сопротивлению; начинается классовая борьба рабочего класса против класса капиталистов.

Если мы теперь вернемся к тому моменту, когда наш «свободный» и «равный» рабочий заключил договор с капиталистом, мы увидим, что в этом процессе весьма многое значительно изменилось. Этот договор со стороны рабочего не является свободным договором. Время, на которое он волен ежедневно продавать свою рабочую силу, есть то время, на которое он принужден продавать ее, и только сопротивление рабочих, как массы, вынуждает к принятию законов, запрещающих им продавать в рабство и на чрезмерный труд самих себя и своих детей на основании «свободного» договора.

«На место пышного каталога неот'емлемых прав человека здесь является скромная Magna Charta законодательного ограничения рабочего дня».

Теперь нам предстоит анализировать уровень прибавочной стоимости и ее отношение к общей сумме продуктов прибавочной стоимости. В этом исследовании мы предполагаем, как мы это делали до сих пор, что стоимость рабочей силы есть данная постоянная величина.

При этом предположении вместе с уровнем прибавочной стоимости дана в то же самое время и та масса ее, которую единичный рабочий доставляет в определенный период времени капиталисту. Если стоимость нашей рабочей силы равна 3 шилл. в день, представляющим шесть часов труда, а уровень прибавочной стоимости составляет 100%, тогда переменный капитал в 3 шилл. производит каждый день прибавочную стоимость в 3 шилл., или рабочий доставляет каждый день шесть часов прибавочного труда.

Так как переменный капитал есть денежное выражение совокупной стоимости всей употребляемой одновременно капиталистом рабочей силы, то общая сумма прибавочной стоимости, произведенной рабочей силой, может быть определена умножением этого переменного капитала на уровень прибавочной стоимости; другими словами, она определяется отношением между количеством одновременно употребляемых рабочих сил и степенью эксплоатации. Каждый из этих факторов может изменяться, так что уменьшение одного может компенсироваться увеличением другого. Переменный капитал, необходимый для того, чтобы занять 100 рабочих при уровне прибавочной стоимости в 50% (напр. при 3 часах прибавочного труда в день), произведет не больше прибавочной стоимости, чем половина этого переменного капитала при уровне прибавочной стоимости в 100% (напр. при 6 часах прибавочного труда в день). Таким образом в известных границах количество труда, которое может быть выжато из рабочих капиталом, может стать независимым от предложения рабочих рук.

Есть, однако, абсолютная граница этого увеличения прибавочной стоимости посредством увеличения ее уровня. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли необходимое рабочее время 2 или 10 часов, общая стоимость, которую один рабочий может изо дня в день производить, никогда не может достигнуть стоимости 24 часов труда.

Для получения одинаковых количеств стоимости переменный капитал может двигаться при удлинении рабочего дня только в этих границах. Это важный элемент для об'яснения впоследствии важных явлений, вытекающих из двух противоречивых тенденций капитала: 1) уменьшения числа занимаемых им рабочих, т.-е.

переменного капитала, и 2) производства возможно большего количества прибавочной стоимости.

Далее: «При данной стоимости рабочей силы и при равном уровне прибавочной стоимости количества прибавочной стоимости, произведенные двумя различными капиталами, прямо пропорциональны величине авансированных переменных капиталов. Закон этот, повидимому, противоречит опыту, основанному на очевидности. Всякому известно, что бумагопрядильщик, который затрачивает относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает вследствие этого меньше прибыли или прибавочной стоимости, чем булочник, приводящий в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для решения этого кажущегося противоречия нужно еще много промежуточных членов, точно так же, как в элементарной алгебре нужны многие промежуточные члены, чтобы понять, что ноль, деленный на ноль, может представлять действительную величину».

В каждой данной стране при данной продолжительности рабочего дня количество прибавочной стоимости может быть увеличено только посредством увеличения числа рабочих, т.-е. при увеличении населения; это увеличение составляет математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным капиталом этой страны. С другой стороны, если число рабочих определенно, граница эта устанавливается возможным удлинением рабочего дня. Мы впоследствии увидим, что этот закон действителен только для той формы прибавочной стоимости, которую мы до сих пор рассматривали.

«В этой стадии нашего исследования мы находим, что не всякая сумма денег может быть превращена в капитал, что для этого существует крайний минимум: цена единицы рабочей силы и средств труда, необходимых для приведения ее в движение. Предположим, что уровень прибавочной стоимости составляет 50%; тогда нашему незрелому капиталисту придется употребить двух рабочих, чтобы жить самому так, как живет рабочий. Но это помешало бы ему делать какие-либо сбережения; целью же капиталистического производства является не только сохранение, но также, и главным образом, увеличение богатства. Для того, чтобы жить только в два раза лучше обыкновенного рабочего и превращать половину произведенной прибавочной стоимости снова в капитал, он должен был бы употреблять восемь рабочих. Конечно, он может так же, как и его рабочий, своим трудом непосредственно участвовать в процессе производства, но он все же будет мелким хозяином, чем-то средним между капиталистом и рабочим. На известной ступени развития капиталистического производства необходимо, чтобы капиталист все то время, в продолжение которого он функционирует как капиталист, т.-е. как олицетворенный капитал, мог употреблять для присвоения чужого труда и контроля за ним и для продажи продуктов этого труда. Средневековый цеховой строй стремился, ограничивая незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось занимать одному хозяину, насильственно воспрепятствовать превращению мастера-ремесленника в капиталиста. Владелец денег или товара только тогда превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, значительно выше средневекового максимума. Здесь, как и в естественных науках, подтверждается правильность закона, открытого Гегелем, что простые количественные изменения на известной ступени переходят в качественные. Минимум той суммы стоимости, которая необходима для превращения владельца денег или товаров в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства и на данной ступени развития различается в различных отраслях производства.

«Во время процесса производства, подробно рассмотренного выше, отношения между капиталистом и рабочим значительно изменились. Прежде всего капитал стал командовать над трудом, т.-е. над самим рабочим. Олицетворенный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий исполнял свое дело старательно и с должной степенью интенсивности. Далее капитал развился в принудительное

отношение, заставляющее рабочий класс производить больше труда, чем этого требует тесный круг его собственных жизненных потребностей.

«Как производитель чужого трудолюбия, как насос, высасывающий прибавочный труд и эксплоатирующий рабочую силу, капитал значительно превосходит по энергии, безграничной силе и действию все прежние системы производства, покоящиеся на непосредственном принуждении к труду.

«Капитал подчиняет себе сначала труд при тех технических условиях, в которых он его находит в данный исторический период. Он не изменяет поэтому непосредственно способа производства. Производство прибавочной стоимости в той форме, в которой мы его до сих пор рассматривали, т.-е. посредством простого удлинения рабочего дня, являлось таким образом независимым от какой-либо перемены в самом способе производства. Оно было не менее действительно в старомодной булочной, чем в современной бумагопрядильной фабрике.

«Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, но как к простым средствам и материалам его целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, напр., он мнет кожу не для капиталиста. Но дело изменяется, когда мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса образования прибавочной стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства впитывания чужого труда. Теперь уже не рабочий употребляет средства производства, но, напротив того, средства производства употребляют рабочего. Вместо того, чтобы быть употребленными в качестве материальных элементов его производительной деятельности, они, наоборот, сами потребляют его в качестве фермента их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала состоит только в его движении в качестве постоянно возрастающей стоимости. Плавильные печи и фабричные здания, которые ночью отдыхают и не впитывают труда, составляют чистую потерю для капиталиста. Поэтому плавильные печи и мастерские одним своим существованием уже означают известное притязание на ночной труда рабочих. (См. Reports of Children's Empl. Comission, 4-th Report 1865, pp. 79—85.) Простое превращение денег в средства производства превращает последние в юридические и принудительные основания пользоваться чужим трудом и чужим прибавочным трудом».

Но у капиталиста остается еще другой способ увеличения прибавочного труда, когда достигнут уже крайний предел продолжительности рабочего дня: увеличение производительности труда и понижение вследствие этого стоимости труда и сокращение таким образом периода необходимого труда. Эта форма прибавочной стоимости будет рассмотрена в особой статье.

Сэмуэль Мур

КАРЛ МАРКС

БОРЬБА ЯКОБИНЦЕВ С ЖИРОНДИСТАМИ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Известно, что Маркс во время своего пребывания в Париже в 1843—1844 гг. усердно изучал историю великой французской революции и даже собирался написать историю Конвента. К началу сороковых годов XIX столетия «ученая» литература по истории французской революции представлена была только трудами Тьера и Минье, написанными еще в двадцатых годах. И тот, и другой являлись апологетами либеральной буржуазии в ее борьбе против аристократической реставрации. Не только бабувисты, но и якобинцы не могли найти верную оценку в этих либеральных работах.

И вот как бы в противовес этой «умеренной» историографии еще до июльской революции появились мемуары двух участников революции, выступивших с апологией бабувистов (Буонаротти в 1828 г.) и якобинцев (Ренэ Левассера в 1829 г.).

В бумагах Маркса сохранилась тетрадь, относящаяся к 1844 г. В ней, кроме ряда выписок из мемуаров Левассера [1]), имеется еще очень сжатый конспект пяти глав первого тома (стр. 1—163). В них Левассер дает очерк борьбы между жирондистами и якобинцами в Конвенте от сентября 1792 до начала апреля 1793 г.

Жорес называет мемуары Левассера «превосходными по ясности, воодушевлению и силе изложения». В соответствующих главах своей истории Конвента он их очень часто и обильно цитирует.

В печатаемом нами конспекте Маркс ограничивается выделением и подчеркиванием существенных пунктов без всяких критических замечаний со своей стороны. Такой способ конспектирования помогал Марксу лучше усвоить себе основные черты данной исторической эпохи. Но уже самая группировка фактов превращает этот конспект в обвинительный акт против жирондистов.

Д. Р.

Вместе с 10 августом 1792 года начинается междуцарствие. Бессильно Законодательное Собрание, бессильно министерство, вышедшее из него. Правление переходит к н а р о д н ы м с о б р а н и я м и м у н и ц и п а л и т е т а м. Последние, ставши вдруг центрами правления и будучи порождением анархии, должны

---

[1]) «Mémoires do R. Levasseur (de la Sarthe), ex-conventionnel», Paris 1829 (в четырех томах).

были быть выразителями народного движения, ибо их властью была власть народного мнения (стр. 44, 45 и сл.).

Отсюда раскол между влиятельными партиями.

Одна партия желает восстановить рухнувший, благодаря 10 августа, строй и привести в действие существующие законы. Главные члены министерства и Законодательного Собрания состоят вождями этой партии.

Другая партия видит в анархии единственную движущую силу событий, в вызываемом ею энтузиазме — замену готовой организации, единственную силу сопротивления во вне и внутри. Члены этой партии являются господами положения в парижской Коммуне и почти во всех муниципалитетах Франции и имеют один голос (Дантон) в министерстве (стр. 45, 46).

Жирондисты (первая партия) не выставляют никакого реального средства против народного потока. Их теории ограничиваются на практике речами и декламациями, которые довершают их непопулярность, но не имеют ни малейшего влияния на развитие событий.

Тем временем парижская Коммуна посылает граждан на защиту границ. Грохот пушек, не прекращающийся ни на час, возвещает об общественных опасностях. Все граждане записываются в секции, чтобы выступить против неприятеля.

Сентябрьские дни разыгрываются в это время.

Если бы они были подавлены, угасла бы всякая общественная жизнь (стр. 46, 47).

В провинции клянут сентябрьские убийства, но выражают благодарность людям, которые поддерживают повстанческую лихорадку для того, чтобы наполнить военные лагери гражданами-солдатами. Выражают презрение жирондистам, у которых нехватает смелости, чтобы погнать граждан против чужих войск, и которые совершенно не умеют оказать энергичного сопротивления преступлениям; жирондисты их проклинают, но пользуются ими как источниками для встречных обвинений против своего могущественного противника.

В это бурное время происходят выборы.

Открытие Конвента. Повстанческое движение в Париже продолжается; Коммуна всесильна.

Жирондисты первыми отделяются от монтаньяров. Как мало ищут разрыва вновь прибывающие монтаньяры, показывает почти единогласное избрание Петиона в председатели Конвента. Точно так же и другие члены Бюро избираются среди влиятельных депутатов, членов последнего Законодательного Собрания. Вновь прибывшие депутаты почти все ничего не знали о внутренних разногласиях. Робеспьер и Петион, Дантон и Гадэ — одинаково пользовались их уважением.

Единственная партия, которая вступила в Конвент с готовой системой и с наперед выработанным планом (жирондисты), занимает места на правой стороне. Оставив свои прежние скамьи (на левой) и устремляясь всей массой на правую сторону, они об'являют войну вновь прибывшим республиканцам, которые бросаются на левую сторону, — традиционное место патриотизма.

Жирондисты имели большинство в Законодательном Собрании и одновременно господствовали в Якобинском клубе. Ко времени событий 10 августа они считали, что Франция у них в руках. Созывая Национальный Конвент, они ни на одно мгновение не предполагали, что может образоваться независимое от них большинство. Но семидневное междуцарствие изменило положение вещей и характер выборов. Законодательное Собрание, — иначе говоря жирондисты, — обнаружило некоторую энергию в борьбе против королевского двора. Как только им безраздельно досталось в руки кормило правления, они обнаружили свою слабость и безволие. Они не сумели сдержать прорвавшегося 10 августа потока; они имели глупость противопоставить ему декламации. Они вооружили против себя общественное мнение, не будучи в состоянии устранить какой-либо беспорядок. Они сами лишили себя имев-

шихся у них в распоряжении средств для управления ходом событий. Якобинский клуб был тогда барометром общественного мнения. Некоторое время здесь диктовали законы жирондисты. Даже перед роспуском Учредительного Собрания они свергли братьев Ламет и загнали конституционалистов в непопулярные кабачки фельянов. После 10 августа они, в свою очередь, остались в хвосте; популярность их исчезла. Почти все они оставили общество, о заслугах которого они трубили, пока оно поддерживало их взгляды; но как только оно стало думать иначе, чем они, это общество в их глазах стало теперь уже гнездом мятежников.

Далее, 10 августа, жирондисты предоставили исполнительную власть временному совету министров. Этот совет министров, не имея опоры в нации, стал бессилен, как только партия, к которой он принадлежал, потеряла популярность. Исполнительная власть фактически была в руках Коммуны, и именно парижской Коммуны, которую составили крепкие люди из народа. Выборы в столице прошли под давлением Коммуны. Видные члены Коммуны были избраны в Конвент.

Отсюда враждебная позиция жирондистов с первых моментов Конвента. Все новые депутаты, известные сколько-нибудь своей энергией и патриотизмом, были по прибытии привлечены в Якобинский клуб, где Коммуна пользовалась большим влиянием. Эти-то депутаты заняли места на левой стороне. Достаточно было этого, чтобы отогнать жирондистов на правую сторону. Якобинцы стали их врагами, — поэтому они называли своих новых противников якобинцами. Первоначально относясь враждебно только к парижской Коммуне и парижским депутатам, они распространили свою ненависть на всех, кто сидел на той же стороне, встречался часто с якобинцами и был страстным республиканцем.

Итак, в начале сессии Конвент не был расколот; компактная масса республиканцев была об'единена одним общим чувством, но в остальном они расходились по многим пунктам. И вот внутри Конвента образовалась настойчивая клика, которая хотела навязать всему собранию свои мнения и готовилась к войне, чтобы отомстить за раны, нанесенные ее самолюбию, и удовлетворить свою личную злобу.

Большинство жирондистов — не изменники, но среди них скрывались изменники. Гибель республики не была их целью, но была следствием их теорий. Поэтому немногочисленные роялисты Конвента присоединились к ним. Они были нападающей стороной, «Гора» долго занимала оборонительное положение. Жирондисты не сумели пожертвовать своим самолюбием для общественного дела (стр. 47—59).

21 сентября 1792 г. — открытие Конвента. Петион — президент. Дантон слагает с себя звание министра юстиции. Примирительная речь. Никакая конституция не может существовать иначе, как при условии, что она принята большинством голосов на первичных собраниях. Декларация о неприкосновенности собственности должна быть декретирована. Оба эти проекта Дантона стали декретами (первые декреты Конвента). Дантон в своей речи рассматривает народное возбуждение как необходимое, но преходящее явление; теперь на его место должна вступить созидательная власть Конвента, излишества должны прекратиться.

Единогласная отмена королевской власти по предложению Грегуара.

Но первому заседанию Конвента видно стремление Горы к общему примирению в интересах порядка и свободы. Жирондисты сейчас же обнаруживают жажду мщения.

24 сентября. Керсэн, ссылаясь на опасность, грозящую столице, предлагает вызвать значительные подкрепления из департаментов. Это — первое об'явление войны со стороны жирондистов, которые были очень озлоблены против парижских депутатов: жирондисты, будучи членами Законодательного Собрания, лишились всякого значения благодаря деятельности Коммуны и господству Дантона в Исполнительном Совете.

Жан-Поль Марат и Жозеф Эгалитэ особенно доставляли случаи для враждебных обвинений против Горы в кровожадности и анархии, с одной стороны, и в честолюбии и роялизме — с другой.

24 сентября. Косвенное обвинение парижской Коммуны в стремлении к диктатуре.

25 сентября. Ребекки и Барбару называют Робеспьера кандидатом, намеченным в диктаторы. Дантон снова проповедует согласие, оправдывает Коммуну. Внезаконная власть была необходима при слабом руководстве Законодательного Собрания; остается только вернуться теперь к законному порядку. Жирондисты не поддаются увещаниям Дантона, они все возвращаются к прошлому, чтобы беспрерывно искать в нем материал для встречных обвинений.

Нападки Верньо и Буало на Марата. Смелое возражение Марата. Собрание переходит к очередным делам. Но начавшиеся враждебные действия продолжаются. В ожидании решительного события и разрыва между Роланом и Дантоном предлогом для этих бесполезных стычек являются мнимые превышения власти со стороны Коммуны и плакаты Марата. Победа почти всегда склоняется, повидимому, на сторону жирондистов. Во время этих первых столкновений еще не сорганизовалось большинство; значительное число энергичных республиканцев, колеблясь в нерешительности то туда, то сюда, долгое время голосовало с правыми: таковы Филиппо, Камбон, Камбасерес и др.

29 сентября. Ролан, избранный депутатом от департамента Соммы, заявляет в Конвенте, что он намерен сложить с себя обязанности министра внутренних дел. Правая выражает свое сожаление. Бюзо вносит предложение просить Ролана остаться на своем посту, Филиппо — о том, чтобы эту просьбу распространить на Дантона. Последний противится этому, — такое предложение было бы ниже достоинства Конвента; единственный способ удержать Ролана на его посту — аннулировать его выборы. Жирондисты принимают предложение Бюзо. Валазе заявляет, что имя Ролана для него священно. Лувэ, Барбару осыпают его похвалами. На этот раз выступают против предложения Бюзо депутаты центра Баррер, Лакруа, Тюрио, которые, не принадлежа к правым, часто доставляли им большинство.

30 сентября. Ролан пишет Конвенту письмо, в котором выражает желание остаться министром. Он очень хвалит себя в этом письме, педантически пробирает своих противников, косвенно винит Дантона. Все эти обвинения против Дантона и Коммуны основаны на фактах, предшествующих созыву Конвента, и свидетельствуют о ненависти побежденной партии к партии-победительнице.

Каждый день правая делает выпады против Коммуны; ее защищает группа депутатов от Парижа. Наконец, издается распоряжение о роспуске этого революционного правительства; оно задерживалось для представления отчета. Является новый спорный пункт. Наблюдательный комитет Коммуны заявляет о захвате важных бумаг, которые могут пролить свет на изменнические происки двора, при чем оказываются скомпрометированными некоторые депутаты. Он требовал, чтобы у него не забирали этих документов и предоставили ему продолжать свои функции, пока не наступит удобный момент для использования их. Жирондисты усмотрели в этом открытое желание Коммуны продолжать без конца свою деятельность. Монтаньяры в своих противниках видят людей, заинтересованных в том, чтобы задушить правду. Каждая партия ведет дебаты с точки зрения своих предубеждений. Наконец эти акты передаются комиссии из 25 представителей, среди которых нет ни от членов Коммуны, ни депутатов от Парижа, ни от Учредительного и Законодательного Собраний. Не обнаруживается ничего ни против Коммуны, ни против жирондистов. Даже доклад депутата Жозефа Делонэ (жирондист) говорит по существу в пользу Коммуны. Взаимные обвинения повторяются каждый день с новой яростью. Правая всегда начинает атаку, опираясь на факты, предшествующие созыву Конвента. Свобода мнений всегда подавляется, когда хочет говорить член левой. Робеспьер криками и оскорблениями был согнан с трибуны. Марат только своим упорством добился возможности отвечать.

До сих пор правая постоянно имеет большинство. Гора голосует с нею, как только дело касается принципиальных вопросов, восстановления порядка, исполнения законов.

Ролан в своих докладах Конвенту беспрестанно повторяет, что преступления, совершенные во время междуцарствия, остались безнаказанными, примешивает сюда косвенные обвинения против Робеспьера и Дантона, против депутатов от Парижа.

Ролан — в ярости, что превосходство Дантона в Совете выявило его ничтожество.

29 октября. Ролан подает в Конвент доклад, в котором снова назван Робеспьер. Робеспьер всходит на трибуну, чтобы защищаться, но не может закончить из-за шума жирондистов и постоянных перерывов со стороны председателя Гадэ. Нападки Лувэ на Робеспьера.

6 ноября. Ответ Робеспьера. Со всех сторон раздаются требования перехода к порядку дня; даже Верньо, Гадэ, Петион поддерживают это. С Лувэ остаются только Салл, Барбару, Ланжюинэ, Ларивьер. Переход к очередным делам принят почти единогласно. Барбару требует еще слова, чтобы поддержать обвинение. Затем он спускается вниз к решетке и хочет говорить, как проситель и даже как обвиняемый. Эта неприличная сцена слишком затягивается; она кончилась по обыкновению ничем, — Собрание не приняло никакого решения (стр. 60—83).

16 декабря. По предложению Тюрио провозглашается единство и нераздельность республики. Бюзо высказывается за изгнание герцога Орлеанского и его сыновей; его поддерживают Лувэ и Ланжюинэ. Жирондисты делают таким образом попытку покончить с Национальным Собранием. Впрочем, жирондисты в тесной дружбе с креатурами герцога — Дюмурье, Силлери, Бирон, Баланс.

Откровенное проявление министрами своей партийной приверженности к жирондистам. Когда Лувэ выступил с обвинением Робеспьера, Конвент постановил об отпечатании обвинительной и защитительной речей. Ролан распорядился широко распространить речь Лувэ с прибавлением слов: «Печатано по распоряжению Конвента», и ограничился распространением речи Робеспьера между членами Конвента. Таким образом у широкой публики должно было создаться впечатление, что против Робеспьера вынесено какое-то порицание. Та же плутня повторилась с декретом об изгнании Бурбонов. Раньше чем был прочитан протокол, который констатировал принятие декрета, — т.-е. прежде чем его редакция, по общему правилу, была принята большинством, — по распоряжению Ролана были быстро проведены его печатание и рассылка по 89 департаментам; в то же время отсрочка решения судьбы Филиппа Эгалите не была обнародована таким же способом. Таким образом можно было думать, что приверженцы герцога Орлеанского благодаря своему натиску добились на другой день отсрочки направленного против него декрета.

Несогласия, которые мешали работе Национального Конвента, скоро передались в лоно Исполнительного Совета. Серван, оставляя пост военного министра по болезни, предложил Конвенту на свое место, — по рекомендации Ролана, — Паша, служившего в бюро министерства внутренних дел. Паш желает быть самостоятельным, притом он часто встречается с якобинцами. Паш — хороший патриот, но плохой военный министр. Выдвинув против него обвинение в измене, жирондисты этим удвоили контр-обвинения, которые с давнего времени подымались против Ролана. Ассигнации. Закон о выполнении культа (ср. стр. 93). Декрет о жизненных припасах (ср. речь Левассера, стр. 94 и сл).

Вскоре после декрета о жизненных припасах — дебаты относительно процесса Людовика XVI. По этому случаю новое озлобление.

Конец января 1793 г. Как и в начале заседаний Конвента, — безосновательные проявления враждебности. Но заметно значительное изменение в настроениях Собрания. Гора от обороны перешла к нападению. Война партий в разгаре. Чувствуется, что отныне нельзя приступить к какой-либо организации республики, пока не будет совершенно уничтожена одна из обеих партий.

Убийство Мишеля Лепеллетье Сен-Фаржо привело к об'яснению и открытому разрыву между крайними партиями.

Болото, утомленное интригами, капризами и тщеславием жирондистов, часто соединяется с Горой против них. Отставка Ролана принята.

28 января. Бюзо выступает с обвинением против Комитета Общественной Безопасности (в котором кроме жирондистов было несколько монтаньяров: Талльен, Шабо, Базир) из-за ареста одного члена центра и требует его освобождения. Жирондисты имели обыкновение скорее жертвовать учреждением, чем допустить его процветание в руках противников.

8 марта. Сильное возбуждение из-за военных неудач в Бельгии под начальством Дюмурье. Посланы комиссары во все секции Парижа, чтобы призвать граждан к оружию; тоже — в департаменты.

9 марта. Комиссары отдают отчет. Раздаются требования гарантий против заговоров внутри страны. Декрет об учреждении чрезвычайного трибунала без прав апелляции для суда над всеми изменниками, заговорщиками и контр-революционерами. Сильное возбуждение в столице. Типография Горзаса разрушена, он обращен в бегство. Народ был так воодушевлен, что потребовался декрет Конвента, чтобы вернуть пекарей в их булочные и почтовых чиновников в почтамт.

10 марта. Дебаты об организации революционного трибунала.

Сильное возбуждение в Париже. Вечернее заседание Конвента в 9 часов. Скамьи правых почти пусты. После полуночи собравшиеся в Елисейских полях толпы принимают мятежный характер. Забираются в Якобинский клуб и клуб кордельеров и призывают к восстанию против Конвента. Эти предложения отвергаются монтаньярами.

11 марта. Декрет о революционном трибунале.

12 марта. Марат возвышает голос против покушений 10 марта.

13 марта. Жалобы и нападки жирондистов по поводу 10 марта.

Повстанческое движение 10 марта в Париже создано было всеми партиями, потому что все они принимали участие в возбуждении народа. Это возбуждение было вызвано для того, чтобы двинуть народ к границам. Сцены, имевшие место 10 марта, были необходимым следствием этого воодушевления. Гора, заседая одна в Собрании, в течение немногих часов успокоила волнение, имевшее грозный характер. Паш и Сантерр получили одобрение за свое усердие. Марат и Дюбуа Крансэ умиротворили оба клуба, якобинцев и кордельеров, и убедили их отказаться от их мрачных планов. Марат первый выступил против авторов беспорядков 10 марта; он вызвал обвинительный декрет против Фурнье Американца, одного из зачинщиков. Ласурс, экзальтированный жирондист, рассыпается в похвалах ему в заседании 12 марта. Наконец, один депутат правой, который в этом именно заседании оскорбил Марата, единогласным постановлением Конвента получил замечание с занесением в протокол, несмотря на возмутительную партийную нетерпимость, которую обыкновенно проявляли по отношению к ami du peuple («другу народа», — Марату).

Комитет Общественного Спасения при своем возникновении был в значительном большинстве составлен из жирондистов.

Несколько дней спустя после 10 марта жирондисты желают взвалить ответственность за этот день на Гору.

Бурные заседания стали обычными в Конвенте. Шумные сцены. Трибуны часто вмешиваются в эти скандальные перерывы. И вот жирондисты начинают кричать, что они уже не чувствуют себя в безопасности в Париже; они призывают к себе на помощь департаментские силы. С своей стороны, монтаньяры обвиняют своих противников в проповеди гражданской войны. Так проходят дни и ночи в этих печальных дебатах.

До сих пор всеми сторонами признавалась внешняя неприкосновенность депутатов. Правая сторона первая отступает от этого правила. По инициативе Гадэ было возбуждено дело против Марата. Законодательный комитет редактировал обвинительный акт, в котором предвосхищалось осуждение его. Марат был единогласно оправдан революционным трибуналом и с триумфом отведен народом обратно в Конвент. Это событие имело важные последствия. Партийные споры депутатов привели к судебным разбирательствам, и преследование Марата было непосредственным прецедентом для событий 31 мая.

18 марта. Поражение Дюмурье при Неервиндене. Его письма к Исполнительному Совету содержат оскорбления Конвента (мнение Дантона о Дюмурье, стр. 133). Жирондисты аплодируют его дерзким письмам.

29 марта. Новое письмо Дюмурье вызывает сильнейшее негодование. Декрет, вызывающий Дюмурье на суд и т. д. Измена Дюмурье.

3 апреля. Ласурс осмеливается об'явить Дантона соучастником Дюмурье (стр. 157). Дантон об'являет жирондистам войну. Огромный эффект речи Дантона. Дантон раньше пытался добиться примирения между обеими сторонами Собрания.

Несмотря на то, что он находился на вершине Горы, он до известной степени был вождем Болота. Он часто порицал страстность монтаньяров. Преодолев недоверие Робеспьера, он вел такую линию: вместо того, чтобы вести войну с жирондистами, необходимо заставить их поддержать Гору для того, чтобы общими усилиями спасти республику. Еще за несколько дней до выпада Ласурса Дантон провел конференцию с виднейшими вождями правой, на которой пришли к соглашению об единодушной работе и о том, чтобы больше сосредоточить внимание на борьбе на военных фронтах и против аристократов. Вся Гора любила Дантона, но большинство полагало, что он плохо разбирается в положении вещей, если он надеется добиться об'единения Горы и Жиронды.

В конце апреля и в начале мая дебаты получили значительно более серьезный характер. Это уже не словесная перебранка с трибуны, а война не на жизнь, а на смерть. Каждая из обеих сторон начала искать поддержки во вне, чтобы добиться победы. Но Гора, несмотря на эти внутренние раздоры, серьезно занималась создавшимся положением Франции, в то время как Жиронда думала только об уничтожении своих врагов и совершенно выпустила из рук бразды правления. В течение этих восьми месяцев занимались вопросом о максимуме. Правая борется против этих мер помощью оскорблений. Она бросила обвинение в нарушении права собственности и в угрозе жизни собственников. Такие громогласные заявления имели целью поднять средний класс против Горы. Максимум был принят. Жирондисты всегда имели большинство, когда дело касалось партийных споров, — так, например, об обвинении Марата, мартовских беспорядках, петициях от секций, о комиссии 12-ти. Гора имела большинство в важных, общего интереса вопросах, каковы: о максимуме, о средствах революционного набора, о чрезвычайном трибунале, о принудительном займе и пр.

Во время дебатов о максимуме был такой случай. Дюко на трибуне, выступая против предложенных мер, противопоставил санкюлотов средним классам. Поднялся страшный шум на одной из общественых трибун. Гадэ требует перенесения заседаний Конвента в Версаль. Громкое одобрение на правой стороне. Левассер напоминает о необходимости придерживаться регламента. Трибуны очищаются. Правые оказывают сопротивление. Филиппо, Дантон, Лакруа тщетно напоминают Собранию о его достоинстве, о его настоятельнейших обязанностях, напрасно требуют не оставлять важнейших вопросов из-за незначительного происшествия. Гнев жирондистов должен был излиться, чтобы остыть. Горячие дебаты. Нападки на парижские власти. Угрозы мести со стороны провинций. Таким-то образом зазвучал набатный колокол гражданской войны в такой момент, когда вопрос шел об интересах, которые довели народ до восстания. Было желание натравить оба класса народа друг на друга. Гора шла с партией народных масс, где находились жилистые руки, энергия и преданность.

Смуты в Вандее превратились в гражданскую войну. Понадобились новые наборы и новые затраты национальных средств. Дантон, Демулэн, Филиппо, Кутон изыскивают способы добыть их. Единственно возможным средством удовлетворить настоятельные нужды была мобилизация национальных имуществ. Принудительный заем (ср. стр. 162, 299), взятый у граждан, имевших избыток средств.

Жирондисты, осуждавшие мероприятия Горы, ни разу не противопоставили им какого-нибудь другого плана. Они совсем ничего не сделали.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПИСЬМО МАРКСА ФРАНКЕЛЮ И ВАРЛЕНУ [1])

13 мая 1871 г.

Дорогие граждане Франкель и Варлен!

Я беседовал с подателем сего.

Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте компрометирующие версальских каналий бумаги? Подобная мера предосторожности во всяком случае не помешает.

Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано 4 члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение слишком местное и носит мирный характер.

Я написал по вашему делу несколько сот писем во все концы света, где существуют наши организации. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения.

Даже английские буржуазные газеты отказались от своего ожесточенного отношения к Коммуне, какое у них было в первое время. От времени до времени мне даже удается помещать в них сочувственные заметки.

Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. Повидимому, на-ряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время.

Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии и в других странах. Пруссаки не передадут фортов в руки версальцев, но после заключения окончательного мира (26 мая) они дадут возможность правительству окружить Париж его жандармами.

Так как Тьер и компания выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку в их договоре, заключенном Пуйэ-Кертье, то они отказались от предложенной Бисмарком помощи немецких банкиров, иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа. Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!

---

[1]) Перевод с оригинала, имеющегося в Институте. В 1909 г. письмо мною передано было Мерингу для опубликования в «Neue Zeit».

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ ЭНГЕЛЬСА

В переписке Маркса и Энгельса, изданной Бернштейном, имя Дэкинса (Dakyns) упоминается дважды, — оба раза в четвертом томе: впервые оно встречается в письме Маркса к Энгельсу от 19 марта 1870 года, где Дэкинс фигурирует под прозвищем Felix Holt the Rascal[1]), и во второй раз в письме Маркса же к Энгельсу от 25 мая 1873 года с сообщением о том, что «по словам Мура[2]) наш милый Дэкинс знать больше не хочет Интернационал — из-за происшедшего в нем раскола». В письме 1870 года сказано, что Дэкинс «был в большом восторге» от заседания Большого Совета, на котором он присутствовал вместе с Марксом.

Указатель имен, приложенный к «Переписке», сообщает о Дэкинсе лишь весьма скудные сведения, а именно, что он — «геолог, состоявший в течение некоторого времени членом Первого Интернационала».

В переписке Маркса и Энгельса, имеется довольно об'емистая связка писем Дэкинса к Энгельсу; корреспонденция эта относится к долгому ряду лет, от 70-х до 90-х годов прошлого столетия, но почерпнуть из нее что-либо особенно характерное для личного, общественного или научного образа Дэкинса не представляется возможным: речь идет преимущественно о различных делах частного свойства или о вопросах геологических, но не принципиальных, а узко специальных, как, например, о происхождении некоторых местных названий гор, бухт и прочее. Вначале проскальзывают, правда, замечания, указывающие на интерес Дэкинса к общественной и политической жизни: так, например, 14 ноября 1871 года он просит Энгельса сообщить Марксу, что его, Дэкинса, коллега по геологическим работам, Ф. Люкас, желал бы присоединиться к Интернационалу. Но затем переписка прерывается до 1877 года; дальнейшие письма, вплоть до последней болезни Энгельса в 1895 году, носят вполне сердечный, дружеский характер, но уловить по ним отношение автора их к темам социальным не представляется возможным. Сам он в них вырисовывается в виде человека, рано отошедшего от жизни, замкнувшегося в себя, в свою специальную работу.

При разборе бумаг, доставшихся Институту К. Маркса и Ф. Энгельса через посредство внука Маркса Лонге, найдено было одно письмо автора «Капитала» к дочери Женни, посланное 10 июня 1869 года из Манчестера, где Маркс вместе с младшей дочерью Тусси временно гостил у Энгельса; в письме этом содержится много забавных подробностей о молодом тогда геологе. Впервые оно было опубликовано Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в IV вып. «Воинствующего Материалиста» (Москва, 1925); приводим из него выдержки, относящиеся к знакомству с Дэкинсом:

«Во время трехдневной экскурсии в местность около Бельтонского аббатства я познакомился с чрезвычайно странным суб'ектом, некиим Дэкинсом, геологом, временно проживающим в этой части Иоркшира с тем, чтобы производить геологические с'емки.

«Надо тебе сказать, что в настоящее время по распоряжению правительства и под руководством профессора Рамзея производится геологическая с'емка всей Англии. Мур и сам геолог. При его посредстве Энгельс и Шорлеммер познакомились с Дэкинсом, который поселился на мызе одного фермера в глубине иоркширских дебрей. Эта мыза тоже была в свое время старым аббатством, и нижняя часть

---

1) Феликс Гольт—заглавие и имя героя известного романа Джордж Эллиот, где выведен радикальный политический деятель, обликом, внешними замашками и душевным строем несколько напоминающий русских нигилистов 60-х годов. Rascal—негодяй: непереводимая игра слов, основанная на созвучии между radical и rascal, как честили революционера его политические враги. Роман вышел в переводе на русский язык в 1867 г. в С.-Петербурге.

2) Sam Moore—переводчик «Капитала» на английский язык, друг Маркса и Энгельса, находившийся в приятельских отношениях также с Шорлеммером и прочими членами кружка живших в Манчестере естественников, близких к Марксу и Энгельсу.

ее до сих пор служит часовней. Мы отправились в эту сторону нарочно для того, чтобы повидать Дэкинса. Видом он сильно смахивает на немецкого крестьянина, приземистый, с постоянно ухмыляющейся физиономией; в очертаньях его головы есть нечто от обезьяны; в нем вообще нет ничего британского, кроме выдающихся верхних зубов... Одет он приблизительно, как неряшливый, ходящий в затрапезном платье сельский батрак, в высшей степени неаккуратный. Галстук и прочие атрибуты цивилизации ему совершенно чужды. На первый взгляд он производит впечатление неуклюжего простака, у которого добродушие светится в глазах и выражается в усмешке, но никак нельзя предположить, что он умен. Однако это вполне человек науки, больше того — энтузиаст науки, и имя его начинает становиться заметным среди огромного количества соперников. Он наивен, точно дитя, в нем нет ни малейшей претензии, и он всегда готов поделиться своими научными открытиями с первым встречным, которому вздумалось бы выкачать у него его знания. И в самом деле, вокруг него всегда вертится несколько геологов, задавшихся целью добыть славу или деньги, присваивая себе его открытия. Мы даже застали его в обществе двух таких молодцов, из которых один, по имени Уорд, — робкий юноша, а другой, Грин [1]), — порядочный нахал. Мы пообедали у него в прошлое воскресенье на его мызе, в комнате, расположенной прямо над часовней. Комната эта очевидно раньше служила сборным покоем для монахов; она с толстыми стенами (ich meine, mit dicken Mauern umgeben) [2]), с видом на великолепные деревья и на расположенные амфитеатром холмы, вздымающиеся один над другим и окутанные голубой дымкой, которую так любит Currer Bell [3]). Во время очень веселого и уютного, несмотря на крайнюю скромность, обеда пение молодежи, доносившееся до нас из глубины сквозь толстые стены и звучавшее как будто издалека, напоминало мне несколько пасхальный хор в Фаусте.

«Ну так вот, друг наш Дэкинс нечто вроде Феликса Гольта, только без его ужимок и с прибавлением знаний (к слову сказать, тори говорят: Феликс Гольт the rascal, вместо radical). Раз в неделю он приглашает к себе фабричных парней, угощает их пивом и табаком и беседует с ними на социальные темы. Он природный коммунист (naturwüchsiger Kommunist). Конечно, я не мог удержаться от того, чтобы слегка его не подразнить и не предупредить его о том, чтобы он тщательно избегал встреч с миссис Эллиот, которая не преминула бы завладеть им и обратить его в свою литературную собственность. Он уже раньше написал Муру, что хотел бы вступить в Интернационал. Поэтому я привез ему членский билет, и он в виде вступительного взноса уплатил 10 шиллингов, что является для него довольно значительной суммой. По его должности получают полтораста фунтов в год, в виде вознаграждения за труд, весьма тяжкий как в умственном, так и в физическом отношении. Правительство не могло бы залучить за подобные деньги таких работников, если бы дело тут было в карьере, но большинство из них исполнено «геологического рвения» и пользуется случаем производить изыскания. Каждому из них выдается особая карточка, на основании которой всякий землевладелец, фермер и проч. обязаны давать им свободный доступ в свои владения и мызы для изучения строения их почвы. Дэкинс, обладающий изрядным юмором и проказливостью, часто входит в мызу, достает свои инструменты и принимается за работу; является фермер, ворчит на наглого пришельца и предлагает ему убраться по добру по здорову, если он не желает познакомиться с зубами цепного пса или с его, фермера, цепом. Дэкинс делает вид, точно не замечает его, продолжает свое дело и даже задирает своего противника разными шутками. Когда комедия доходит до известного напряжения, он вытаскивает свой билет, и цербер смягчается. Во время нашего пребывания он дал мне тут же прочесть последний номер «Fortnightly Review», где помещена статья Гексли, в которой тот весело треплет

[1]) Alexander Henry Green (1832—1896) работал по геологическим с'емкам Англии (1861—1871).

[2]) Письмо написано по-английски.

[3]) Псевдоним Charlotte Brontë, автора «Jane Eyre» и других романов.

старого Конгрива. Дэкинс является также закоренелым врагом контистов и позитивистов [1]). Он того мнения, что в них нет ничего позитивного, кроме надменности. Что же до друга моего Бизли, он упомянул его имя в числе «доктринеров», принимающих свои измышления за науку... Дэкинс наш сосед. Это значит, что, когда он бывает в Лондоне, он останавливается у своего отца, юриста, живущего в Кильбурне».

При любезном содействии профессора Аршинова оказалось возможным установить, что Джон Роч Дэкинс (John Roche Dakyns), автор многих трудов по геологии Великобритании, в частности Уэльса, член различных английских геологических обществ, скончался в 1910 году и что в Трудах Иоркширского Геологического Общества (Proceedings of the Yorkshire Geological Society) помещен его некролог, написанный академиком George William Lamplugh, F. R. S. (Дж.-В. Ламплё), председателем Геологического Общества в Лондоне, — Институт К. Маркса и Ф. Энгельса обратился к Ламплё с просьбой сообщить, не известно ли ему, что сталось с бумагами Дэкинса после смерти последнего, так как можно было надеяться, что среди них окажутся ответные письма Энгельса, а быть может, и что-либо писанное рукою Маркса. Ламплё ответил, что Дэкинс скончался одиноким, прожив в уединении много лет, что бумаги его вряд ли сохранились и что знать о них может разве что оставшийся еще в живых брат покойного геолога, бывший некогда преподавателем древних языков. Разыскавши его адрес, Институт обратился к м-ру Джорду Дэкинсу с просьбой дать сведения о бумагах его брата и получил ответ, помеченный 16 декабря 1925 года, в котором значится, что среди наследия Джона Роча Дэкинса писем от Маркса и Энгельса не оказалось и что очевидно они были почему-либо уничтожены самим адресатом, так как в противном случае были бы найдены среди остальных бумаг.

Этим ограничиваются немногие сведения, которые удалось добыть относительно загадочного лица, промелькнувшего в переписке Маркса и Энгельса. Зато марксоведение косвенным образом обогатилось благодаря этим розыскам новыми материалами относительно Энгельса, а именно — четырьмя неизданными и даже неизвестными до сих пор письмами Энгельса Ламплё, который любезно разрешил снять с них фотографические копии и напечатать их. Вот текст этих писем:

I

Лондон, 11 апреля 1893 года. 122, Regents Park Road N. W.

Дорогой Ламплё!

Благодарю Вас за то, что Вы оставили церемонии; как видите, я поступаю так же. Мы рады были бы повидать Вас у себя, с Вашей женой и с малышами, но я знаю, что́ такое Лондон для человека, посещающего его со всей семьей, и поэтому на этот раз да будет Вам прощенье, но только на один этот раз.

Я очень рад, что Вам так удивительно пришлась по душе Ваша жизнь на с'емках. Это вероятно для Вас большое отдохновение после скучной канцелярской и биржевой работы по торговле хлебом в Иоркшире. Я бы тоже рад был так пожить короткое время — но именно только короткое время. Я никак не мог бы долго обойтись без шума и движения большого города. Я всю жизнь прожил в таких городах. Природа велика, и часто, чтобы отдохнуть от хода истории, я любовно к ней прибегал, но история кажется мне все же еще более великой, нежели природа.

[1]) Любопытно отметить, что на заседании Большого Совета Интернационала, на котором Дэкинс присутствовал в марте 1870 года, разбирался вопрос о желании группы позитивистов иметь своего собственного представителя в Интернационале.

Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы создать сознательные существа, и теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы действовать сообща и сознательно, сознавая свои действия не только в качестве индивидов, но также и в качестве масс, действуя сообща и совместно добиваясь общей цели, заранее ими себе поставленной. Теперь мы подходим к тому, чтобы достичь подобного порядка действий. И наблюдать этот процесс, видеть близящееся осуществление того, что никогда еще не было достигнуто в течение всей истории земли, представляется мне зрелищем, достойным того, чтобы его созерцать, и за все мое прошлое я не мог оторвать от него глаз. Правда, оно утомительно, особенно если полагать, что ты призван принимать участие в этом процессе; и тогда изучение природы является великим отдохновением и целительным средством. Ибо в конце концов природа и история — два составных элемента среды, в которой мы живем, движемся и осуществляем себя.

Привет от всех здешних друзей.

Всегда Ваш Ф. Энгельс.

II

Лондон, 10 января 1894 года. 122, Regents Park Road.

Дорогой Ламплё!

Посылка Ваша была приятным сюрпризом [1]). Очень Вам благодарен!

Мне даже совестно признаться, что в неведении моем я полагал, будто «Анатомия Меланхолии» — одно из важных психологических рассуждений XVIII века, которые внушают мне отвращение (horror). Теперь я вижу, что это — произведение, относящееся к величайшей эпохе английской литературы, к началу XVII столетия. Я с удовольствием его перелистал и вижу уже, что оно будет для меня постоянным источником наслаждения.

По этому случаю я вспомнил, что забыл преподнести Вам единственные две мои работы, вышедшие на английском языке. Я позволил себе послать их Вам по почте и надеюсь, что Вы доставите мне удовольствие принять их от меня в подарок.

В воскресенье Дэкинс сказал мне, что Вы боялись, как бы мальчик Ваш не заболел инфлуэнцей. Хотя этой мерзкой хвори теперь всюду больше, чем достаточно, я надеюсь, что опасность прошла.

В свою очередь шлю Вам наилучшие пожелания к Новому Году и кланяюсь миссис Ламплё.

Сердечно Ваш Ф. Энгельс.

---

[1]) В течение разговора, предшествовавшего этому письму, зашла речь о старинном произведении классической английской литературы, «Анатомии Меланхолии» Бёртона, неизвестном Энгельсу. Ламплё после этого послал Энгельсу в подарок принадлежавший ему экземпляр.

III

Лондон, 12 января 1894 года. 122. Regents Park Road N. W.

Дорогой Лаплё,

Я смутно припоминал, точно подарил Вам уже когда-то «Социализм», но не был в этом уверен. В этом отношении память моя становится ужасно старческой. Пожалуйста, отдайте лишний экземпляр Вашему другу, как Вам хотелось сделать; надеюсь, что произведение это покажется ему удобоваримым.

Привет миссис Лаплё.

Ваш Ф. Энгельс.

P. S. Погода позволит Вам теперь вероятно побывать в Зоологическом саду; когда Вы это сделаете, черкните мне почтовую карточку, чтобы предупредить, в какое приблизительно время Вы с Вашими, наглядевшись на диких зверей, заглянете ко мне.

IV

(Письмо на открытом бланке)

Мы переехали в Regents Park Road 41. У дверей Вы увидите табличку с фамилией доктора Фрейбергера — я буду всегда рад Вас видеть, когда бы Вы ни собрались ко мне зайти. Пока что желаю веселых святок Вам и Вашей семье.

Ваш Ф. Энгельс.

41, R. P. R. N. W.
21. 12. 94 — самый короткий день, да еще какой!

Любопытно отметить следующее случайное совпадение: разыскивая по всяким справочникам фамилию Дэкинса, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса наткнулся на схожее по произношению имя геолога Докинса (William Boyd Dawkins) и, предполагая возможную ошибку в начертании фамилии, сначала обратился к нему. Оказалось, что и Докинс, бывший профессор университета в Манчестере, также встречался некогда, хотя и мимоходом, с Марксом, а с Шорлеммером даже был хорош, и ныне любезно содействовал Институту К. Маркса и Ф. Энгельса в получении очень трудно доступной фотографии, изображающей знаменитого химика, близкого друга Маркса и Энгельса.

ДВА ПИСЬМА ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА К БОЛГАРАМ

(Сообщение Г. Бакалова)

Учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса начинает прокладывать себе дорогу в Болгарию со второй половины восьмидесятых годов. Первая работа Маркса, вышедшая на болгарском языке, «Наемный труд и капитал», была напечатана в виде фельетона в выходившей в провинциальном городе Севлиево газете «Росица» [1]) в 1886 году. «Росица», — первая в Болгарии газета, в которой стали говорить о положении рабочих, — выходила под редакцией Евтима Дабева, учителя женской

[1]) Росица — название протекающей через этот город реки.

гимназии в городе Габрове (в 25 верстах от Севлиева). В мелко-крестьянской и мещанской Болгарии Габрово был после г. Сливена единственным более или менее промышленным городом. Там уже в то время, т.-е. четыре десятилетия тому назад, имелась крупная текстильная промышленность, представленная несколькими фабриками.

Заинтересовавшись социализмом, в его единственной в то время доступной в Болгарии форме народничества, Евтим Дабев принужден был в промышленном Габрове сосредоточить свое внимание на фабричных рабочих, тем более, что Габрово находится среди гор (Стара Планина — Балканы) без больших, поблизости, сел. В окрестностях Габрова крестьянское население разбросано в горах по мелким селениям и хуторам, а это очень затруднило бы «хождение в народ».

Кто хотел работать «в народе», тот не мог не обратить внимания прежде всего на фабричных рабочих текстильных фабрик. Это и сделал Евтим Дабев. Правда, фабричные рабочие в стране представляли такое ничтожное меньшинство, что понятие р а б о ч и й к л а с с Дабев принужден был расширить, включая в него всех бедняков-трудящихся, т.-е., кроме наемных рабочих, пролетариев, еще и ремесленников и мелких крестьян. Однако в то время как другие пионеры социализма в Болгарии из-за ремесленников и крестьян, т.-е., в сущности, мелкой буржуазии, не видели нарождавшегося пролетариата, Дабев видел его, наблюдал собственными глазами. Разоренные ремесленники Габрова и обнищавшие крестьяне шли на фабрику и доставляли как рабочих, так и резервную армию труда. Непосредственные наблюдения Дабева над зарождением капитализма и созданием рабочего класса делали его более восприимчивым к «теоретическому выражению движения пролетариата», как Энгельс называл научный социализм.

Как народнический социализм, так и учение Маркса-Энгельса прививалось в Болгарии под влиянием единственно в то время доступной там литературы—русской. Дабев воспринял марксизм как откровение. Со всей пылкостью молодости он начал пропаганду новых учений в самой доступной форме. За каждую выпускаемую им брошюру (перевод или переделку) он отсиживал по нескольку месяцев. Брошюры обыкновенно подвергались конфискации, так что спасенные экземпляры приходилось распространять нелегально.

В 1888 году Евтим Дабев выпускает в Габрове, уже в собственной небольшой типографии, приобретенной исключительно для целей пропаганды, книжку Дикштейна «Кто чем живет», великолепно пересказанную самим Дабевым на очень популярном языке, доступном самому простому рабочему. Брошюра была издана под оригинальным названием «Кой на чий гръб живее?» (Кто на чьей спине живет?).

Два года спустя, уже с помощью тов. Христиана Георгиевича Раковского, Дабев выпускает «Развитие научного социализма» Энгельса [1]), переделав и приспособив к болгарским условиям предисловие В. И. Засулич к русскому изданию.

Таким образом Евтим Дабев [2]) явился п е р в ы м п о п у л я р и з а т о р о м м а р к с и с т с к и х и д е й в Болгарии.

Независимо от Дабева идет другая полоса социализма в Болгарии — тов. Д. Н. Благоева.

Как известно, тов. Дмитрий Благоев был выслан из России в марте 1885 года за социал-демократическую пропаганду среди рабочих Петербурга. В Болгарии он сейчас же принялся за литературную пропаганду, начав издавать журнал «Съвременнен Показатель» (вышли три книжки в июне, июле, и августе 1885 г., в Филиппополе). Тогдашняя неопределенность взглядов тов. Благоева сказалась

---

1) Главным образом в связи с этим изданием Энгельса исключили из школы тов. Раковского, бывшего в то время учеником шестого класса Габровской гимназии, и закрыли ему доступ во все другие школы Болгарии.

2) Евтим Дабев, здравствующий и до сих пор, состоит директором торговой школы в Филиппополе, продолжая интересоваться рабочим движением, но от практической работы давно уже отошел и не состоит членом ни коммунистической, ни социал-демократической партии.

в его первых литературных выступлениях в Болгарии. В его журнале, с одной стороны, впервые в болгарской литературе упоминается имя Карла Маркса («один из глубочайших современных экономистов»), там же говорится о «грядущей социал-демократической партии» и набрасывается остов ее будущей программы, а с другой стороны — переводные статьи Чернышевского и Лаврова чередуются с рассуждениями о том, что Болгарии грозит опасность создания пролетариата и что надо принять своевременные меры, чтоб избежать этой опасности.

Настоящий Благоев, тот, кто является основателем социал-демократической партии Болгарии, выступает лишь в 1891 году. Тогда он пишет программу и устав партии и начинает в печати энергичную кампанию за марксизм. Между прочим, он излагает взгляды Энгельса на развитие семьи (в основанном Янко Саказовым журнале «День»).

1891 год является не только годом основания болгарской социал-демократической партии [1]), но также и годом оживления марксистской литературы. Кроме журнала «День», редактируемого Янко Саказовым, современным лидером «широких социалистов» (соглашателей), под редакцией тт. Благоева и Габровского начали выходить газета «Работник», орган партии, и «Социал-демократическа Библиотека». Первым номером этой «Библиотеки» вышла брошюра тов. Благоева «Що е социализм и има ли той почва в България?» («Что такое социализм и имеет ли он почву в Болгарии?») — первая марксистская брошюра, написанная болгарином и на болгарском языке. Крупнейшая заслуга тов. Д. Н. Благоева в начале болгарского движения состоит в том, что он не только излагал идеи марксизма в популярной форме, как это делал Евтим Дабев, но и первый осветил болгарскую общественную жизнь светом марксизма; он первый указал на роль нарождавшегося пролетариата в истории Болгарии, он первый начал его организовывать в самостоятельную партию.

На-ряду с литературной работой в Тырнове (Благоев и Габровский) и в Шумне (Саказов) шла литературная работа и в Севлиеве. Там начал выходить толстый трехмесячный журнал «Социал-Демократ», под редакцией Саввы Мутафова (С. Мутафов жив до сих пор, но давно перешел в буржуазный лагерь). Этот сборник-журнал (вышло всего четыре книжки) был вполне в духе плехановского «Социал-Демократа». Даже рисунок на обложке был простой переделкой рисунка русского «Социал-Демократа». Обложки печатались в Женеве. Журнал находился под непосредственным влиянием Г. В. Плеханова. С рукописи была переведена и помещена в этом журнале его статья по случаю шестидесятилетия со дня смерти Гегеля, приготовленная для «Die Neue Zeit». В этом журнале дана была подробная библиография последних изданий группы «Освобождение Труда». Во всем журнале чувствовалось влияние Г. В. Плеханова.

Дело в том, что Савва Мутафов являлся, по крайней мере в отношении первых трех книжек журнала, почти только техническим редактором и издателем, а настоящая редакция находилась в Женеве. Она состояла из двух молодых и очень талантливых марксистов, связанных интимной дружбой и вместе исключенных из Габровской гимназии. Этими марксистами были студенты медицинского факультета Женевского университета Слави Христович Балабанов и Х. Г. Раковский.

Балабанов, человек обширных знаний и глубокого ума, умер в 1893 году. Но все то, что он написал за два последних года перед смертью, показывает, какого крупного человека потерял болгарский марксизм. В «Социал-Демократе» начал

---

[1]) Партия была основана на конспиративном с'езде в горах, 20 июля старого стиля. Чтобы укрыться от глаз правительства, собрались якобы по случаю годовщины убитого на в. Бузлудже, в Балканах, недалеко от Габрова, вождя повстанцев Хаджи Димитра. Делегаты небольших конспиративных групп удалились в лес от общей массы собравшихся и там приняли выработанные Д. Н. Благоевым и недавно павшим от руки врангельца в г. Тырново тов. Николаем Габровским программу и статуты партии. Участники этого первого с'езда партии в настоящее время или уже умерли, или являются ренегатами, или, сделавшись нейтральными, вовсе отошли от движения (Евтим Дабев). После убийства тов. Габровского, пишущий эти строки остался единственным из участников первого с'езда партии, продолжающим работать в коммунистическом движении.

развертываться блестящий талант т. Х. Г. Раковского. Ему было всего 19 лет, когда в 1892 году издали первую книжку журнала. Но он был уже убежденным марксистом, учился много, следил за всемирным движением пролетариата и в своих статьях, в которых ключом била революционная страсть, умел развернуть великую картину классовой борьбы.

По инициативе тов. Раковского, член редакционной группы журнала, тов. Стоян Ноков [1]), послал в Лондон Фридриху Энгельсу вторую книжку «Социал-Демократа». Энгельс был так любезен, что ответил тов. Нокову следующим письмом (на французском языке):

Лондон, 9 июня 1893 г.

Дорогой гражданин Ноков,

Тысячу раз благодарю Вас за то, что Вы взяли на себя труд быть посредником между мной и редакцией, и за присылку № 2 болгарского «Социал-Демократа». Осмеливаюсь рассчитывать на Вашу любезность и прошу Вас передать ему («Социал-Демократу») при сем прилагаемые строки. Если это не слишком Вас затруднит, я просил бы Вас еще сообщить мне обыкновенной почтовой открыткой, ошибаюсь ли я, отождествляя Севлиево [2]) с городом, известным также под названием Филиппополя. У меня нет болгарского словаря, мой сербский словарь не может мне раз'яснить это, а мне смутно помнится, будто я где-то читал, что таково было болгарское название этого города. Ваше молчание послужит мне ответом, что я прав.

Примите мой искренний привет.

Ф. Энгельс.

Запрос Энгельса к тов. Нокову показывает, как хорошо учился наш учитель. Он не мог пройти мимо такого факта, в котором он сомневался: что это за город Севлиево, в котором выходит сборник «Социал-Демократ»? (И только для того, чтобы узнать наверное, не Филиппополь ли это, он пишет письмо.) Хотя Севлиево не болгарское название Филиппополя, но Энгельс во всяком случае знал, что есть местное название этого города (болгары называют его Пловдив). (Представляю, как удивился Энгельс, узнав, что в каком-то заброшенном городке на Балканах выходит толстый марксистский журнал! А в том же Севлиеве, как мы видели, еще в 1886 году выходила первая в Болгарии газета для рабочих, поместившая перевод «Наемного труда и капитала».)

Здесь мы приводим и письмо Энгельса к самой редакции «Социал-Демократ», написанное на немецком языке:

До редакцията на сборник «Социал-Демократ» [3]).

Лондон, 9 июня 1893 г.

Дорогие товарищи!

Сердечное вам спасибо за присылку мне № 2 вашего «Социал-Демократа»; этими строками я хочу поставить вас в известность, что я начинаю понимать по крайней мере ваш язык. Требования, пред'являемые интернационализмом, растут с каждым годом: до 1848 года можно было считать достаточным понимание главных

[1]) Тов. Стоян Ноков, земляк и близкий друг тов. Х. Г. Раковского, изучал естественные науки в Женевском университете. Затем в течение тридцати лет он состоял учителем в родном своем г. Котел. После взрыва в Софийском соборе (16 апреля 1925 года) один из его братьев, живущих в Софии, был убит охранкой, другой — выслан в г. Котел, а сам Стоян Ноков — уволен от должности учителя Цанковым.

[2]) Слово Севлиево написано Энгельсом по-болгарски.

[3]) По-болгарски.

западно и средне-европейских языков, между тем в настоящее время дело дошло до того, что мне на старости лет приходится изучать даже румынский и болгарский, если я не хочу отставать от движения социализма на восток и юго-восток. Мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на азиатской границе, которые несут до берегов Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата — о, если бы сам Маркс мог увидеть это своими глазами! — и отвечают на приманки и угрозы русского царизма, противопоставляя царским прокламациям социалистические работы вождей русского пролетариата. Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык.

Да живее интернационалния Социализм! [1])

Ваш Ф. Энгельс.

Редакция «Социал-Демократа» напечатала болгарский перевод этого письма, сопроводив его восторженной статьей об Энгельсе. Болгарам было лестно, что Энгельс начал интересоваться и их языком, написав без ошибок по-болгарски адрес и «Да здравствует международный социализм!» Энгельс приобщал молодое, только что начавшееся болгарское движение к великому движению социализма на Западе. Он поставил ему задачу: быть «юго-восточным форпостом на азиатской границе, несущим до берегов Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата». Эту задачу болгарское социалистическое движение выполняло твердо и неуклонно. Оно всеми силами боролось против приманок и угроз русского царизма, создавая крепкий форпост революционного марксизма на Балканах.

Когда Энгельс писал о переводе социалистических работ первых русских марксистов и специально Г. В. Плеханова, их было не много на болгарском языке, а именно только следующие: из плехановских — «Социализм и политическая борьба» (в моем сокращенном переводе), П. Б. Аксельрода — «Социальная демократия и рабочее движение», В. И. Засулич — предисловие к «Развитию научного социализма». Кроме того, в самом «Социал-Демократе» была помещена, насколько помнится, кроме статьи Плеханова о Гегеле, статья Аксельрода о социализме и мелкой буржуазии. Но как раз с этого времени и началось глубокое идейное влияние русских марксистов на болгарское движение, главным образом благодаря переводам плехановских работ.

РЕЧЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ПАРИЖЕ (14—21 ИЮЛЯ 1889 Г.) [1]

Граждане!

Так как записалось большое число ораторов и конгресс может им поэтому уделить мало времени для их докладов об экономическом и политическом положении представляемых ими стран, то я постараюсь по возможности ограничить свой отчет о рабочем движении в России.

[Вам, может быть, странно видеть на этом конгрессе представителей России, — России, где рабочее движение] далеко не так развито, как в других странах Западной Европы. [Но мы], русские социал-демократы, [думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от] остальной рабочей и социалистической Европы, [но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу] всемирному социалистическому движению.

[Вам всем известна гнусная роль, которую русский абсолютизм играл до настоящего времени в истории Западной Европы.

Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью поддерживать реакцию во всех странах — от Пруссии до Италии и Испании.

Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую] печальной памяти император Николай играл в известных событиях 1848 г.

Вот почему торжество революционного движения в России было бы торжеством европейских рабочих.

Поэтому важно выяснить, каким образом и при каких условиях возможно это торжество революционного движения в России.

Оно возможно, граждане, — и в этом мы твердо убеждены, — лишь при том условии, если русские революционеры сумеют завоевать сочувствие самого народа.

Но до тех пор, пока наше движение будет оставаться движением идеологов и учащейся молодежи, оно, быть может, будет опасно лично для царей, но не будет представлять никакой опасности для царизма как политической системы.

Чтобы ниспровергнуть и окончательно сокрушить царизм, мы должны опираться на более революционный элемент, нежели учащаяся молодежь, — и этот

---

[1] В архиве покойного Жюля Гэда, основателя и вождя Французской Рабочей партии (марксистской), среди других документов, относящихся к 1-му конгрессу II Интернационала, нашлась запись известной речи Г. В. Плеханова на этом конгрессе. Повидимому, это точная копия с французского текста, написанного Плехановым. Так как этот текст значительно отличается от общеизвестного текста, который был напечатан в женевском «Социал-Демократе» (1890 г., I, стр. 28 — 29) и перепечатан нами в собрании сочинений Плеханова (т. IV, стр. 53 — 54), то мы считаем не лишним дать здесь перевод текста, найденного в архиве Жюля Гэда.

В прямые скобки взяты места, повторяющиеся в тексте, напечатанном в «Социал-Демократе». (Прим. ред.).

элемент, имеющийся налицо в России, это — класс пролетариев, класс революционный по своему тяжкому экономическому положению, революционный по самой сущности своей.

[Некоторые] экономисты, одаренные слишком пылкой фантазией, обнаруживающие больше доброй воли, нежели солидных знаний, [рисуют Россию как бы своего рода европейским Китаем, который по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западной Европой. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся ныне в процессе полного разложения. Наша сельская община], о которой так много говорили даже в социалистической печати, но которая [на деле составляла опору русского абсолютизма], — эта хваленая община [все более и более делается] орудием капиталистической эксплоатации в руках богатых крестьян, между тем как бедные покидают деревни и уходят в большие города и промышленные центры. [Одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях.]

Самодержавное правительство всеми силами усугубляет это положение и содействует таким образом процессу развития капитализма в России. [Нам, социалистам] и революционерам, [эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие], потому что этим путем оно само подготовляет свою гибель.

Промышленный [пролетариат], сознание которого начинает пробуждаться, [нанесет смертельный удар самодержавию], и тогда вы увидите на своих конгрессах его непосредственных представителей рядом с делегатами более передовых стран.

А пока наша задача состоит в том, чтобы вместе с вами отстаивать дело международного социализма, всеми средствами распространять учение социал-демократии среди русских рабочих и повести их на штурм твердыни самодержавия.

А в заключение повторяю — и настаиваю на этом важном пункте: революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение, или же никогда не восторжествует!

ИЗ ПИСЕМ Г. В. ПЛЕХАНОВА К Ж. ГЭДУ

I

Женева, 17 февраля 1896 г.

Дорогой Гэд!

Не видал Вас и не имел от Вас никаких вестей вот уже целую вечность. Как Вы поживаете? Мне передавали, что Вы были больны. Что с Вами было? Надеюсь, что сейчас Вам лучше. Черкните мне пару слов.

Если здоровье позволяет Вам, напишите для нашего первомайского номера, который мы собираемся выпустить и распространить среди русских рабочих, небольшую статейку. Говорите в Вашей статье о восьмичасовом рабочем дне и о необходимости для рабочих всех стран принимать участие в международном рабочем движении. Коснитесь также вопроса о русском деспотизме и того значения, которое будет иметь низвержение русского царизма для рабочих всей Европы. Я делаю Вам эти небольшие указания, так как Вам незнакомы те рабочие, с которыми Вам придется говорить.

Если Вы сможете взяться за написание статьи, то прошу Вас, дорогой Гэд, сделайте это по возможности скорее, так как это дело срочное: нашему номеру предстоит совершить далекое путешествие.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

II

Женева, 11 октября 1906 г.

Дорогой товарищ!

Все возрастающая важность мнения международного социализма для мирового рабочего движения побуждает меня обратится к Вам и одновременно также к другим социалистическим вождям, чтобы узнать, каковы Ваши взгляды на современное чрезвычайно серьезное положение России.

Ответы на прилагаемую при сем анкету будут напечатаны в социал-демократическом журнале «Современная Жизнь», который вскоре должен выйти в Москве [1]).

Не откажите в любезности отметить тут же Ваше мнение о характере современного кризиса в России и какой тактики должны, по-Вашему, держаться наши социалисты.

Нам было бы желательно, по возможности, скорее иметь Ваш ответ по моему женевскому адресу: 6, rue de Candolle.

Примите, дорогой товарищ, уверение в моем глубоком уважении.

Георгий Плеханов.

АНКЕТА.

1. Каким представляется общий характер русской революции? Стоим ли мы перед лицом буржуазной или же социалистической революции?
2. Ввиду отчаянных усилий, делаемых русским правительством для изолирования революционного движения, какова должна быть позиция социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая, по-своему, тоже борется за политическую свободу?
3. Какова должна быть тактика социал-демократической партии при выборах в Думу, чтобы, оставаясь всецело на точке зрения амстердамской резолюции, она могла использовать для борьбы с нашим старым режимом силы буржуазных оппозиционных партий?

---

[1]) В ноябрьской книжке 1906 г. журнала «Современная Жизнь» были помещены ответы на анкету от следующих лиц: Ф. Турати, Г. Квельч, П. Лафарг, Э. Ферри, Эд. Вайян, Э. Милльо, Ф. Ротштейн, Э. Вандервельд. (Прим. ред).

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

В. И. УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН В БЕРЛИНЕ В 1895 ГОДУ

(Справка)

О пребывании В. И. Ульянова-Ленина в 1895 г. в Берлине, как и вообще обо всей его заграничной поездке того года, в литературе имеются самые отрывочные сведения. Только П. Б. Аксельрод недавно рассказал более или менее подробно о характере своих тогдашних бесед с Лениным в Цюрихе, — остальные моменты этой поездки, даже самый маршрут ее, все еще остаются не освещенными. В частности, относительно Берлина нам до сих пор оставались неизвестными даже даты пребывания там Ленина. А между тем это пребывание, как мы постараемся показать ниже, интересно с точки зрения изучения не только биографии Ленина, но и истории выработки программы российской социал-демократии [1]).

В Берлине В. И. Ульянов-Ленин в 1895 г. был дважды: на пути из России в Швейцарию и перед возвращением обратно в Россию. Первый раз он в Берлине пробыл неделю, и об этом пребывании нам вообще известен только факт посещения им И. Л. Айзенштадта-Юдина.

Этот последний в 1894—1895 гг. вместе с своей женой, урожденной Л. Левинсон больше года прожил в Берлине, знакомясь с немецкими рабочим движением и ведя делами транспорта зарубежной литературы для нужд виленской с.-д. организации,—той самой, из которой два года спустя выросла центральная ячейка организации Бунда.

Адрес И. Л. Айзенштадта В. И. Ульянов-Ленин получил от кого-то из виленцев,— вернее всего от Ц. Копельзона-Гришина, с которым он познакомился в Петербурге, на том с.-д. совещании, которое зимой 1894—1895 гг. обсуждало вопрос о постановке за границей с.-д. издательского дела [2]).

Значительно более продолжительным было пребывание В. И. Ульянова-Ленина в Берлине при возвращении из Швейцарии в Россию. Основные указания для определения этого пребывания дают записи книг выдачи читального зала берлинской Staatsbibliothek. Ленин в этой библиотеке работал под своей настоящей фамилией — В. Ульянова. Первая из найденных нами пометок о выдаче ему книг [3]) относится к 15 августа; последняя отметка о возвращении им книг сделана 21 сентября 1895 г.

---

[1]) При составлении настоящей справки автор пользовался, кроме печатных материалов, также указаниями современников — И. Л. Айзенштадта-Юдина, В. А. Бухгольца, А. Кремера и А. Н. Потресова,

[2]) Об этом совещании см. «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 113.

[3]) Порядок записи в книге выдачи читального зала берлинской Staatsbibliothek, существовавший в 1895 г., сильно затрудняет пользование этим архивом. Именных листов на каждого абонента в этой книге не открывалось. Выдаваемые книги в нее вносились по алфавиту по фамилиям не читателей, а авторов книг, так что для составления списка книг, взятых для прочтения тем или иным лицом, приходится просматривать все книги записей за соответствующий период. Нами просмотрены три тома за зимний семестр 1895—1896 гг. (с 1/VII 1895 по III 1896 г.). При подобной системе записей не исключена возможность некоторых пропусков в приводимом нами ниже списке книг, прочитанных Лениным.

Эти даты, — от 15 августа до 21 сентября 1895 г., — определяя период работы Ленина в Staatsbibliothek, в известных пределах определяют и время его пребывания в Берлине вообще. Для времени его от'езда из Берлина дата Staatsbibliothek, повидимому, не совпадает с действительной лишь на один-два дня; во всяком случае официальные данные регистрируют его появление в Петербурге уже в конце сентября (конечно, ст. ст.) 1895 г. [1]), а А. Н. Потресов, проезжавший через Берлин около середины сентября ст. ст. 1895 г., Ленина здесь уже не застал. Если мы вспомним, что Ленин перед возвращением в Петербург побывал в Вильне, Москве и Орехове-Зуеве [2]), то мы поймем, что из Берлина он должен был выехать очень скоро после 21 сентября н. ст.

Несколько более велико расхождение между начальной датой, найденной нами в архиве Staatsbibliothek, и временем действительного приезда Ленина в Берлин. Этот вывод приходится сделать из приводимого ниже рассказа В. А. Бухгольца, старого деятеля русского и германского с.-д. движения, у которого сохранилось отчетливое воспоминание о своем совместном с Лениным посещении с.-д. собрания, на котором с.-д. депутат Штадтгаген прочитал доклад об аграрной программе. Дату этого доклада удается определить по «Vorwärts'у» [3]), из отчетов которого видно, что первый и единственный доклад Штадтгагена на эту тему был им прочитан 6 августа н. ст. 1895 г. в рабочем предместье Берлина, в Friedrichsberg'е (округ Niederbarnim).

Таким образом, с большей долею точности приблизительными датами этого пребывания Ленина в Берлине можно взять 5 августа и 25 сентября н. ст. 1895 г.

В Берлине Ленин держался осторожно, стараясь как можно реже попадать на глаза германской полиции, тесная связь которой с полицией русской тогда ни для кого не была секретом; в силу этого круг знакомств Ленина в русской берлинской колонии был невелик; кроме Айзенштадтов, насколько удается установить, он встречался еще с В. А. Бухгольцем [4]) и М. М. Розенбаумом [5]), сношения с которыми им были завязаны через того же И. Л. Айзенштадта-Юдина.

С В. А. Бухгольцем Ленин, впрочем, был знаком и раньше, еще по Самаре, где Бухгольц, в то время состоявший под гласным надзором полиции (за участие в студенческих беспорядках 1887 г. в Петербурге), жил в 1889—1891 гг. Родные В. А. Бухгольца, судя по его рассказам, были тогда знакомы с семьей Ульянова домами; с Лениным же он, кроме того, встречался в одном из существовавших тогда в Самаре революционных кружков. В этих кружках, — по воспоминаниям Бухгольца, в этом вопросе расходящегося с рядом других свидетелей, — Ленин ничем особенным не выделялся, кроме заметно повышенного интереса к европейскому, особенно немецкому, рабочему движению. Когда в самом начале 1891 г. Бухгольц (он родился и вырос в России, но был прусским подданным) собрался ехать за границу, в Берлин, то Ленин настойчиво просил его писать ему возможно подробнее о берлинском рабочем движении, о работе германской с.-д. партии, тогда только что вышедшей из подполья на арену сравнительно свободной легальной деятельности. В. А. Бухгольц вспоминает, что, приехав в Берлин, он действительно написал тогда большое письмо в Самару, с рассказом о праздновании первого мая (в 1891 г.) и о спорах, в связи с этим праздником возникших [6]). Вслед затем переписка почему-то оборвалась, и до 1895 г. Бух-

---

[1]) См. статью В. Федоровой в «Красной Летописи» № 2 за 1925 г., стр. 195.

[2]) Собрание сочинений Ленина, т. I, стр. 401 — 403.

[3]) Номер от 9 августа 1895 г.

[4]) Все сведения о знакомстве Бухгольца с Лениным нами даются со слов самого В. А. Бухгольца.

[5]) См. изданные в Нью-Йорке на древне-еврейском языке мемуары М. М. Розенбаума: «Воспоминания социалиста-революционера», изд. д-ра Житловского, 1921 г. стр. 168 — 174.

[6]) Как известно, конгресс германской с.-д. партии в Галле (1890) одобрил решение партийного Vorstand'а о перенесении празднования первого мая на ближайшее к этому дню воскресенье. Решение это, вызванное соображениями практического характера (первомайская забастовка 1890 г. в Гамбурге вызвала большой локаут), навлекло на Vorstand силь-

гольц о Ленине никаких сведений не имел. Сам Бухгольц эти годы провел главным образом в Швейцарии, где учился в университете, и только летом 1895 г. вернулся в Берлин. Здесь И. Л. Айзенштадт, собиравшийся возвращаться в Россию, привлек Бухгольца к работе по транспорту, — В. А. Бухгольц для этой работы был тем более пригоден, что над ним, как над прусским подданным, не висело вечной угрозы высылки в качестве «нежелательного иностранца» или особенно неприятной выдачи русским жандармам.

В. А. Бухгольц в своих рассказах о Ленине в 1895 г. особенно подчеркивает большой интерес последнего к шедшим тогда в германской с.-д. партии спорам по вопросу об аграрной программе.

Вопрос этот тогда живо волновал относительно широкие слои германской социал-демократии. Все партийные газеты тех месяцев переполнены статьями на эту тему; посвященные ей партийные собрания собирали полные аудитории внимательных слушателей. Надо знать нелюбовь германских с.-д. газет к спорам отвлеченно-теоретического характера; надо вспомнить, как сравнительно слабо реагировали за четыре года перед тем эти самые газеты на работу комиссии по выработке общей партийной программы (принятой Эрфуртским партейтагом), чтобы понять всю показательность этого интереса к вопросу о программе аграрной.

Среди споривших наметилось три течения. Одно, главным образом южане во главе с Давидом и Фольмаром, было сторонником выставления детально разработанной программы мероприятий, долженствующих помочь мелким и средним крестьянам теперь же, в рамках буржуазного общества. Другое, на стороне которого была, главным образом, вся тогдашняя радикальная молодежь, отрицало возможность улучшения положения крестьян в рамках буржуазного общества, а потому было против особой аграрной программы-минимум; агитацию среди крестьянства оно считало наиболее целесообразным вести на почве программы-максимум, которая для этой цели, по мнению представителей этого течения, должна была быть в соответствующих разделах конкретизирована и разработана. Центр партии, лидерами которого в этом вопросе были А. Бебель, и К. Каутский, во многом сходясь с «левыми» относительно критики тех принципов, которые клали в основу своего проекта «правые», считал все же выставление особой аграрной программы делом крайне нужным как с точки зрения агитационной деятельности в деревне, так и в интересах об'единения с.-д. работы в городских и земских учреждениях; он лишь требовал, чтобы аграрная программа социал-демократии — с одной стороны, «не препятствовала нормальному развитию буржуазного общества, с другой — не могла быть вредной для всего общества (für die Allgemeinheit) и особенно для рабочего класса» [1]).

В высшей степени содержательная дискуссия, развернувшаяся по этому вопросу, представляет не малый интерес и со специально русской точки зрения. Следы ее влияния можно найти и в русской с.-д. литературе, — хотя бы в известной записке П. Б. Струве, данной в виде приложения к «докладу», представленному на Лондонский международный социалистический конгресс в 1896 г.

Так как в дальнейшем, в течение всего следующего десятилетия, основная, — если не руководящая, то во всяком случае инициативная, — роль в деле разработки аграрной программы русской социал-демократии принадлежала Ленину, то установить характер и степень влияния на него немецкой дискуссии представляется особенно интересным. В этом отношении чрезвычайно ценное указание дают рассказы В. А. Бухгольца.

Как мы уже упомянули, Бухгольц 6 августа 1895 г. был вместе с Лениным на докладе Штадтгагена; этот доклад довольно подробно прореферирован в «Vorwärts'e»; из реферата видно, что докладчик был одним из наиболее прямолинейных представителей левого крыла, последовательным сторонником «аграрного нигилизма». Судя по

ные нападки со стороны оппозиционеров, особенно из числа будущих «независимых социалистов».

[1]) См. статьи Бебеля («А. В.») в «Vorwärts'e» от 21 и 23 июля 1895 г.

заявлению референта, он в своем докладе выступал против «выставления особой аграрной программы» вообще и «против каждого отдельного пункта выработанного аграрной комиссией проекта» [1]) в частности. В основе его аргументации лежало указание на невозможность «заставить теперь мелких крестьян верить в возможность помочь им (путем частичных реформ), после того как мы, в течение ряда лет, на основе и в согласии с партийной программой, доказывали невозможность помощи им в рамках существующего строя». По вопросу об эволюции аграрных отношений Штадтгаген заявил, что большинство мелких собственников уже теперь являются только «кажущимися собственниками, которые управляют собственностью их заимодавцев и обрабатывают ее». Задачею с.-д., по мнению Штадтгагена, должно быть раз'яснение крестьянам этого их положения, а отнюдь не затемнение их сознания надеждами на возможность улучшения их положения в рамках буржуазного общества. А именно к последнему и ведет предлагаемый проект аграрной программы.

В. А. Бухгольц (мы показали ему отчет «Vorwärts'a»,и он вспомнил, что был с Лениным именно на этом собрании) вспоминает, что на обратном пути с собрания он разговорился с Лениным о докладе. Самому Бухгольцу аргументы докладчика казались убедительными, и он высказался в этом духе. Тем больше поразило его ответное замечание Ленина, из которого следовало, что последний отнюдь не отрицательно настроен по отношению к аграрной программе; Бухгольцу вспоминаются слова Ленина, который высказывал уверенность, что Бухгольц, если он вдумается в постановку вопроса, не долго останется на позиции Штадтгагена.

Смысл этих замечаний особенно четко запомнился Бухгольцу, потому что они шли вразрез с обычными в то время в среде русской с.-д. молодежи взглядами, — это обстоятельство позволяет отнестись с полным доверием к данному показанию Бухгольца, а оно очень ценно, так как свидетельствует, что Ленин в то время, — несомненно, не без влияния немецкой дискуссии, — уже не стоял на позиции «аграрного нигилизма».

Для более точного определения влияния немецкой аграрной дискуссии на взгляды Ленина необходимо тщательное изучение печатавшихся в то время статей и сопоставление их со статьями и заявлениями Ленина.

Как известно, в мотивировочной части принятой в 1903 г. аграрной программы РСДРП имеется фраза, определяющая весь подход партии к вопросам аграрной реформы, — мы говорим о фразе: «...в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне».

Аналогичных положений нет в аграрных программах западно-европейских социалистических партий, — в этом отношении программа РСДРП стоит особняком, — и неудивительно, что именно это положение аграрной программы русской социал-демократии навлекло на нее в свое время наиболее жестокие нападки со стороны критики не только народнической, но и части социал-демократической [2]).

Автором этой фразы, как мы теперь знаем из материалов, опубликованных Ленинским Институтом, был Ленин [3]). В статьях последнего эта мысль встречается и раньше, — в 1901 [4]) и даже в 1899—1900 гг. [5]). Более ранних прямых заявлений Ленина в этом смысле не имеется, — но это об'ясняется, повидимому, лишь тем, что до нас не дошло окончание написанной им в 1896 г. записки с обоснованием проекта программы; по существу эта мысль, несомненно, была у Ленина и в 1896 г., когда им в основных чертах был разработан проект аграрной программы, проведенной на с'езде 1903 г.

---

1) На партейтаге германской с.-д. партии в 1894 г. была выбрана специальная комиссия, которой было поручено разработать к следующему партийному конгрессу проект аграрной программы, — об этом проекте здесь и идет речь.

2) См. работу Д. Б. Рязанова, Материалы для выработки партийной программы, ч. II, стр. 244 и сл.

3) См. «Ленинский Сборник», т. II, стр. 48, прим.

4) «Искра», № 3, статья «Рабочая партия и крестьянство». Собрание сочинений Ленина, т. IV, стр. 28.

5) Статья «Проект программы нашей партии». Собрание сочинений, т. I, стр. 395.

Если бы даже наша последняя догадка и не нашла подтверждения, то во всяком случае значительность роли, сыгранной этим положением в работах Ленина по выработке и обоснованию аграрной программы 1903 г., вообще бесспорна.

Тем важнее, думается нам, установить, что мысль о привнесении классовой борьбы в деревню, как о регулятивном принципе, которым должна руководствоваться с.-д. при выработке своей аграрной программы, была высказана и обстоятельно развита еще в 1895 г., во время немецкой дискуссии, тогда еще молодым Парвусом в его блестящей серии статей об аграрной программе (напечатаны в «Leipziger Volkszeitung» за июль — август 1895 г.); в этих статьях Парвус особенно настойчиво подчеркивал необходимость при выработке аграрной программы не забывать, что дело идет не о том, чтобы во что бы то ни стало завоевать занятое в сельском хозяйстве население, а прежде всего о том, чтобы перенести классовую борьбу в деревню («den Klassenkampf aufs platte Land zu verpflanzen»)[1]).

С этими статьями Парвуса Ленин, несомненно, был знаком. «Leipziger Volkszeitung», редактируемая B. Schönbank'ом, была тогда самым значительным и влиятельным органом левого крыла германской социал-демократии, и Ленин, приехавший в Германию главным образом для того, чотбы познакомиться с работой последней, не мог, конечно, не следить за этой газетой; к тому же эти статьи Парвуса с бо̀льшим или меньшим вниманием отмечала и остальная с.-д. немецкая печать.

Повторяем, точное определение размеров и характера влияния немецкой аграрной дискуссии на взгляды Ленина возможно после более обстоятельного изучения этой дискусси, но и уже приведенных нами фактов достаточно, чтобы показать, что такое влияние было, что, приступая в 1896 г. в петербургской тюрьме к работе по разработке своего первого проекта аграрной программы, Ленин стремился по возможности учесть тот опыт, который ему дало знакомство со спорами в рядах германской социал-демократии.

Надо оговорить, что намеченные нами выводы в известных пределах противоречат показанию одного из воспоминателей о тогдашних настроениях Ленина, — мы говорим об упомянутом уже М. М. Розенбауме. Этот последний передает о своих спорах с Лениным, который якобы доказывал, что «собственно независимых крестьян, т.-е. таких, которые не нанимали бы работников и не нанимались бы сами к кому-нибудь, в России уже больше нет» (стр. 169), что поэтому перед русскими социалистами стоит лишь одна задача: «распространить идеи марксистского социализма среди городского пролетариата и разбудить в нем классовое самосознание» (стр. 168).

Такого рода взгляды, если бы Ленин их действительно разделял, сделали бы совершенно непонятным факт предпринятой им в следующем году попытки выработки особой аграрной программы; но общее знакомство с книгой М. М. Розенбаума заставляет вообще отнестись с большой осторожностью к его рассказам в той их части, где речь идет о передаче содержания теоретических споров: практик в узком смысле этого слова, он плохо усваивал оттенки таких споров и невольно упрощает, шаблонизирует их теперь в своих «записках»; в частности в рассказе о своих спорах с Лениным он явно задним числом вложил в уста последнему почти всю ту упрощенную идеологию, которую приписывали марксистам позднейшие эс-эры. Именно поэтому рассказы Розенбаума в этой их части имеют для нас очень малую ценность.

Кроме хождения по с.-д. собраниям и чтения текущей с.-д. литературы, Ленин в описываемый период много времени уделял, с одной стороны, работе в берлинской публичной библиотеке, а с другой — хлопотам по делам налаживания нелегальных связей с Россией.

Следы работы Ленина в берлинской публичной библиотеке сохранились в виде записей в книгах выдач читального зала; по этим книгам удается установить, что

---

[1]) «Leipziger Volkszeitung», номер от 20 июля 1895 г.; в статье № 3 «Искры» Ленин эту формулировку повторяет дословно.

Ленину в это время были выданы следующие книги, — даем список полностью, расположив книги в хронологическом порядке по времени их выдачи библиотекой:

Выдача библиотекой.	Возвращение абонентом.	
15/VIII	21/IX	Thun. Geschichte der revolut. Bewegung in Russland, 1883.
16/VIII	21/IX	Materialien zur Geschichte d. Leibeigenschaft, B. B. I — III. 1855 — 1861.
16/VIII	14/IX	Engels. Preuss. Militärfrage, 1865.
4/IX	14/IX	Dolgoroukoff. Réformes en Russie, 1862.
4/IX	14/IX	» Vérité sur la Russie, 1860.
13/IX	14/IX	Mnenija, 1883.
13/IX	21/IX	Wandlungen Russ. 1. 2. Aufl. 1882.
14/IX	21/IX	Koschelew. Memoiren, 1884.
14/IX	21/IX	Herzen. Verschwörung und Aufstand, 1858.
16/IX	21/IX	Neuburger, Russland, 1894.

Заглавия книг в этом списке приведены нами так, как они занесены в книгах выдачи; почти все они, — быть может, за исключением общественного Туна, — нуждаются в расшифровке:

Под немецким заглавием: «Materialien zur Geschichte d. Leibeigensch.», в этом списке фигурируют русские «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II». «Материалы» эти собраны Д. П. Хрущовым [1]), бывшим тов. министра государственных имуществ, и изданы в 1860/62 гг. в Берлине издательством Шнейдера в трех томах — т. I — 1855/58 гг., 416 стр.; т. II — 1859/60 гг., 478 стр.; т. III — 1860/61 гг., 271 стр.). На-ряду с работою Скребицкого, для 1895 г. «Материалы» Хрущова были наиболее ценным собранием документов по истории реформы 1861 г.

Книгой Энгельса была его работа: «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия».

Заглавия французских памфлетов П. Долгорукова, известного эмигранта 60-х годов, выше написаны полностью.

Под названием «Mnenija» скрывается изданная в Берлине в 1883 г. анонимно брошюра В. Д. Скалона: «Мнения земских собраний о современном положении России» (Berlin, B. Behr's Verlag).

«Wandlungen Russ.», это — изданная в 1882 г. издательством Dunker und Humblot в Лейпциге книга «Wandlungen Russlands. Neue Beiträge zur russischen Geschichte von Nikolaus I zur Alexander III».

«Memoiren» А. И. Кошелева, это — его «Записки», изданные изд. Бэра в Берлине в 1884 г.; они охватывают период с 1812 по 1883 г., при чем особенно подробно автор говорит о своем участии в работах по проведению в жизнь крестьянской реформы в Польше.

«Verschwörung und Aufstand», это — известная книга А. И. Герцена «Заговор и восстание 14 декабря 1825 г.».

Полное название стоящей на последнем листе в приведенном выше списке книги Neuburger — «Russland unter Kaiser Alexander III, sowie die Politik und die Aufgaben Nikolaus II», Berlin 1894, VIII + 370 S.

Общий характер интересов Ленина из этого списка не вполне ясен. Он, несомненно, спешил пользоваться временем пребывания за границей для ознакомления с недоступными ему в России зарубежными изданиями, — главным образом, непартийными, из числа тех, которые нелегальным путем в Россию обычно не проникали. Но одно в этом списке во всяком случае отметить можно, — значительный интерес читателя к истории царствования Александра II, к истории «эпохи реформ». Не связан ли этот интерес с теми же самыми исканиями в области аграрной

---

[1]) См. В. Л. Бурцев, За сто лет, ч. II, стр. 46; Андерсон, Вольная русская печать, стр. 168.

программы, о которых мы говорили уже выше? Не найдется ли ответ на этот вопрос при разборе тетрадей Ленина с черновыми заметками и выписками?

Работа Ленина по налаживанию нелегальных связей с Россией шла в двух направлениях: с одной стороны, он уже в Берлине наладил получение из Петербурга материалов для сборников «Работник», издание которых было решено в Швейцарии на его совещаниях с П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым; с другой — он хлопотал по организации доставки в Россию зарубежных с.-д. изданий.

Относительно первого мы имеем очень важное для нас указание в воспоминаниях П. Б. Аксельрода, свидетельствующего, что редакция «Работника» часть материалов для последнего получила от Ленина еще из Берлина [1]). Установить, что̀ именно было прислано Лениным из Берлина весьма затруднительно. Это были не те корреспонденции, которые приведены в приложениях к тому I Собрания сочинений Ленина, — последние были посланы уже из России. Прямых указаний, которые могли бы помочь ответить на поставленный вопрос, в литературе не имеется; ответить на него тем более затруднительно, что значительная часть полученного из России, в том числе и от Ленина, материала редакцией «Работника» не была напечатана полностью, а была передана Б. А. Гинзбургу (Д. Кольцову) для использования при составлении им обзорной статьи «Царское правительство и рабочие» [2]). Тем не менее, анализируя материал, имеющийся в № 1—2 «Работника», и сопоставляя его с указаниями писем Ленина к Аксельроду [3]), путем ряда исключений можно прийти к выводу, что если не считать сообщений об арестах, то из использованных в № 1—2 «Работника» материалов Лениным из Берлина могли быть присланы только два вошедших в статью Гинзбурга-Кольцова «конфиденциальных» письма министра внутренних дел И. П. Дурново к Делянову и к Победоносцеву [4]).

Эти письма ни в каком другом из зарубежных изданий до «Работника» опубликованы не были; единственным изданием, опубликовавшим раньше «Работника» отрывки из одного из них, был берлинский «Vorwärts» (в номере от 15 сентября 1895 г.); но так как оригинальная русская информация последнего (а что в данном случае речь идет именно о таковой, заявил сам «Vorwärts») в это время шла уже исключительно через русских с.-д., то факт напечатания этих отрывков в «Vorwärts'е» только подтверждает, что за границу эти письма попали по партийным с.-д. связям. Вопрос о том, от кого они могли попасть за границу, надо считать решенным тем обстоятельством, что об одном из них в ноябре 1895 г., т.-е. до опубликования его в «Работнике», была написана Лениным особая статья для предполагавшейся тогда к изданию в Петербурге с.-д. газеты «Рабочее Дело» [5]), при чем приводимые в этой статье цифры свидетельствуют о знакомстве автора со всем письмом, а не только с теми выдержками, которые опубликовал «Vorwärts» и с его слов многие другие немецкие газеты.

Таким образом можно считать установленным:

1) что письма эти доставлены за границу от с.-д. группы «стариков»;

2) что они (по крайней мере письмо к Победоносцеву) получены за границей в период пребывания Ленина в Берлине;

---

[1]) «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 275.

[2]) После сопоставления материалов не остается никакого сомнения, что именно такая судьба постигла корреспонденции об ярославской и иваново-вознесенской стачках, — см. «Работник», № 1—2, отд. II, стр. 21—26, и Собрание сочинений Ленина, т. I, стр. 403 и 449—450.

[3]) См. Собрание сочинений Ленина, т. I, стр. 401—403.

[4]) Мы говорим сейчас только о материале и поэтому не касаемся статьи о Фридрихе Энгельсе, принадлежность которой перу Ленина, по нашему мнению, несомненна; доводы за это см. в комментариях к «Переписке Плеханова и Аксельрода» т. I, стр. 118. К ним мы можем теперь прибавить указание на чрезвычайно характерное совпадение отзыва автора статьи в «Работнике» о статье Энгельса о жилищном вопросе (отд. I, стр. 76) с рассказом Мартова в «Записках социал-демократа», изд. Гржебина, стр. 265.

[5]) Собрание сочинений Ленина, т. I, стр. 277—279.

3) и что поэтому они непременно должны были пройти через руки Ленина в период его жизни в Берлине.

В связи с этим последним обстоятельством особенный интерес приобретает вопрос об авторе заметки по поводу письма Дурново к Победоносцеву, напечатанной в «Vorwärts'е» от 15 сентября 1895 г.

Заметка эта любопытна и сама по себе, — по своему содержанию, далеко выходящему за пределы простой корреспонденции, — а потому мы приведем ее здесь полностью, опустив лишь заключительную часть, занятую цитатами из письма Дурново:

«Мы можем привести здесь до сих пор нигде не опубликованный тайный документ царского правительства, который бросает яркий свет па внутреннюю социально-политическую борьбу в России. Это — письмо министра внутренних дел И. Н. Дурново к обер-прокурору синода — Победоносцеву. Это письмо, — носящее пометку: «вполне доверительно», дату: «18 марта 1895 г.», и № 2.603, — будет передано ниже, в точно переведенных извлечениях. Оно говорит достаточно красноречивым языком, и нам для его пояснения остается прибавить лишь очень немногое. Характерными явлениями последнего времени в России являются развитие капитализма и умственное пробуждение народных масс. С одной стороны, хозяйственное развитие вынуждает государство и господствующие классы открывать народу доступ к известным источникам образования; с другой же стороны, правительству приходится на каждом шагу опасаться, что по пятам за капитализмом и образованностью идет дух крамолы и восприимчивости к революционным идеям. И русское государство борется всеми доступными ему средствами и средствишками с этой растущей опасностью. Общение так называемой «интеллигенции» с людьми из «народа», в особенности с городскими рабочими, взято под бдительный надзор, и всякая попытка пропаганды строго карается. При выдаче разрешений на преподавание в школах, и особенно в «воскресных школах» для взрослых рабочих, кандидатов тщательно испытывают в отношении их политического образа мыслей, при чем все возбудившие подозрение элементы тотчас же устраняются. Но полицейский контроль, думает Дурново, должен быть еще усилен; недостаточно, что воскресные школы в 1891 г. целиком отданы в распоряжение совершенно необразованного русского духовенства, — отныне попы должны наблюдать за народным образованием только в согласии с жандармами. Это не в первый раз, что г. Дурново приходится сталкиваться с ведомой на «легальной почве» борьбою против абсолютизма. С прогрессом хозяйственного развития русское революционное движение все больше и больше теряет характер заговора; революционное настроение неудержимо проникает в те классы, жизненные интересы которых требуют сокрушения царизма. Классовые инстинкты рабочих и мелких буржуа перерождаются в классовое сознание; политическая пропаганда революционной интеллигенции, которая все больше и больше переходит на сторону научного социализма, начинает апеллировать к классовым инстинктам революционных слоев народонаселения. И с каждым успехом хозяйственного развития русские министры будут становиться все более беспомощными перед «революционной борьбой на легальной почве». Даже сам Александр III, насадитель русского капитализма, не может быть признан «невинным» в соучастии с революцией на легальной почве!! Этот род революции много опаснее для абсолютизма, чем героическая борьба террористов. Если бы могли русские социал-демократы свою революционную деятельность все больше и больше легализовать, — в смысле Дурново! На этом пути им безошибочно удастся скорее достигнуть своей главной ближайшей цели — низвержения абсолютизма и завоевания политической свободы. В высшей степени замечательно указание шефа русской полиции на то, что теперь учение Маркса и Энгельса составляет идейное содержание русского революционного движения. Русская социал-демократия раз навсегда покончила с бакунистской теорией, как с практически революционной. От результатов этого гигантского успеха не могло ускользнуть и царское правительство».

Прямых указаний относительно автора этой записки-статьи мы не имеем. Ад. Браун, бывший в 1895 г. правой рукой В. Либкнехта по редакции «Vorwärts'a», не смог нам дать на этот счет никаких указаний; не дали их нам и И. Л. Айзенштадт

и В. А. Бухгольц, установившие только, что они не имели к этой статье никакого отношения. И тем не менее, разгадка имени ее автора не является делом обсолютно безнадежным. Число русских с.-д. (а статья, несомненно, написана русским с.-д.), которые могли 1 сентября 1895 г. поместить подобную статью в «Vorwärts'е» было очень невелико. П. Б. Струве, имевший связь с редакцией «Vorwärts'а», в это время в Берлине не был — он за границу в 1895 г. приехал много позднее (в берлинской публичной библиотеке зарегистрированы его посещения в декабре). Перебирая все остальные имена, как на возможных авторах можно задержаться на Г. В. Плеханове и Ленине. Но первый крайне редко писал без подписи, — в «Vorwärts'е» такие анонимные статьи его нам вообще не известны. Поэтому наиболее вероятным нам кажется предположить, что автором данной статьи был Ленин: он был в Берлине, когда ему переслали из Петербурга письмо Дурново; письмо это его заинтересовало, — недаром он вернулся к нему несколько позднее, в форме статьи для «Рабочего Дела»; больше, чем естественно, что он захотел познакомить с ним немецких с.-д. читателей.

Что же касается до транспорта нелегальной литературы в Россию, то Ленин налаживал его с помощью И. Л. Айзенштадта-Юдина и В. А. Бухгольца. Последние в это время уже перешли к системе перевозки литературы в чемоданах с двойными крышками, пустое пространство между которыми уплотненно начинялось зарубежными изданиями. По словам Б. А. Бухгольца, секрет такого устройства чемоданов они узнали от М. М. Розенбаума. Для производства таких чемоданов был приспособлен один старый товарищ — немецкий с.-д. переплетчик, живший на Mansteinstr, 3., (фамилию его установить не удалось); для русских дел он был рекомендован Ад. Брауном, и, действительно, в течение ряда лет был верным и ценным сотрудником. Именно он изготовил и тот чемодан, который повез в Россию Ленин и о котором упоминают в своих воспоминаниях А. И. Елизарова [1]) и Н. К. Крупская [2]).

Кое в чем оказался полезен для дела технического налаживания транспорта и сам Ленин, — так, именно он познакомил Айзенштадта-Юдина со способом прессования и превращения в картон подлежащей к перевозу литературы или писем: листы таковой литературы или писем (только писанных тушью), по этому рецепту, соединяются особым клеем, накладываются один на другой до определенной толщины, обкладываются снаружи подходящей бумагой; в таком виде прессуются и сушатся, после чего получается обычный на вид картон, не навлекающий ничьего подозрения; когда же спрятанную в этом картоне литературу нужно возвращать в первобытное состояние, то картон кладут в теплую воду и осторожно разнимают по листам на составные части [3]).

Во время хлопот по устройству чемодана произошел маленький курьезный эпизод: Ленин как-то раз вместе с Айзенштадтом прошел в мастерскую. В следующее посещение Айзенштадтом мастерской, мастер, с.-д., взволнованно спросил его, знает ли он, с кем он был у него в прошлый раз? Оказалось, что он Ленина принял за Яголковского, — много нашумевшего в то время русского провокатора, отличившегося с бомбами в Бельгии. Портрет Яголковского был тогда напечатан во многих газетах, и в нем действительно было некоторое сходство с Лениным. Не без труда удалось Айзенштадту убедить немца-мастера, что его подозрение совершенно неосновательно. Тогда же Айзенштадт рассказал об этом Ленину.

О таком же принятии Ленина за Яголковского, но только с несколько иными деталями, передает В. А. Бухгольц. Последний в 1901 г. был в Мюнхене

---

1) См. «Пролетарская Революция» № 3 (26) за 1924 г., стр. 103.

2) «Творчество» № 7—10 за 1920 г.

3) Именно об этом способе говорит Ленин в своем письме к П. Б. Аксельроду из Минусинского уезда (напечатано в т. I «Ленинского сборника», стр. 157). Отметим кстати, что упоминаемый в этом письме «старый приятель» — совсем не А. И. Елизарова, как полагает автор комментариев в «Ленинском сборнике», а Л. Г. Дейч; способ переписки, о котором в этом же письме говорит Ленин, это упомянутый в тексте данной статьи (на нем настаивал Ленин) способ переписки в книгах, между строк, химическими чернилами; последним пользовался Аксельрод при переписке с Дейчем во время пребывания последнего на каторге.

в редакции «Искры». В разговоре Ленин вспомнил свой приезд в 1895 г. и, смеясь, рассказал, что на пути в Россию, в Вильне, его приняли за Яголковского и чуть не убили. Рассказывал ли в данном случае Ленин о том же самом эпизоде, про который передает Айзенштадт, только спутав время и место (В. А. Бухгольц утверждает, что он рассказ Ленина помнит хорошо и настаивает, что Ленин ему говорил именно о Вильне), или на самом деле берлинская история имела виленское продолжение — нам не известно.

В Вильне, на обратном пути из-за границы, Ленин действительно останавливался и вел переговоры с местной с.-д. организацией. О характере этих переговоров мы имеем сведения от А. Кремера (сведения эти нам были сообщены в свое время покойным П. И. Розенталем); последний категорически утверждает, что с ним по крайней мере Ленин говорил не по вопросу об издании «Работника» (как следует из письма Ленина к Аксельроду, — Собрание сочинений Ленина, т. I, стр. 401), а о перевозке закупленных Лениным за границей для себя лично «толстых книг». Ленин просил, чтобы виленская организация озаботилась доставкой этих книг в Россию,— виленцы, прибавляет Кремер, от этого отказались, «предпочитая затратить эти усилия на перевозку книг для массы»...

Е. А. ГУРВИЧ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(Мой перевод «Капитала»)

Я не знаю, соберусь ли я когда-нибудь вообще написать свои воспоминания; поэтому хочу здесь записать одну страничку из того, что может вместе со мной сойти в могилу и что интересно для характеристики той эпохи. (Других участников этого дела нет уже в живых.)

Как известно, первый русский перевод «Капитала» появился в 1872 году. Издан он был в количестве двух или трех тысяч экземпляров, как обыкновенно тогда издавались книги. Переводчиком его считали Германа Лопатина. Только впоследствии стало известно, что Лопатин перевел первую главу, остальное же перевел Николай—он (Даниельсон). Издание это совершенно разошлось. В середине восьмидесятых годов «Капитал» был из'ят из обращения, и книгу достать было чрезвычайно трудно. В каждом провинциальном городе имелось 2 — 3 экземпляра, а иногда и меньше. В мрачную эпоху восьмидесятых годов и не чувствовалось особенного недостатка в этой книге. Не было также и русского перевода «Zur Kritik».

Но вот в девяностых годах вместе с возникновением рабочего движения возникает так называемый «легальный марксизм», возобновляется старый спор между народниками и марксистами, появляется книжка Струве «Критические заметки», в журналах появляется ряд статей, выходит книга Николая — она «Очерки нашего пореформенного хозяйства», затем Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Вполне естественно возникает потребность обратиться к первоисточникам — к «Капиталу», к «Zur Kritik», а между тем книги эти трудно, почти невозможно было достать. Тогда у меня явилась мысль перевести «Zur Kritik». Я жила в это время в Минске и не имела связей с издательствами, но решила сначала перевести книгу, а уже потом искать издателя. Так я и поступила. Но так как мне приходилось работать много для заработка и кроме того я много времени уделяла революционной работе, то перевод подвигался довольно медленно. Когда половина книги была уже переведена, вышел русский перевод под редакцией Румянцева. Свой перевод я тогда бросила в печку. Но «Капитал» к тому времени (1895 год) стал можно сказать, библиографической редкостью. И вот однажды, обсуждая этот вопрос, мы, — покойный Белевский (Белоруссов), Лев Маркович Зак [1]) и я, — пришли к заключению, что необходимо новое издание «Капитала». О том, что это возможно будет сделать легально, в то время еще не могло быть и речи. Затем вставал еще вопрос о том, имеем ли мы право переиздавать чужой перевод — ведь он является литературной собственностью переводчика. О получении разрешения переводчика также

[1]) Л. М. Зак принадлежал к числу первых пропагандистов-народников. Был в ссылке в Якутской области, откуда вернулся во второй половине восьмидесятых годов. Затем вторично был выслан в Якутскую область и вернулся в середине девяностых годов. Умер в Минске летом 1897 года.

не могло быть речи, так как Герман Лопатин сидел в Шлиссельбургской крепости. Таким образом мы пришли к убеждению, что необходимо сделать новый перевод, и сделать его, конечно, не с первого издания, а с третьего, вышедшего под редакцией Ф. Энгельса. (Сделан был перевод с четвертого издания.) Мы, конечно, понимали, что на издание потребуется много средств, которых у нас не было. Но мы решили приступить к переводу, а тем временем подыскивать средства и пути для издания. За перевод взялись снерва втроем: Л. М. Зак, я и еще одно лицо, которое я не называю здесь, потому что перевод его оказался неудовлетворительным и мы им не воспользовались. Что касается издания, то мы находили, что издавать «Капитал» в Швейцарии неудобно. Трудно было бы доставить его в Россию, да и едва ли возможно было там технически выполнить такой большой труд. Вопрос о месте издания вообще был нашей слабой стороной отчасти еще и потому, что приходилось соблюдать большую конспирацию, чтобы не провалить дела раньше, чем оно будет налажено. В то время киевляне имели связи со Львовом, где они издавали литературу и где, между прочим, издали Эрфуртскую программу. Тогда я завела переговоры относительно издания с киевлянами — Сергеем Константиновичем Мержинским (ныне уже умершим) и со студентом Сапежкой (совершенно потеряла его из виду) — относительно издания «Капитала» во Львове. Предполагалось, в целях конспирации, изданию придать такой вид, чтобы оно с внешней стороны не отличалось от первого издания «Капитала». По нашим расчетам па издание надо было иметь 3.000 рублей. Нашелся один богатый меценат, который обещал дать на дело, если не всю, то значительную часть этой суммы. Для начала он дал 100 рублей и этим ограничился.

Работать над переводом приходилось главным образом по ночам, ибо нужно было распределять время между работой для заработка, революционной работой и переводом. Хотя я и сознавала, что перевод важнее той повседневной революционной работы, которой приходилось в то время заниматься, однако я не считала возможным от нее отказаться. Перевод мы распределили между собой следующим образом: Л. М. Зак перевел I и IV отделы, остальное перевела я. Но мы тщательно проверяли и исправляли друг друга. При переводе мы, кроме немецкого текста, пользовались еще французским переводом, вышедшим под редакцией самого Маркса.

К осени 1896 года перевод был готов, а денег на его издание, если не считать полученных нами 100 рублей, не было. Лично у нас денег также не было, мы дали все, что могли, — свой труд. В это время стали поговаривать о том, что в Нью-Йорке собираются переиздать первый русский перевод в таком виде, как он был издан в России, и переслать его сюда. Впоследствии это и было сделано в Нью-Йорке неким Еваленко. Проникло ли это издание в Россию, мне неизвестно. В начале 1897 года стали поговаривать о том, что, может быть, можно будет в России издать легально «Капитал». Я стала тогда искать путей пристроить наш перевод. Заботилась об этом я одна, потому что летом 1897 года Зак умер, Белевский же сидел в тюрьме в Петербурге. Летом 1897 года один мой приятель, Анатолий Осипович Бонч-Осмоловский, встретился за границей со Струве, и тот сказал ему, что издательница О. Н. Попова предложила ему найти переводчиков и взять на себя редакцию перевода «Капитала», который она намерена издать. Бонч-Осмоловский сообщил Струве об имеющемся уже готовом переводе «Капитала». Струве обратился ко мне и спросил, согласна ли я на издание перевода под его редакцией, и просил ответить телеграммой. Решать должна была одна я, так как Зака не было уже в живых. Я, разумеется, согласилась и выслала П. Б. Струве рукопись перевода, а потом уже списалась с Поповой относительно гонорара.

Надо сказать, что гонорар Попова предложила нищенский — 15 рублей за печатный лист в 40.000 букв. Но так как перевод был сделан без всякого расчета на вознаграждение, имелось в виду только распространение книги, то я согласилась на эти условия.

Наиболее существенное изменение, сделанное редактором, это — замена слова «стоимость» словом «ценность», на котором Струве особенно настаивал. Так как я согласилась на его редактирование, то не могла настаивать, хотя мне казалось, что

«стоимость» больше соответствует значению слова «Wert» и хотя мне трудно было привыкнуть к этой замене. Я тем более должна была согласиться, что легально издать перевод без редактирования его кем-нибудь из известных в то время экономистов ни одно издательство не согласилось бы, так как я для них являлась совершенно неизвестной величиной. Вышел перевод в 1899 году, когда я сидела в Таганской тюрьме в Москве, при чем Попова не сочла даже нужным прислать мне авторского экземпляра, и мне пришлось по поводу этого вступить с ней в пререкания.

Второе издание вышло в 1906 году, а третье в 1907 году.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

В. И. Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм. Институт Ленина при ЦК ВКП (б). Гиз, Ленинград 1925, стр. 110.

Книга представляет собою сборник статей В. Ленина, написанных им в разное время о Марксе, Энгельсе, их учении, т.-е. о различных сторонах марксизма, а также об исторических судьбах марксизма. Сборник содержит двенадцать таких статей, а также библиографию марксизма, составленную Лениным для Энциклопедического словаря Граната. Таким образом в сборник вошли такие статьи, как «Карл Маркс», «Три источника и три составные части марксизма», «Марксизм и ревизионизм» и т. д.

Нечего повторять, что Ленин был лучшим марксистом, по ряду вопросов дальше развившим марксизм. Равным образом ленинское изложение различных сторон марксизма по праву заняло у нас место учебных пособий по изучению теории научного коммунизма. В этом отношении издание в одном сборнике всех статей Ленина по общей теории марксизма окажется весьма полезным.

Рецензируемый сборник интересен, однако, и в другом отношении. В нем впервые полностью опубликована статья Ленина о Марксе, написанная им для Энциклопедии Граната. Как известно, в словаре (а равно затем и в Собрании сочинений Ленина) статья появилась в урезанном виде; так, напр., в свое время была выброшена по цензурным соображениям целая глава о тактике классовой борьбы пролетариата. Как теперь выясняется, в статье Ленина был сделан еще ряд сокращений и изменений, — очевидно, по редакционным соображениям. Между тем некоторые из этих купюр имеют большое значение — напр., выпущенный конец главы о диалектике, где Ленин дал сжатое определение диалектической концепции развития (21 строчка).

Любопытно, что один из наших исторических журналов, имея рукопись статьи, с одной стороны, и, с другой стороны, беглое указание Ленина (в предисловии к отдельному изданию статьи 1918 года) на цензурную вырезку главы о тактике, опубликовал якобы полный текст статьи, прибавив на самом деле лишь эту главу. В таком «полном» виде статья Ленина была издана отдельно еще и одним советским издательством. И только в 1925 году Институт Ленина издал, наконец, полный текст статьи о Марксе по рукописи.

Кроме того, в сборник вошла статья о Ф. Энгельсе, написанная еще осенью 1895 года и напечатанная в №№ 1 и 2 «Работника» за 1896 год. Как эта, так и неоконченная работа «Переписка Маркса и Энгельса» (1913 или 1914 г.) не вошла в первое Собрание сочинений Ленина [1]). Последняя статья показывает еще и еще раз, что именно Ленин считал как бы «фокусом» марксизма, его «центральным пунктом». «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус

[1]) Эти материалы вошли в недавно изданный дополнительный XX том первого собрания.

всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика». То, что Ленин говорил о Марксе и Энгельсе в отношении материалистической диалектики, не менее применимо и к самому Ленину; об этом красноречиво свидетельствует рецензируемый сборник.

Alfred Meusel. Untersuchungen über das Erkenntnisobjekt bei Marx. Inauguraldissertation. Kiel 1922, (Maschinenschrift.)

Alfred Meusel. Untersuchungen über das Erkenntnisobjekt bei Marx. Jena, Fischer, 1925, pp. 105.

Альфред Мейзель. Исследования о предмете познания у Маркса. Диссертация. Киль 1922 (Машинопись).

Альфред Мейзель. Исследования о предмете познания у Маркса. Иена, Фишер, 1925, стр. 105.

Тщательная работа, написанная хорошим немецким языком, что редко бывает с немецкими диссертациями. Что же касается понимания марксистского метода, то, очевидно, и в этом отношении она стоит выше буржуазного среднего уровня. Конечно, при этом встречаются различные недоразумения. Если, напр., автор, рисуя личность Маркса, находит, что Маркс был лишен юмора (стр. 6), то это может вызвать только удивление. Уж не будем говорить о Марксе в личной жизни, но юмор его, такой глубокий, сильный, шекспировский юмор, обнаруживается во всех его трудах, даже в «Капитале». Неправильно говорить о марксовом релятивистическом понимании науки (стр. 27, 28). Оно было диалектическое. Исторический релятивизм и историческая диалектика, это — совсем разные вещи. Автор обстоятельно разбирает марксовские понятия производительной силы и производственных отношений. Если он определяет: «Производительная сила, это — то, что действует в производственных отношениях и их преобразует» (стр. 59), или «производительная сила представляет собой событие», или «производительные силы, это — прогрессивный элемент, а производственные отношения — регрессивный» (стр. 63), то это частью поверхностно, частью прямо неверно. Производственные отношения можно обозначит как распорядок производительных сил, как человеческих, так и вещественных. Всякий такой распорядок (способ производства) имеет свой исторически прогрессивный и регрессивный период. Подробностей для определения того, что следует понимать под производительными силами и производственными отношениями, нужно искать не в словах Маркса, а в действительной хозяйственной и социальной жизни.

Далее автор неправильно излагает марксовское понимание государства. В построении автора есть разница между марксовским пониманием государства в «Капитале» и в «Гражданской войне», так как в «Капитале» буржуазное государство проводит законы об охране рабочих и т. д., между тем как в «Гражданской войне» Маркс указывает на разрушение буржуазной государственной машины, как на задачу рабочего класса. Здесь мы видим со стороны автора простое непонимание соотношения между реформой и революцией. Положительных научных выводов, углубляющих понимание марксовского метода, в работе нет. Очень короткая критическая часть работы имеет только суб'ективное значение, но именно с этой стороны она и интересна. Автор об'являет, что социалистическое движение молодежи, которому он сочувствует, по настроению своему отходит от марксовского направления мысли. Этой молодежи недостает марксовской «веры в преодолевающую силу разума и доказуемого» (стр. 113). Эта молодежь не чувствует необходимости в таком «победном настроении (!), которое сопровождало эпоху технического и естественно-научного под'ема» (стр. 135). «Может быть, мы стоим перед новой (как мы думаем, последней) выработкой социалистического мира идей, которая соединит богатство чувств «утопистов» с сильным научным анализом Карла Маркса» (стр. 113).

Кислое настроение этой мелко-буржуазной интеллигентной молодежи находит себе хорошее выражение в следующих фразах автора:

«А что, если превращение в человека большого города, повышенный интеллектуализм, господство разума над жизнью чувств, раскрепощение настолько вошли в природу вещей, что никакое общественное преобразование не сможет их выравнять? С этой точки зрения социализм означает не начало, а конец» (стр. 113).

И религия доставляет этой ноющей интеллигенции затруднения. Материализм, по мнению автора, не может об'яснить, каким образом религиозное самоотчуждение утверждалось в течение веков, хотя оно и возникло в различных социальных условиях (стр. 137). Ответ на это автор может найти уже у Энгельса. В человеческой предистории и первобытной истории религиозное самоотчуждение связано с бессилием прежде всего перед силами природы, а затем и перед общественными силами. Когда автор связывает религию с «последними движениями человеческой души», с «horror vacuii» (боязнь пустоты), то это все фразы, которые ничего не говорят. Марксизм, — говорит в заключение автор, — доказал только возможность победы социализма, но не его неизбежность (стр. 142). Но достаточно этой возможности. «Неизбежность» доказывается не теоретически, а практически.

Пессимистическое настроение автора звучит почти лирически в следующей заключительной фразе:

«Идея (после победы социализма) прошла весь круг своих определений и возвратилась в тот мрак, откуда она вышла».

Так как автор противопоставляет марксизму не об'ективные основания, а только суб'ективные настроения, то к ним невозможно отнестись критически. Но сами эти настроения являются для марксизма вполне ясными и типичными явлениями мелко-буржуазного интеллигентского Katzenjammer'а в период упадка революционной волны.

Диссертация, о которой идет речь, была написана в 1920—21 гг. Затем автор переработал ее через несколько лет и выпустил в 1925 г. в изд. Густава Фишера в Иене. За это время автор превратился из простого студента в приват-доцента высшей технической школы в Ахене. Работа в результате переработки не выиграла, скорее даже проиграла, как по содержанию, так и по форме. Вместо юношеской свежести диссертации выступил тяжеловесный философско-социологический школьный язык. Приват-доцент, заботясь о карьере, превратил свою работу в обычное полемическое сочинение против марксизма; оригинальные черты диссертации почти совершенно исчезли. Едва ли стоит останавливаться на всех тех частностях, которыми автор снабдил свою диссертацию, использовав для этого антимарксистскую литературу всех направлений. При этом он ничего не прибавил своего и даже чужое не переработал оригинально. Успехи автора на приват-доцентском посту не представляют научного интереса.

Dr. Heinrich Levy-Koref. Karl Marx und Hegel. Zur Widerlegung der Legende vom jüdischen Marxismus. Berlin, Philo-Verlag, 1925, стр. 26.

Д-р Генрих Леви-Кореф. Карл Маркс и Гегель. К опровержению легенды о еврейском марксизме. Берлин. Издательство Фило. 1925, стр. 26.

Автор этой маленькой брошюры выступает против антисемитского «об'яснения» марксизма его «еврейским происхождением». Цель, которую он преследует, является таким образом чисто формальной и внешней, и на этом не стоит дольше останавливаться. Сущность критика выявляется тогда, когда автор пытается серьезно доказать, что учение Гегеля является «высшим выражением философии немецкого идеализма» и что оно не только оказало «решительное влияние» на учение Маркса, но что ему марксизм обязан и своими характерными особенностями. Книжка является продуктом новой философской буржуазной моды, кокетничающей с философией Гегеля, не имея представления об ее дей-

ствительной исторической форме. Она принимает за «душу» гегелевской философии ее мистическую оболочку, не подозревая даже в отдаленной степени об опасном, революционном и рациональном ядре гегелевской диалектики; в лучшем случае она переходит в слащавое резонирование об основных формах диалектического движения, не замечая в своей самодовольной ограниченности, что сам Гегель подверг уничтожающей критике остающиеся вечно тождественными себе основные формы резонирующего «эволюционизма»; из всего арсенала гегелевской философии она лишь выхватывает несколько ярких заплат, чтобы прикрыть ими рубище как своей собственной теоретической слабости, так и общих интересов буржуазии.

Таков смысл выражения автора, когда он говорит, что учение Гегеля «теперь вновь приобретает значение» (стр. 5). Таков же смысл его выражения, когда он говорит о «колоссальном и чудесном лабиринте» гегелевской философии (стр. 5); основной смысл этой философии он усматривает, согласно традиционной схеме, в «тезисе, антитезисе и синтезе», т.-е. представляет его чисто внешне (стр. 7, 8). Он пытается «обосновать» «в общих чертах» гегелевскую диалектику, как «изображение движения действительности» (стр. 7, 8); исходя из этого абстрактного основного положения, он в дальнейшем уснащает свое изложение напыщенными фразами «о ритме», «волнующейся жизни» и т. д.

Все это является у нашего автора общим с остальными представителями «новогегельянской» моды; но в дальнейшем оказывается, что он представляет особую разновидность. Он хочет провести «общее сравнение» между Гегелем и Марксом, и именно с той целью, чтобы доказать «их согласие» в основном (стр. 17). Если раньше И. Пленге изображал отношение Маркса к классическому немецкому идеализму как «падение титанов», то теперь Леви-Кореф хочет вернуть вновь упавшего ангела в чистое небо идей. «Преображение господне» следует за «новогегельянским» заклинанием мертвых. Дело происходит таким образом: после того, как наш философский кудесник осенил себя крестным знамением от чар материализма (это слово он приводит в кавычках), он явно превращает материалиста Маркса в «позитивистически настроенного мыслителя» (стр. 9), в «реалиста, занятого изучением материального мира» (стр. 18), — но тайком он с великолепной последовательностью превращает его в полного идеалиста. Он об'являет, что диалектически «сперва является закон мышления Маркса и, как следствие этого, закон того, что является миром Маркса: т.-е. человеческого общества и истории его» (стр. 13. Курсив наш). Действительное соотношение бытия и мышления становится вновь на голову. В соответствии с этим он без затруднений находит у Маркса «все характерные особенности гегелевской диалектики и философии истории» вкупе с ее «консервативной стороной» (стр. 14, 15, 17). После этого ему уже нетрудно вновь превратить в гегелевское понятие свободы учение о свободной ассоциации во внеклассовом коммунистическом обществе (стр. 16). В заключение, революционная, преобразующая мир практика Маркса превращается в гегелевскую идеальную деятельность, а сам Маркс превращается в «ученого», который, правда, «не в силах удержать в границах» «страсти» политика (стр. 18), — но все же «в чисто гегелевском духе» считает «высшей, истинной свободой» «науку и философию и свободное от внешних целей проявление сил» (стр. 19). Существенное отличие Гегеля от Маркса сводится автором к тому, что в логическом отношении Маркс «отступил» от гегелевского понятия религии (стр. 8, 9), в историческом же отношении их различие об'ясняется разностью двух эпох: одной, «где даже философы были поэтами», и другой, где «даже поэты должны были стать политиками»; такова воля «духа времени», согласно которому вслед за «нео-гуманистической и эстетической эпохой» наступает «экономическо-реалистическая» (стр. 18, 19).

Таким образом Маркс вновь возвращается в лоно идеалистического Олимпа, — от его материальной исторической субстанции ничего не осталось, кроме «доминирующего элемента гегелевской левой» (стр. 17) и большей «эконо-

мико-теоретической последовательности» по сравнению с Гегелем (стр. 23, 24). Автор заявляет: «Три знаменитых марксистских положения», даже сама «теория пролетариата», «ясно и отчетливо» уже были выражены в известных 243 и 244 параграфах гегелевской философии права, а именно теория накопления, концентрации и, в особенности,—теория обнищания, которая характерным образом была распространена на умственный и психический мир (стр. 22).

Таковы главные выводы автора, который вульгарно толкует идеалиста Гегеля и идеалистически толкует материалиста Маркса. Свои выводы он об'являет «неопровержимыми» (стр. 24); это вполне соответствует самомнению алхимика-изобретателя. Поучительным и вместе с тем предостерегающим является то, что он последовательно выискивает в форме гегелевской диалектики именно ее мистические моменты. В общем можно согласиться с автором, что Гегель достоин похвалы за распространение теории обнищания на психический мир, ибо «углубленная логика» его новейшего почитателя представляется подобной тому давно известному методу, согласно которому человеческая голова и детский воздушный шар имеют, — по крайней мере в логическом отношении, — одну и ту же сущность, так как оба круглы, подвижны и пусты.

В. Ф. Асмус. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода от Канта до Ленина. Киев, изд. «Сорабкоп», 1924, стр. 225.

Автор определяет свою задачу, как попытку дать связный очерк исторического развития диалектического метода. Античная диалектика оставлена автором в стороне, так как, по его мнению, «диалектическая природа греков сильно преувеличена». Работа распадается на ряд глав, трактующих о диалектике у Канта, Фихте, Шеллинга, Бардили, Шлейермахера, Фр. Шлегеля, Гегеля, Фейербаха, Маркса и Энгельса. Этим главам предпослано обширное введение, содержащее анализ гносеологических и логических проблем. Здесь дается анализ таких вопросов, как проблема отношения бытия и мышления, проблема формальной и диалектической логики и т. п. Анализ диалектики начинается автором с Канта. Заслугой Канта автор считает учение о логической и реальной природе противоречия, об относительности движения и покоя и об эволюции природы. Переходя от естественно-научных работ Канта к его гносеологическим работам, автор останавливается на антиномиях, отмечая заключающуюся в них диалектику. Диалектика у Канта имела незаконченный, половинчатый характер, потому что, с одной стороны, противоречия, по Канту, существуют только в природе мышления, а не в материальной действительности, с другой — и в мышлении противоречие исчерпывается лишь четырьмя парами антиномий. Автор справедливо ставит эти недостатки кантовской диалектики в прямую связь с дуализмом его системы.

В философии Фихте диалектика из простого констатирования противоречий разума превращается в универсальный метод познания и реальный принцип развития всего бытия. Диалектика у Фихте, таким образом, теснейшим образом связана со всей его философской системой, на которой автор и останавливается достаточно подробно. Автор правильно отмечает, что слабой стороной диалектики Фихте является необ'яснимость, в конечном счете, двойственности эмпирического суб'екта и об'екта. Синтеза, в котором бы эта двойственность снималась, у Фихте по существу нет. (На это, нужно сказать, указал уже Гегель.) При анализе диалектики Шеллинга автор отмечает ту громадную роль, какую играл в ней принцип противоречия. Отмечает автор, как важный момент диалектики Шеллинга, и принцип взаимодействия, которым связаны все вещи и явления действительности, и положение об относительной ценности понятий и законов формальной логики.

Диалектика Бардили, Шлейермахера и Фр. Шлегеля разобраны автором достаточно тщательно, основные моменты ее подчеркнуты и представлены вполне четко. Что касается Гегеля, то автор дает полное изложение основных

моментов его философии, указывая на ее связь с предшествующими системами немецкого идеализма, и считает учение о противоречии центральным пунктом гегелевской диалектики. Подробно разобрано им также учение Гегеля об отрицании и о синтезе, о причинности и взаимодействии, о переходе количества в качество, о свободе и необходимости.

Последняя, седьмая, глава посвящена диалектическому методу Маркса и Энгельса. По мере развития классической немецкой философии вопросы метода занимали в ней все более и более значительное место, пока Гегель не завершил эту эволюцию метода. Противоречия, в которые при этом впадала немецкая философия, отмечаются автором на всем протяжении ее развития, при чем автор умышленно сосредоточивает свое внимание «на внутренней эволюции диалектических систем, не обращаясь к анализу их предпосылок и их неизменной основы — в общественном бытии. Благодаря такой изоляции можно было яснее проследить внутреннюю диалектику самого идеализма, историю его роста и его неудач» (стр. 174). Приступая к анализу материалистической диалектики, автор пытается выяснить связь немецкого идеализма с общественным бытием и в результате своего исследования приходит к выводу, что «последняя причина несостоятельности классической буржуазной философии коренится в общественном бытии самого буржуазного класса и в его исторически обнаружившихся свойствах» (стр. 175).

Прежде чем приступить к анализу самого диалектического метода марксизма, автор излагает в сжатой и ясной форме ход философского развития Маркса и Энгельса, правильно оценивая влияние на них как Гегеля, так и Фейербаха. Основной чертой диалектического метода Маркса и Энгельса, по мнению автора, является историзм. Подвергая исследованию это положение диалектики, автор указывает на отличие его от «историзма» гегелевской диалектики. Принцип взаимной связи всех явлений — второй существенный момент диалектики Маркса и Энгельса. Анализируя это положение, автор указывает, что в основе его должно лежать «строго монистическое понимание бытия и диалектики»; уже Гегель это понимал, а «Маркс и Энгельс подвели под принцип взаимодействия твердую базу монистического, материалистического понимания истории»; они показали, что в основе всякого взаимодействия лежат экономические условия общественной жизни (стр. 198).

Диалектика противоречий есть третья существенная черта материалистической диалектики. У Маркса изучение всех реальных противоречий в строении общества стояло в центре исследования. Для него противоречие есть отражение глубочайшей сущности общественной жизни, оно образует истинную пружину его развития и истории. Автор подробно останавливается далее на проблеме развития, указывая на то значение, какое имела триада для Маркса. У Маркса триада никогда не выступает в качестве обязательной схемы или масштаба исследования. Она всегда у него формула, выражающая «итог тщательного конкретного изучения данного исторического процесса» (стр. 205). Переход количества в качество и обратно является тоже существенным моментом диалектики Маркса и Энгельса; автор останавливается иа нем довольно подробно. Вопрос о возможности и значении скачков — труднейший вопрос теории развития — получил в материалистической диалектике строго научное обоснование. Именно на учете эволюционного и революционного момента в развитии основано гениальное учение Маркса о переходе необходимости в свободу. Анализируя это учение, автор показывает его крепкую внутреннюю связь с пролетариатом, как революционным классом.

Книга Асмуса является вполне научным исследованием по истории диалектики. Автором тщательно проанализирован большой материал, вскрыта связь диалектики, как метода, с самими философскими системами, указаны недостатки диалектики того или иного философа. Диалектика Гегеля и диалектика Маркса и Энгельса представлены в невульгаризированном виде. Есть, конечно,

кое-какие недочеты; например, анализ «общественного бытия», составляющий базис немецкой философии, дан несколько бегло и чересчур обще, не всегда достаточно ясно вскрыта связь онтологических и логических предпосылок философии того или иного мыслителя, переходы и связь философских систем несколько логизированы, но в общем автор удачно справился со своей задачей.

Г. В. Плеханов (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Сокращенное изложение и примечания Н. Н. Андреева. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1925, стр. 157.

В издании Н. Н. Андреева классическая книга Плеханова становится почти неузнаваемой: Н. Андреев изгнал со страниц своего издания всю полемику Плеханова с народниками. Эта операция проделана им под тем предлогом, что «современный юноша... едва ли испытает большое удовольствие, наткнувшись на полемику с Михайловским, Кареевым, В. В., Николаем — оном и другими представителями народничества в конце прошлого века». Если подобный «современный юноша» ничего не знает о спорах марксистов с народниками, то, по мнению Н. Андреева, ему и не следует о них знать. Напротив, полемическую боевую книгу Плеханова нужно приспособить к «незнанию» такого «юноши» путем исключения из книги всей полемики.

Приемы Н. Андреева должны быть осуждены самым решительным образом. Они антипедагогичны и антинаучны. Нельзя знать марксизм без изучения «Анти-Дюринга» Энгельса со всей его полемикой, без изучения «Анти-Бернштейна» Каутского со всей его полемикой. Точно так же нельзя знать, и притом не только историю марксизма в России, но и теорию ее, без изучения «К вопросу...» Плеханова. Полемика с народниками неотделима у автора от самого существа книги. И не приспособляться к гипотетическому юноше должен издатель, вроде Н. Андреева, а «приспособлять» этого «юношу» к Плеханову.

Примечания Н. Андреева сводятся к нескольким указаниям его (далеко не полным) на другие работы Плеханова, затрагивающие аналогичные проблемам «К вопросу...» темы. Н. Андреев сделал бы гораздо более полезное дело, если бы вместо этих отсылок, — которые, собственно говоря, не могут быть названы примечаниями, — дал действительные примечания, раз'ясняющие обстоятельства и пункты полемики марксистов с народниками. В настоящем же виде издание плехановского труда является делом по меньшей мере бесполезным и никчемным.

Николай Перлин. Исторический материализм. Опыт методологического построения. Гиз Украины, Киев 1925, стр. 138.

В противоположность составителям многочисленных учебников по историческому материализму, автор задается целью поставить проблему методологического построения исторического материализма. Задача при этом с его точки зрения заключается в том, чтобы «об'яснить логически возникновение каждой социологической категории» (стр. 6). И поэтому центральным вопросом является вопрос, почему именно данные общественные отношения представляются людям религиозными, художественными, правовыми и т. д. приобретают именно эту форму. Уже к этому следует сделать замечание. Проблема, почему необходима на той или иной ступени развития та или иная общественная форма, действительно важнейшая проблема, однако в том, как она поставлена автором, заключается уже ошибка. Он хочет логически вывести все социологические категории из некоего исходного пункта материалистического понимания истории. Это невозможно, поскольку ответ на поставленную проблему может быть дан только в результате исторического изучения предмета при помощи марксистского метода.

Вся первая часть книги посвящена изложению философских основ марксизма. «Оригинальность» автора заключается здесь в том, что он сводит отношение между материализмом и идеализмом к спору между об'ективной и суб'-

ективной точками зрения. Это неверно, а исходя из этого неверного положения, автору, далее, кажется, что материалистическая диалектика будто «решительно порывает как с суб'ектом, так и с об'ектом, как исходной философской точкой зрения». Марксовское понимание «предметной человеческой деятельности» он толкует при этом в том смысле, что с точки зрения марксизма реальный мир живой и мертвой природы является для человека реальным миром, лишь поскольку он покоряется человеком (стр. 29). Это — суб'ективизм, несомненно более близкий к Г. Лукачу или даже к А. Богданову, чем к Марксу. Влияние Г. Лукача, в частности, видно на всех построениях автора.

Диалектический метод изложен автором также совершенно неправильно. Для него «противоречия в истинах, это суть противоречия в действительности» лишь «с нашей человеческой точки зрения» (стр. 38). Это — влияние совершенно неосновательной богдановской критики диалектики, отрицающей об'ективное существование противоречий в самых вещах.

В части, касающейся непосредственно исторического материализма, автор делает попытку так разграничить понятия сущности и формы проявления исторического процесса, что форма проявления у него приобретает только суб'ективное, отраженное в голове человека значение (ср. стр. 79): Диалектическое понимание отношения сущности и явления, как неразрывно связанных друг с другом и проявляющихся одно в другом, у него исчезает. Отсюда у него, например, искусство отождествляется с религией, как призрачная и суб'ективная форма.

Наибольший интерес и действительную ценность для проблем исторического материализма имеет глава, посвященная диалектике производительных сил и производственных отношений, в которой автор совершенно правильно выдвигает необходимость динамического рассмотрения производительных сил.

Конец книги посвящен разбору учебников исторического материализма т.т. Сарабьянова, Бухарина и Подволоцкого (по теории права) и критике идеалистического понимания истории, в частности Риккерта.

Ф. Дингельштедт. Диалектический материализм в теории и на практике. Популярные очерки диалектики и материализма, как основы коммунизма. Под ред. В. Юринца. «Буревестник», Ростов-на-Дону 1925, стр. 56.

Ф. Дингельштедт. Причинность и целесообразность. «Буревестник», Ростов-на-Дону 1925, стр. 47.

Обе брошюры Ф. Дингельштедта претендуют на популярное изложение основ диалектического материализма в связи с революционной практикой. Задача эта трудна, ибо в данном случае мало придерживаться правильной точки зрения, — необходимо еще умело преподать мало подготовленному читателю хотя бы и правильно освещенный материал. Популярная брошюра отнюдь не должна в конспективной форме повторять «толстые» книги. Между тем именно этот недостаток имеет место в двух первых главах первой брошюры Ф. Дингельштедта. Изложение до того сжато, до того пестрит именами, ничего не говорящими мало подготовленному читателю, что задача автора никак не приближается к своему решению. Кроме того, встречаются и промахи автора; так, имманент Шуппе смешивается с чистым сенсуалистом Беркли лишь на том основании, что оба они были суб'ективными идеалистами. Однако дело в том, что Шуппе приходил к социализму, исходя из априоризма, а Беркли — отправляясь от чистого эмпиризма.

Третья глава первой брошюры «Бытие и сознание в революции» более удачна по изложению, она почти не связана с двумя первыми главами. Это произошло вследствие того, что Ф. Дингельштедт не остановился достаточно отчетливо на категории класса. Изложение принципов диалектики ведется автором по крепко, к сожалению, уже установившемуся у нас обычаю: путем перечислений. Тем самым об'ективное развитие диалектических категорий совершенно смазывается.

Вторая брошюра Ф. Дингельштедта, очевидно, является воспроизведением какого-либо доклада автора и потому тем более превращение ее в якобы популярную брошюру недопустимо. Автор представляет решения проблемы причинности в историческом порядке различных философских школ. Там, где он мог опереться на марксистскую литературу, его изложение удовлетворительно; там же, где марксистская литература отсутствовала, автор оказывается в довольно беспомощном состоянии.

Научной ценности брошюры Ф. Дингельштедта не имеют, популярными же они не могут быть названы по самому характеру своему.

Л. И. Аксельрод-Ортодокс. Критика основ буржуазного обществоведения и исторический материализм. Курс лекций. Выпуск I. «Основа», Иваново-Вознесенск 1924, стр. 105.

Книжка — только первый выпуск курса лекций, читанного автором в Тамбове и печатавшегося частями в журнале «Красная Новь». Работа в своем теперешнем виде имеет главной задачей «обнаружение невозможности научной социологии на основе позитивизма и идеализма» (стр. 3. Курсив автора). Положительное изложение исторического материализма тем самым откладывается до будущих выпусков». Последние, однако, как известно, не появлялись. Работа осталась, таким образом, только намеченной.

В соответствии с поставленной целью автор подвергает критике аналогический метод в социологии Спенсера (лекции 4 и 5) и философско-историческую теорию Риккерта (стр. 6 и 7). Критике этой предпосылается выяснение возможности исторических законов, краткий очерк развития философско-исторической мысли и анализ методологических основ социологии в их развитии.

Критика в большинстве случаев удачна, хотя отдельные лекции и перегружены всякими «приступами», «отступлениями» и т. п. Однако автор не использовал всех возможностей, которые дает марксизму обладание диалектикой. В критической части это сказывается, в особенности, в том, что, опровергая аналогический метод Спенсера, автор лишь мимоходом указывает на качественное различие общества от животного организма, тогда как для марксиста центр проблемы заключаются именно здесь. К этой же категории недостатков надо отнести и то, что автор в борьбе с суб'ективистскими тенденциями Михайловского и др. (стр. 63—65) перегибает палку в сторону об'ективизма, не замечая, что диалектический материализм никак не может стоять на почве пошлого и плоского об'ективизма. Поэтому ответ на обвинение «учения об об'ективно-исторической закономерности» в фатализме, ответ, данный словами Спентера (!—а не Маркса), теоретически не обоснован.

Еще хуже обстоит дело с диалектикой при положительном изложении вопроса. Автор спрашивает: «Возможно ли найти и установить... общие и общепризнанные (разве в общепризнанности дело?) законы в исторической области?» (стр. 8). Утвердительный ответ на этот важный вопрос выводится, в конечном счете, из повторяемости общественных явлений. Последняя же понимается (стр. 10—11) как круговорот, хотя в одном месте (стр. 10) автор и упоминает о повторениях другого типа — отдельные общественные группы при одинаковых условиях переживают одинаковые общественные формы (первобытный коммунизм, феодализм и т. д.). Для диалектика ясно, что круговорота в развитии общества, взятого в целом, нет и не может быть: одинаковость явлений на разных ступенях общественного процесса может быть усмотрена лишь при поверхностном, абстрактном их рассмотрении и при переоценке одинаковости развития отдельных социальных единиц. Именно это и предполагает, очевидно, автор. Отсюда неизбежный вывод о существовании абстрактных законов общественного развития, — вывод, в котором очень мало диалектики. В одном месте (стр. 9) автор, чувствуя шаткость своей позиции, говорит о закономерности, а не о законах, но это сейчас же забывается. Между тем, — если не спорить о словах, — термин «закономерность» значительно более

правилен; именно он позволяет учитывать конкретное развитие данной обстановки, так как синтезирует в себе понятие абстрактного закона и всей сложности действительных причинных зависимостей, в которых закон проявляется как тенденция. Короче говоря, автор забывает в этом своем утверждении основное правило диалектики — необходимость отказаться в своем анализе от метафизически-абстрактных и оперировать лишь диалектически-конкретными категориями. Именно это и побуждает его говорить о марксистской социологии, хотя таковой не существует (в некоторых местах, опять-таки чувствуя шаткость своей позиции, автор говорит о «принципах методологического свойства», а не о социологии), ибо марксизм по существу своему конкретен. На всей работе лежит печать недостаточно глубокого понимания диалектического материализма. Это сказывается как в указанных выше ошибках, так и в отказе от категории «взаимодействия», имеющей колоссальное значение для марксиста. Автору кажется, что ее можно принять только в том случае, если взаимодействующие элементы сводятся к чему-то третьему (стр. 26). На деле же взаимодействие, скажем, базиса и надстройки существует вовсе не потому, что их можно свести к чему-то третьему (здесь «третьего не дано»), а потому, что они представляют собою единство: надстройки суть формы проявления базиса, и только. В силу этого единства они и могут взаимодействовать.

Для правильного понимания исторического материализма необходимо в наше время применение диалектики Маркса-Энгельса в ее неразумном виде. Работа Л. И. Аксельрод-Ортодокс не принадлежит, к сожалению, к этой категории.

Однако, кроме указанных принципиальных искажений, автор допускает и некоторые исторические неточности. Так, на стр. 29 дважды упоминается некий Эвульд, хотя история знает Эльвуда (Ch. Ellwood), издавшего в 1912 г. свою «Sociology in its psychological aspects». Столь же небрежное обращение с действительными фактами имеем мы на стр. 9, где маркиза Дюбарри, фаворитка Людовика XV, трижды об'является покровительницей французских генералов в эпоху Семилетней войны. Так как Дюбарри стала фавориткой в 1764 г., а Семилетняя война в это время уже кончилась (1763), то ясно, что влияние Дюбарри на проигравших войну генералов никак не могло иметь место. Из-за этого же не стоило и критиковать суб'ективистов. Автор, очевидно, путает здесь Дюбарри с ее предшественницей, фавориткой Помпадур (Ср. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 289, откуда и взято все об'яснение примера, — правда, без указания источника Для автора вообще характерно полное отсутствие ссылок на работы Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина и т. д.). Встречаются иногда и шероховатости стиля, затемняющие смысл фразы. Примером может служить следующее: «Политика английского парламента эпохи революции отличается от политики Генриха VIII в такой мере, что политическая деятельность того и другого периода до такой степени отличаются друг от друга (!?), что (!) подведение их под общее понятие не может привести к общему закону» (стр. 99).

Otto Köster. Zur Kritik des historischen Materialismus. Oldenburg, Leipzig; Sammlung «Entschiedene Schulreform», Heft 47, pp. 64.

Отто Кестер. К критике исторического материализма. Ольденбург, Лейпциг. Серия «Решительная школьная реформа», вып. 47, стр. 64.

Автор — кантианец; сама брошюра принадлежит к многочисленным попыткам «обновить» марксизм посредством «смычки» с Кантом. Представляет интерес в ней только то, что здесь ясно можно проследить, как подобного рода попытки «улучшить» марксизм представляют параллель его вульгаризации в социал-демократической теории. Автор знает марксизм очень поверхностно. Он представляет себе следующим образом происхождение исторического материализма: «вполне реалистически и позитивистически настроенные» мыслители, — Маркс и Энгельс, — не были удовлетворены как «конституцией понятий» Гегеля, так

и «гуманизмом» Фейербаха; «таким образом они перешли к самостоятельной попытке построить социальную философию».

Полемика по вопросам исторического материализма ведется не столько против Маркса и Энгельса, сколько против Кунова, Каутского и Макса Адлера, т.-е. именно против вульгаризаторов марксизма. Тот «марксизм», с которым сражается автор, представляет на самом деле теорию немецкой социал-демократии в эпоху ее упадка. Главным образом автор нападает на поведение немецкой социал-демократии, начиная с 4 августа 1914 г., когда она голосовала за правительство, и на то «теоретическое обоснование» этого шага, которое давалось ею и которое автор считает марксистским. Он цитирует из книги Кунова «Крушение партии» те положения, где Кунов доказывает, что социал-демократия действовала 4 августа вполне по-марксистски, так как если империализм являлся экономической необходимостью, то ею же являлась и империалистическая война, следовательно, и признание этой войны, а значит и политика социал-демократии (стр. 18). Эту теорию безвольного подчинения всякой господствующей власти, как исторически необходимой, теорию, которую, — как доказывает Кестер, — разделяют также М. Адлер, Каутский и др., он считает «чреватой опасностью полного уничтожения всякого чувства личной ответственности, дающей заранее отпущение грехов за все будущие прегрешения, таящей опасность фаталистического мировоззрения» (стр. 21). Эта критика, которую он иллюстрирует целым рядом примеров из истории предательств социал-демократии, занимает всю первую главу.

Вторая глава должна указать средства к преодолению «марксизма». «Сам марксизм не дает противоядия против обрисованных здесь опасностей, которые таит в себе исторический материализм». Единственное средство против этого — теория познания. Для того, чтобы мы могли с успехом бороться с этими опасностями, мы должны отдать себе отчет, с точки зрения теории познания, в происхождении, значении и пределах применения понятия причинности. Только таким способом мы можем спасти марксистский социализм от внутреннего разложения. «Маркс не занимался теорией познания в собственном смысле слова» (стр.34). Это последнее удивительное положение Кестер обосновывает тем, что Маркс, ослепленный гегелевской философией, не имел никакого представления о кантовской теории познания; с другой же стороны, «теоретико-познавательный метод Гегеля, поскольку о нем вообще можно говорить, находится в очень слабой связи с кантовским» (стр. 34). Затем следует еще несколько замечаний против Гегеля и Маркса, из которых видно, что Кестер знает их не столько по их собственным сочинениям, сколько по их вульгаризаторам. Ход мыслей его следующий: против «фаталистической» теории Кунова и К° с чисто марксистской точки зрения нечего возражать именно потому, что «чистый» марксизм не отдает себе отчета в значении понятия причинности, и это происходит вследствие того, что он не обладает теорией познания, подобной той, которую развил Кант. Поэтому необходимо дополнить марксизм кантиантством, чтобы таким образом получить действительно революционную теорию, определяющую гегелевскую деятельность.

Последние две главы заняты главным образом популярным изложением Критик чистого и практического разума и не представляют собою интереса. В этой работе интересным представляется тот факт, что кантианство, которое у Макса Адлера, Форлендера и др. служит подспорьем ревизионизму, здесь применяется против него, но не для того, чтобы восстановить революционное содержание марксизма, а для того, чтобы впервые обосновать его. В особенности же это сочинение поучительно в том отношении, что показывает неразрывную связь философской и политико-экономической подделок марксизма.

Hans von Hentig. Ueber den Zusammenhang von kosmischen, biologischen und sozialen Krisen. Tübingen, Mohr, 1920, pp. 105.

Ганс фон-Гентиг. О связи между космическими, биологическими и социальными кризисами. Тюбинген, Мор. 1920, стр. 105.

Глава I.—Атмосферические и теллурические переворoты. Глава II.—Биологические и социальные кризисы. Глава III. К вопросу о причинной связи.

Книга эта является «теорией» революций и снабжена советами для контрреволюционера-практика. Автор занимается, главным образом, великой французской революцией и немецкой революцией 1918 г. Он пытается доказать следующий тезис: революции возникают не «из хозяйственной разрухи», они вообще не «делаются» людьми, а являются «духовными эпидемиями», которые вызываются внешними физическими влияниями и обрушиваются на человечество. Таким образом, революции являются с точки зрения нашего автора социальными болезнями, и причины их следует искать не в явлениях социального порядка.

Доказательство этого тезиса ведется следующим образом.

В первой главе приводится длинный реестр землетрясений, эпидемий, наводнений и других стихийных катастроф, начиная с Моисея; список этот должен служить доказательством того, что вместе с подобными физическими явлениями регулярно возникают и «психические» потрясения. Для иллюстрации метода нашего автора приведем несколько примеров. «После эпидемии гриппа, свирепствовавшей в Америке в 1772 г., в 1773 г. начинается американская война за независимость вместе с бостонским восстанием» (стр. 20). «Замечательно, что парижскому коммунистическому восстанию предшествовала необыкновенно холодная зима» (стр. 27). «В 1866 г. свирепствовал мор (имеется в виду холера), начавшийся в Германии еще до войны; в 1867 г. основана социал-демократическая партия; в 1868 г. произвели опустошения полчища майских жуков; в этом же году в Японии произошла революция, и в этом же, 1868, году произошло колоссальное землетрясение на западном берегу Южной Америки»... (стр. 27). Все 30 страниц первой главы заполнены сопоставлениями подобного рода. Подготовленный таким образом читатель находит во второй главе подробный анализ социальных форм этих «физических кризисов». Бóльшая часть изложения занята французской и немецкой революциями. Если же наш автор привлекает материал и из других эпох, то лишь для того, чтобы при помощи аналогий придать бóльшую убедительность своему взгляду на природу революций. Так как он должен доказать «патологический» характер революции, то в его изложении все наблюдаемые в революции явления принимают характер симптомов «душевных заболеваний». Приведем несколько примеров: взятие Бастилии, это — «взрыв патологического страха масс» (стр. 34). «Болезненная страсть искать повсюду заговоры сказывается и в немецкой революции» (стр. 37). «Одной из форм проявления страха является наблюдаемое в революционные эпохи стремление масс вооружаться» (стр. 39). «Многочисленные освобождения тюремных заключенных, имевшие место во время немецкой революции, можно понять только, если иметь в виду эмоцию страха и вытекающее из нее стремление добыть себе во что бы то ни стало союзников» (стр. 41).

Само собою разумеется, что в разбираемой книге огромное место отведено перечислению половых извращений, являющихся якобы специфической особенностью всех революций: подчинение версальскому договору, это — явление патологического мазохизма, сам же версальский договор — продукт садизма и т. д. Даже известная фотография, на которой Эберт и Носке изображены в купальных костюмах и которая в свое время обошла все немецкие иллюстрированные издания, приводится как симптом патологического полового эксгибиционизма, характеризующего всех революционеров (стр. 79).

В чем тайна победоносных революций? «Французская революция имела успех лишь потому, что ее противников и всю массу беспартийных охватил какой-то необ'яснимый духовный паралич» (стр. 54).

Поэтому наш автор для борьбы с грядущими революциями рекомендует следующий рецепт: «Если высшие классы прибегнут к бескровной самозащите, руководство которой будет принадлежать им самим, а не наемным солдатам и полицейским, то они будут спасены. Когда палка будет в руках образованного общества..., тогда революции наступит конец» (стр. 87).

Разумеется, наш автор не жалеет места для изложения ходячих контрреволюционных легенд; он перечисляет их все, начиная от «цепочек из человеческих ушей», которые революционные французские солдаты носили якобы вокруг шляп, и кончая «ужасами мюнхенского избиения заложников». Его главным источником для французской революции является Тэн.

Третья глава посвящает нас в тайны его научного метода: на войне он наблюдал, что среди солдат возникали известные «нервные расстройства» (нежелание работать, чванство офицеров, желание спать и т. д.), которые он сводит к климатическим влияниям; кроме того, он еще «открыл», что в период совокупления, т.-е. в момент повышенной половой деятельности, многих животных охватывает страшная дикость. В соединении обоих этих фактов он видит источник всех революций; климатические и другие физические потрясения вызывают в массах «психические расстройства», которые приводят к половому помешательству, а от него прямым путем или же путем ряда промежуточных звеньев — к революции.

Книга, со всем ее запасом контр-революционной мудрости, заканчивается указанием на то, как можно, основываясь на подобных симптомах, заранее предвидеть революции и во-время «вырвать у гидры революции ее ядовитые зубы».

Schriften der deutschen Gesellschaft für Soziologie. Serie I. Verhandlungen der deutschen Soziologentage, Band IV. Verhandlungen des Vierten Deutschen Soziologentages am 29. und 30. Sept. 1924 in Heidelberg. Tübingen, I. Mohr.

Труды немецкого социологического общества. I серия. Протоколы немецких социологических с'ездов, том IV. Протоколы четвертого с'езда немецкого социологического общества 29 и 30 сентября 1924 г. в Гейдельберге. Тюбинген, И. Мор.

Главный интерес этого отчета представляют доклады Макса Шелера (Кёльн) и Макса Адлера (Вена) о «Науке и социальной структуре» и дискуссия по ним. Остальное содержание сборника составляют разные вступительные речи на конгрессе, а также доклады и дискуссия о «социологии и социальной политике»; они не представляют особого интереса.

Макс Шелер, читавший доклад о «науке и социальной структуре», принадлежит к школе Гуссерля. Основным тезисом Шелера, который он развивал с большим красноречием, является следующий: «Независимой переменной, определяющей оба царства форм, науку и рабочую технику, является наличная волевая структура руководителей общества (в которых получают преобладание самые разнообразные стремления, познание чего является проблемой психоэнергетики в сочетании с психологическим учением о наследственности) в тесном единстве с тем, что я называю «этос», т.-е. господствующими правилами, определяющими значение духовных ценностей» (стр. 143, 144). «Параллелизм» между положительной наукой и производственными отношениями имеет «третью общую причину, а именно наследственную волевую структуру вождей, в последнем счете чистоту их крови и связанный с ней новый этос» (стр. 145, 146). Таким образом, основным тезисом Шелера является расовая теория. Ядром его «феноменологической» метафизики является обычная пропаганда фашистов или «народной» партии. Для того, чтобы познакомиться с идейными течениями современной немецкой буржуазии, представляется интересным заключительное положение Шелера: «В противоположность учениям позитивизма и марксизма, а также положительным религиям, сковывающим в тесные пределы метафизическое творчество, — мы убеждены, что в Европе и Северной Америке должна последо-

вать вслед за позитивной и естественно-технической эпохой метафизическая и психотехническая эпоха, — в Азии же вслед за в высшей степени односторонними метафизическими эпохами ее культуры должна последовать позитивная научная естественно-техническая эпоха» (стр. 78).

Отличительным признаком содоклада Макса Адлера является капитуляция на три четверти перед буржуазной наукой в общем и шелеровой премудростью в особенности. Сплошное недоразумение, — говорит М. Адлер, — считать марксизм материалистическим. Экономические отношения являются «также духовными отношениями». «Марксизм, таким образом, представляет себе общественную жизнь как систему всеобщей духовной деятельности». Основой критически переработанного марксизма является «духовный монизм», в котором экономические отношения являются уже «духовными отношениями» (стр. 189). Адлер преклоняется пред религией: «Что религия и наука не находятся во вражде между собой, является тем положением, к которому кантианец относится с живейшим сочувствием» (стр. 195). Он приветствует возрождение метафизики: «Нет никакого сомнения: метафизика еще переживет эпоху расцвета, потому что она должна ее иметь» (стр. 196).

Но несмотря, или, может быть, именно благодаря этой капитуляции на три четверти, собравшиеся социологи прогоняют сквозь строй Макса Адлера. Альфред Вебер из Гейдельберга говорит о «квази-марксистах». Известный Мейзель полагает, что в известном отношении Шелер является «наилучшим марксистом».

Спор между Шелером и Адлером и примыкающая к ней дискуссия во всяком случае являются поучительным для ознакомления с идейными течениями современной немецкой буржуазии и с процессом разложения австрийского марксизма благодаря этим течениям.

О. Танхилевич. Эпикур и эпикуреизм. Труды Института красной профессуры. Философская серия под редакцией А. М. Деборина. «Новая Москва» 1926, стр. 144.

И. Боричевский, проф. Древняя и современная философия науки в ее предельных понятиях. Часть I. Научные письма Эпикура. Гиз. 1925, стр. 123.

Первая книга является марксистски выдержанным и популярно написанным исследованием о философии Эпикура и последователях эпикуреизма. Книжка состоит из следующих глав: «Эпоха Эпикура», «Генезис теории Эпикура», «Учение Эпикура (теория познания, физика, этика)», «Эпикуреизм в древнем Риме», «Эпикуреизм в Риме и эпикуреец Лукреций», «Эпикуреизм во Франции XVII и XVIII веков». Очень трудная задача восстановления по источникам древней философии автору вполне удалось. Теория познания, физика и этика Эпикура изложены автором почти с исчерпывающей полнотой и необходимым доксографическим материалом. В последних главах автор прослеживает, каким образом система видоизменялась в школах римских эпикурейцев и во Франции XVII и XVIII веков.

Автор отмежевывается от двух положений, почти общепринятых в критической литературе об Эпикуре. Был ли Эпикур настоящим атеистом? Целый ряд исследователей склоняется к этой точке зрения. Мы, напротив, полагаем, что Эпикур не был атеистом в греческом смысле слова и что он в своей критике религии не пошел дальше критики суеверий». Вторым спорным вопросом автор считает: был ли Эпикур последовательным материалистом или нет? По мнению тов. Танхилевич, Эпикур «не смог остаться последовательным материалистом», хотя он «сам действительно хотел быть» строгим материалистом. Это ему не удалось ввиду признания индетерминизма.

Точка зрения автора сама по себе не вызывает возражений. Но если вышеприведенными положениями автор думает об'яснить историческое место Эпикура,

принципиальную и индивидуальную суть его философии, то он глубоко ошибается. О каком из древне-греческих философов нельзя сказать, что он «не был атеистом в греческом смысле слова»? Все они «не были атеистами в греческом смысле слова». В применении к конкретной и притом сложнейшей фигуре, к Эпикуру, это положение превращается в пустую забаву. Атеизм надо брать исторически, конкретно, а не в современном смысле, и тогда окажется, что то, что для нас полно религиозного значения, для грани веков IV и III было только антирелигиозным, хотя и не было атеистическим.

Спорным надо признать и то положение, что Эпикур в физике якобы был рационалистом. «Физика Эпикура не имеет ничего общего с эмпирическим рассмотрением вещей». Достаточно отметить, что прямого доксографического обоснования этой мысли в книжке тов. Танхилевич мы не нашли. Зато много говорят доксографические источники о том, как тесно связана у Эпикура физика с теорией ощущений.

Важно при всем этом подчеркнуть, что указанные недочеты не умаляют больших достоинств книги, как необходимого пособия по изучению философии Эпикура, этого «радикального просветителя древности», по выражению Маркса.

Что касается работы проф. И. Боричевского, то она дает перевод писем Эпикура к Геродоту, Пятоклу и Менойкею и избранных изречений Эпикура. Перевод имеет ценность для всех, кто изучает историю древнего материализма. Толкования же и вступительные статьи автора страдают расплывчатостью основного понятия книги: «философия науки». Под последним термином у автора явно подразумевается позитивистическая — антидиалектическая и антиматериалистическая — философия. Отсутствует анализ источников об Эпикуре, что недопустимо при тех поправках, которые автор вносит в текст Узенера. Противоречит историческим фактам мнение автора, что Эпикур был «первым теоретиком научного метода». Нет критического анализа источников Лукреция.

И. М. Альтер. Философия Гольбаха. Труды Института красной профессуры. Секция философии под общей редакцией **А. М. Деборина.** «Новая Москва» 1925, стр. 281.

Книга И. Альтера — первая крупная работа о Гольбахе. До нее, начиная с известного очерка Г. В. Плеханова (в «Очерках по истории материализма»), у нас были лишь отдельные статьи, посвященные французскому материализму XVIII века. Брошюра Берковой о Гольбахе (М. 1923) представляла собой, по существу, лишь изложение «Системы природы».

Работа И. Альтера распадается на три части: 1) «Эпоха Гольбаха», где на фоне экономического и политического кризиса предреволюционной Франции рисуется борьба классов и выясняется роль просветителей, 2) «Жизнь и деятельность Гольбаха», где представлены этапы жизни мыслителя, его среда и условия работы, и 3) «Философия Гольбаха». Последняя часть, — основная часть работы,—содержит изложение и оценку, с точки зрения диалектического материализма, всего миросозерцания Гольбаха. Перед читателем проходят: онтология и теория познания Гольбаха, его этика, его социально-политические воззрения и, наконец, его атеистические взгляды. Последняя глава дает общую оценку историко-философской роли Гольбаха и вместе с тем французского материализма XVIII века в целом. Как приложение, дана библиография (51+165 номеров), опирающая в основной своей части на работы Röck'a, Pearson-Cushing'a и И. Луппола. В этой библиографии встречаются указания на такие книги, в которых имя Гольбаха едва упоминается. Чрезвычайно полезен указатель имен, которым заканчивается книга.

Работа И. Альтера, несомненно, является исследованием по первоисточникам. В этом — достоинство книги. Однако видно, что не все произведения Гольбаха были в распоряжении автора. В частности, его атеистические памфлеты, вся его пропаганда атеизма требовали бы большего отражения. Равным образом

было бы желательно видеть в книге отражение той полемики, которая возгорелась вокруг «Системы природы».

В оценке философии Гольбаха, его роли и значения, автор весьма сдержан. Исторически-революционный характер фигуры Гольбаха смазывается, Гольбах не дооценивается. Он получает, например, от автора название «буржуазного реформиста» (стр. 73); в другом месте без достаточных оговорок идет речь о «монархизме» Гольбаха (стр. 54); далее читатель узнает, что Гольбах «предвидит, что старую религию нужно заменить не просто атеизмом, а религией атеизма» (стр. 239).

Эти внутренние недостатки анализа автора об'ясняются забвением им исторической перспективы, в которой следует рассматривать метафизический и механический материализм XVIII века.

К числу внешних недостатков, нетерпимых в научной работе, относятся небрежности и ошибки, из которых необходимо указать на следующие: согласно стр. 63; Гельвеций умер в 1772 году, согласно стр. 80—в 1771 году; согласно стр. 80, книга Гельвеция «De l'Esprit» вышла в свет в 1756 году, согласно стр. 115—в 1758 году; на стр. 63 сказано, что Дидро умер в 1782 году (на самом деле — в 1784 году); на стр. 68 в тексте значится, что Гольбах родился в декабре 1723 года, а в выноске, — что «в начале» или «в январе»; на стр. 115 год выхода в свет «Человека-машины» Ламеттри показан как 1745 (вместо 1747); на стр. 140 (и в библиографии) указано, что Гольбах перевел на французский язык «De homine»; на самом деле Гольбах перевел с английского «Human Nature»; на стр. 160 текст второго тезиса Маркса о Фейербахе приведен в неправильном переводе Плеханова; на стр. 213 указано, что трактат Беккарии «Dei delitti e delle pene» на французский язык перевел аббат Мабли, а на самом деле он был переведен аббатом Морелле; на стр. 264 два последних знаменитых письма Толанда из «Letters to Serena» (четвертое и пятое) приписаны Гольбаху; «Des erreurs et de la vérité», — основная и об'емистая работа известного мистика Сен-Мартена, — названа «полемической брошюрой».

Эти мелкие небрежности не исключают общих достоинств книги тов. Альтера. Она ценна, полезна и интересна.

Валентин Рожицын. Гегель и Фейербах о религии. М., Госиздат, 1925, стр. 99.

Религия, — говорит автор, — есть проблема не философская, а этнологическая, считать же ее проблемой философии было бы «глубочайшей методологической ошибкой». Этими взглядами на религию определяется, по словам автора, его отношение к Гегелю и Фейербаху. Его цель состоит в том чтобы показать, что «дали Гегель и Фейербах научному пониманию религии, как предшественники современной этнологии».

Касаясь взглядов Гегеля на религию, автор отмечает, что Гегелю принадлежит заслуга отрицания ложного богословского учения о развитии религии и установление правильного отношения к ее развитию, — она развивается от низших форм к высшим вместе с развитием общества. Гегель же создал задолго до Р. Марета «преанимистическую теорию», согласно которой анимизму в религии предшествовала магическая религия. Автор указывает, что в своих воззрениях на сущность и значение этой магической религии Гегель совершенно сходится с современным этнологом Фрэзером и что знаменитая книга последнего: «Золотая ветвь», пытающаяся разгадать смысл странного обряда ритуального убийства жреца, является в конечном счете развитием тех мыслей, которые высказал Гегель по этому поводу.

Непреходящей ценностью в теории Гегеля о развитии религии является утверждение, что древнейшей формой религии была магия, находящаяся в прямой зависимости от практических потребностей примитивных народов. В изложении же основ и истории христианской религии Гегель дал чисто идеалистическую

схему трех ступеней эволюции царств «отца», «сына» и «духа». Таким образом, только начальные главы религиозной эволюции освещены Гегелем совершенно правильно с этнологической точки зрения.

В главе о Фейербахе автор замечает, что «атеизм Фейербаха не был вполне антирелигиозным; он всегда сопровождался попытками сохранить религию человеческой взаимной любви». Автору совершенно непонятно то восторженное отношение, какое встретила в 1841 году «Сущность христианства», — книга, в которой так силен «богословский привкус» и так ложно понята вся история христианства! Свое основное определение религии, по мнению автора, Фейербах заимствовал у Спинозы, так как тот тоже утверждал, что источником религии является «страх». У Фейербаха, правда, на-ряду со страхом мы видим еще дружбу и любовь, но в них-то и усматривает автор попытку Фейербаха установить религию любви. Однако Фейербах дал кое-что и ценное для понимания религии: он указал на социальное значение религии, на связь ее с техникой, на то, что корнем ее являются материальные потребности человека. — Таково вкратце содержание брошюры В. Рожицына.

В рецензируемой книге нет решительно ни одной ссылки на источники цитат, что придает ей вид довольно сомнительный в смысле научной ценности. Поставленная автором себе задача, — критика взглядов Гегеля и Фейербаха на религию с точки зрения современной этнологии, — привела автора прежде всего к модернизации Гегеля, к намеренному и совершенно произвольному подчеркиванию и выпячиванию таких мыслей Гегеля, которые для него абсолютно нехарактерны, и опусканию бесчисленного множества других, составляющих суть всей философии религии Гегеля. Совершенно не отмечена и не понята автором та диалектика развития религиозного сознания, которая составляет основной момент философии религии. Ценность взглядов Гегеля на религию, по мнению автора, сводится к следующим положениям: 1) «Гегель применил к изучению религии не богословский, а этнологический метод исследования». — Утверждение подобного рода, взятое без оговорок, ошибочно. Даже на основании всего того намеренно сгруппированного материала из Гегеля, который предлагает нам автор, можно сделать лишь следующее утверждение: Гегелю не было чуждо в некоторых и весьма нередких случаях и этнологическое исследование религии, но и только. 2) «Гегель отказался от догмата абсолютной и неизменной сущности религии». — Если автор хочет сказать, что у Гегеля мы находим развитие религиозного сознания от низших ступений до высших, до абсолютной религии, — то это правильно. Но если он хочет приписать Гегелю взгляд на религию, как на «надстройку» на определенном экономическом «базисе», то это неверно, ибо философия религии — неразрывная часть всей философской системы Гегеля. 3) «В основе религиозной эволюции лежат действия, теснейшим образом связанные с практическими потребностями и интересами». — Эта мысль сама по себе верна, но приписать ее Гегелю затруднительно.

Что касается трактовки Фейербаха, то бросается в глаза необычайная двойственность и даже противоречивость автора в его отношении к Фейербаху. То он заявляет, что у Фейербаха нет последовательного атеизма, что он стремится сохранить религию в форме любви, что ему, автору, совершенно непонятно восторженное отношение к «Сущности христианства» в 1841 году. То, напротив, восхваляет Фейербаха за «резкую декларацию атеизма», за материалистический подход к об'яснению религии, за верно понятую связь религии с отсталой техникой и невежеством.

Автор упрекает Фейербаха за полное незнание истории христианства, проявившееся будто бы в «Сущности христианства»; но внимательно ли читал автор предисловия к «Сущности христианства», где Фейербах выясняет цель и задачу своего сочинения?

Попытку автора обосновать свое утверждение, что Фейербах заимствовал свое определение религии у Спинозы, необходимо признать неудачной, да и сам

автор через несколько страниц отказывается от этого мнения, указывая на то, что, по Фейербаху, не только страх, но и дружба и любовь являлись основой религии. Говорить же о какой-то «новой» религии, которую будто бы хотел обосновать Фейербах, это значит не понимать ни глубины философских идей Фейербаха, ни упрека Энгельса, сделанного Фейербаху за «злоупотребление» словом «религия».

Автор, очень недовольный тем, что Фейербах подходил к исследованию религии не с этнологическим методом (а с каким, автор не говорит!), в конце концов признает, что Фейербах дал многое современной науке о религии, указав на социальное значение религии и выводя ее из практических потребностей человека.

Все отношение к Фейербаху, как сказано, проникнуто такой неустойчивостью и двойственностью, какую можно об'яснить лишь недостаточно глубоким знакомством с ним. Видеть в Фейербахе одновременно и «безвольного нытика», и смелого борца за атеизм может лишь тот, кому этнологические очки, сквозь которые он смотрит на свет, мешают видеть предметы в их истинной исторической перспективе.

Г. Рохкин. Фейербах и Маркс (О философских источниках марксизма.) **«Пролетарий», Севастополь 1925, стр. 46.**

Задача автора заключается, по его собственным словам, в выяснении сущности философии Фейербаха и влияния его на Маркса и Энгельса. Соответственно такой задаче, брошюра распадается на две главы, из которых одна трактует о философии Фейербаха в ее историческом развитии, другая — о философском развитии Маркса и Энгельса и о том влиянии, какое оказал на них Фейербах.

Размеры книжки, — в ней всего 46 страниц, — и самый характер ее, — популярная брошюра, — не позволили автору достаточно углубиться в разбираемые им проблемы. Поэтому анализ развития философских взглядов Фейербаха оказался довольно неполным и поверхностным; автор совершенно не оценил значения и важности «Сущности христианства» и «Сущности религии», — он просто обошел их; сама сущность философских взглядов Фейербаха представлена недостаточно выпукло и отчетливо. То же нужно сказать и об анализе развития философии Маркса и Энгельса: нет ни глубины, ни четкости и ясности формулировок, ни полной оценки влияния Гегеля и Фейербаха на философское развитие Маркса и Энгельса. Кроме того, есть некоторые промахи: так, например, автор говорит, что Маркс уже в 1842 году «перерос» Фейербаха, а вместе с тем заявляет несколькими страницами дальше, что в 1844 году Маркс стоял на почве «фейербаховской философии». Есть ли это только неясный способ изложения или неясный образ мышления автора? Отметим также, что автором не выявлены роль и значение отдела о Фейербахе в «Немецкой идеологии» в общем ходе развития философии марксизма.

Книга носит весьма популярный характер и может быть полезной для начинающих изучать философию марксизма.

II. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Русские учебники по истории социализма:

В. В. Святловский. История социализма. 1924. Стр. 318.
А. Я. Вышинский. История коммунизма. 1925. Стр. 176.
А. Я. Вышинский. Очерки по истории коммунизма. 1925. Два тома. Стр. 303 и 361.
Б. И. Горев. История социализма. 1925. Стр. 456.
Б. А. Фингерт. Краткое руководство по истории социализма. 1925. Стр. 224.

В дореволюционное время литература на русском языке по истории социализма была по понятным причинам чрезвычайно скудна. Общих обзоров

истории социализма, можно сказать, и вовсе не существовало. «Предшественники новейшего социализма» Каутского, Бернштейна и др. были доведены только до начала XVIII в.; ярко-реакционная «История социальных систем» Щеглова, конечно, не может итти в счет; остальные книги по истории социализма (Сюдра, Клейнвехтера и др.) либо были совершенно неудовлетворительны в научном отношении, либо крайне неполны.

Революция создала колоссальный спрос на общие пособия по истории социализма. История социализма в первые годы революции значилась в программах почти всех высших учебных заведений республики. Естественно появление на рынке большого количества профессорских курсов по нашему предмету. Столь же естественна поспешность, с которой издаются переводы каждой иностранной новинки, отвечающей в большей или меньшей степени возросшему спросу.

Из русских профессоров свои курсы издали Святловский, Горев, Вышинский и Фингерт.

Среди этой, как видим, довольно обильной литературы совершенно особое место занимает книга проф. Святловского, вышедшая двумя изданиями. Трудно представить себе более неряшливую компиляцию. Книга переполнена грубейшими ошибками и противоречиями в суждениях. О методе автора, об его общем подходе к излагаемым им проблемам не приходится и говорить. Для характеристики крайней небрежности автора достаточно сказать, что во втором издании книги он умудрился пропустить ни более ни менее, как Т. Мора и Кампанеллу. Серьезного критического разбора книга проф. Святловского не заслуживает. От пользования ею надо предостеречь самым решительным образом [1]).

А. Вышинскому принадлежат две работы: Краткая «История коммунизма» и двухтомные «Очерки по истории коммунизма». Заглавие книг уже их действительного содержания, так как автор излагает в них отнюдь не только историю коммунистических учений; если можно еще спорить о с о ц и а л и з м е Сен-Симона и Фурье, то к о м м у н и с т а м и их уже, конечно, не назовешь.

Стиль обеих книг — агитационный. Это, конечно, само по себе еще не так плохо, особенно в краткой работе, предназначенной, повидимому, для РЛКСМ. Плохо то, что найти надлежащее сочетание агитационного стиля со стилем научным — задача не легкая, и разрешить ее т. А. Вышинскому не удалось. Стремление к яркой агитационной фразе зачастую приводит его к искажению исторической перспективы, к крайне неточным, а иногда и прямо неверным формулировкам, к модернизации настроений далекого прошлого. Так, говоря о XVI столетии, т. А. Вышинский утверждает, что «воздух всей Европы, и особенно Германии, был насыщен коммунистически-революционным электричеством» (Очерки, т. I. стр. 89). Эта фраза, конечно, дает совершенно неверное представление о социальных отношениях и настроениях XVI в. Подобных сильных, но не отвечающих или не вполне отвечающих действительности формул можно найти в книгах т. А. Вышинского не мало.

Второй общий недостаток книг А. Вышинского состоит в том, что они, явным образом, написаны с большой поспешностью, а потому и с большой небрежностью. Приведем только два примера явных и нелепых лапсусов, которые можно об'яснить лишь тем, что автор не потрудился внимательно прокорректировать свою работу. В своей большой книге т. А. Вышинский делает неожиданное открытие, что «липарийский коммунизм — монашеские коммунистические колонии» (т. I, стр. 111). Это ни на чем не основанное утверждение об'ясняется, повидимому, тем, что автор делает здесь примечание к слову «ценобии», но по небрежности в самом примечании ставит не подходящих к делу липарцев — только потому, что фраза текста с них начинается. Маленькая небрежность, описка, но читателя она вводит в большое заблуждение. Другой образец такой же небрежности

[1]) Недостатки книги проф. Святловского можно считать общепризнанными. См., напр., рецензию В. Волгина в № 3 «Под знаменем марксизма», за 1924 г.

возьмем из краткого пособия. А. Вышинский приводит воззвание Генерального Совета I Интернационала по поводу событий в Бельгии и приписывает его... Тестю. И здесь ясно, откуда эта ошибка. Автор пользовался работой Стеклова, где воззвание цитируется по Тестю, а текста Стеклова внимательно не прочитал. Подобного рода промахи, разумеется, значительно понижают научную ценность книги. Ею приходится пользоваться с большой осторожностью, проверяя каждое положение. А между тем она предназначена для читателя, который этой работы проделать не в состоянии.

В краткой «Истории коммунизма» дан очерк истории социалистических идей и движений с древнейших времен и до смерти Ленина. И все это на 174 страницах. Перед автором стояла, бесспорно, весьма трудная задача. Разрешение ее нельзя признать вполне удовлетворительным, если даже игнорировать указанные выше общие недостатки работ т. А. Вышинского. При таком об'еме книги надо было, конечно, наметить основные вехи развития и их характеризовать, отбросив все маловажное. В книге А. Вышинского можно было бы еще многое вычеркнуть без особого ущерба и за счет вычеркнутого дополнить необходимое. Некоторые строки производят впечатление простого конспекта. Иногда мы встречаем голое перечисление имен, без соответственных характеристик, — имен, лишь загромождающих изложение. Вторая часть перегружена цитатами. В общем, краткой и популярной истории коммунизма у нас и после выхода книжки т. А. Вышинского нет.

Двухтомник т. А. Вышинского называется почему-то в подзаголовке «кратким» курсом лекций, хотя и составляет более 40 листов печатного текста. При таком большом об'еме качественно эта большая книга не отличается от малой. Здесь дан, конечно, больший материал, но этот материал недостаточно проработан автором. Особенно это бросается в глаза во 2-й части — от Маркса до Ленина. Десятки страниц представляют либо пересказ, либо ряд цитат из самых различных авторов: Ленина и Сафарова, Бухарина и Стеклова, Герцена и Малона; скреплено все уже знакомой нам агитационной фразой, а иногда и просто фразой: «Как некогда латифундии погубили Рим, — пишет т. А. Вышинский, — так легализм погубил II Интернационал». Можно понять, что это юмористическое сравнение сорвалось с языка во время лекции; но непонятно, как мог т. А. Вышинский оставить его в печатном тексте. С т. А. Вышинским зачастую трудно спорить по существу, ибо невозможно определить, насколько то или другое выражение точно характеризует его мысль. «Платон один из первых бросил коммунистическое проклятие свое в лицо безобразному миру частно-собственнических отношений» (т. I, стр. 62). Что это — неверное понимание Платона или просто ораторский оборот?

Все эти недостатки книг т. А. Вышинского приходится отмечать с сожалением. Там, где он опирается на надежные исследования или на достаточно продуманные источники, он не плохо излагает, дает правильные оценки. Жаль, что он чрезмерно поспешил с печатанием своих лекций. Жаль, что его книги не подвергались доброжелательной, но строгой редакции, которая должна была бы основательно вычистить из них всю ненужную и вредную реторику.

«История социализма» Б. Горева выгодно отличается от «Очерков» А. Вышинского прежде всего отсутствием претенциозности. Б. Горев ставит себе задачей дать пособие учащимся и книгу для самостоятельного чтения интересующимся вопросом рабочим. Автор не претендует на полную самостоятельность в решении всех многочисленных проблем истории социализма. Его «История социализма» — толковая и ясная популяризация. Пишет он простым, живым и доступным языком. Конечно, в книге, охватывающей историю социализма и рабочего движения вплоть до Коминтерна, трудно дать в равной мере отчетливую характеристику всех подлежащих рассмотрению явлений. Особенно бегло изложение в первых главах — до Маркса. Здесь можно отметить и некоторые, по меньшей мере спорные, суждения. Вряд ли можно, например, считать Жака Ру

хотя бы наполовину коммунистом, а Доливье — коммунистом. Следовало бы несколько подробнее охарактеризовать взгляды Оуэна и его школы. Б. Горев перечисляет Томсона, Годскина, Грея и Брея; это перечисление либо надо опустить, либо дать каждому хоть краткую характеристику. Впрочем, следует отметить, что т. Б. Горев избегает излишнего нагромождения имен, названий и дат; указанное место составляет исключение. Желательна более отчетливая характеристика организации труда в фаланге Фурье и т. п. Во второй части книги недостаточна глава о Лассале. Об идеализме Лассаля и о его оппортунизме можно и должно сказать больше, — хотя бы за счет биографических подробностей, если того требует сохранение небольшого размера книги.

Книга т. Б. Горева вышла уже третьим изданием. Каждое издание отличается от предыдущего существенными исправлениями и дополнениями. В целях дальнейшего улучшения полезной книги и сделаны все наши замечания. В конце книги дан перечень наиболее доступной литературы по отдельным главам и именной указатель.

Рассмотренные выше книги не касаются истории социализма в России. У Вышинского есть глава о ленинизме, но ленинизм рассматривается им в связи с развитием международного рабочего движения. В истории последнего русскому рабочему движению и русскому социализму не отведено места. Б. Горев обещает посвятить русскому соцализму второй том своей книги.

В книге тов. Фингерта мы видим попытку соединения истории социализма с историей революционного и рабочего движения в России. Предназначена книга для самообразования и для изучения в старшей группе трудовой школы. Фингерт пошел по единственному возможному пути построения такого учебника. Он остановился только на крупнейших фигурах до-марксовского социализма: Т. Море, Оуэне, Сен-Симоне и Фурье. Второй отдел он посвятил целиком изложению марксизма. В третьем дал историю социалистического и рабочего движения как на Западе, так и в России, начиная с эпохи I Интернационала. Весь этот материал расположен только на 218 страницах. При таких условиях как-то трудно указывать на те или иные проблемы в изложении. Тем не менее нельзя не отметить, что без Бабёфа и его преемников — революционных коммунистов начала XIX в. — нельзя обойтись даже в самом сжатом очерке истории социализма. Точно также значение Сен-Симона остается непонятным, поскольку в книге не дано хотя бы краткой характеристики сен-симонистской школы. Следовало бы найти место и для Лассаля.

Вторая часть, посвященная изложению учения Маркса и Энгельса, недостаточно популярна для того читателя, на которого рассчитана. Есть мелкие дефекты в изложении. При всем том книгу Фингерта можно признать в общем удовлетворительным пособием для первоначального ознакомления с предметом. В последующих изданиях необходимо внести указанные выше дополнения.

В. Левицкий. Томас Мор. (Биографическая библотека Госиздата) стр. 109.

Станислав Вольский. Фома Кампанелла (Биографическая библиотека Госиздата) стр. 77.

Н. Н. Розенталь. Томас Мюнцер (Биографическая библиотека Госиздата) стр. 90.

Три небольшие книжки, посвященные жизнеописанию и изложению учений ранних поборников социализма, вышли, судя по порядковым номерам Гиза и Главлита, в указанной выше последовательности. Год издания не обозначен нигде, что является некоторым недочетом, с точки зрения библиографической довольно существенным. Построены они все по одному определенному плану, с целесообразностью которого нельзя не согласиться. Он логически вполне выдержан и весьма удобен для ознакомления с предлагаемым материалом того читателя, на которого рассчитана Биографическая библиотека: хотя и обладающего средней подготовкой, однако нуждающегося не только в руководстве, но и в вехах для ориентации, для успешного усвоения новых сведений и систе-

матического обогащения, при помощи их, имеющегося у него запаса знаний. В кратких словах общий план этот может быть сведен к следующим основным пунктам: описание исторического момента, когда жили и действовали изучаемые утописты, отражение изменившихся и изменяющихся условий материального характера на психологии окружающего общества и на складе личности рассматриваемого в данной биографии деятеля, изложение и оценка его творчества и последующего влияния.

Расчленение это проведено во всех трех брошюрах с большой ясностью, — а у В. Левицкого даже с предельной, доходящей до чересчур подчас точных дроблений на мелкие и мельчайшие пункты. Такой прием хотя несомненно и способствует закреплению получаемых знаний, но зато при нем чрезвычайно трудно сохранить цельность изложения, трудно не придать ему известной сухости. В особенности приходится сожалеть о том, что такой результат имеется налицо по отношению к исключительно жизненной и полноцветной фигуре Томаса Мора: навряд ли кто-либо из читателей Левицкого (хотя он, спору нет, и приобретает много ценных, правильных и полезных сведений относительно правдолюбивого английского канцлера и его исторического окружения) — почувствует, в чем заключалось обаяние «Утопии», не столько первой ее части, представляющей собой, по справедливому замечанию Левицкого, «критику отмирающего феодального строя, противоречий между его пережитками и потребностями нового времени» (стр. 103), сколько второй, — воплощения пожеланий ее творца, являвшего собою редкий, быть может неповторимый, пример гармонического соединения в одном лице трезвого реалиста и мечтателя.

Книжка Биографической библиотеки о Кампанелле представляется удачной как по охвату материала, так и по яркому, образному описанию эпохи. Не менее удачна характеристика подхода Кампанеллы к «капиталистическому обществу сразу с обоих концов: как мыслитель он вырабатывал метод необходимый для з а р о ж д е н и я капитализма, а как художник-п о э т — набрасывал строй, который должен осуществиться в момент г и б е л и капиталистического общества» (стр. 60). Противоречия между «языческой половиной его (Кампанеллы) «я», которой суждено было до конца жизни сбивать с пути истинного его католическую совесть» разрешаются, по толкованию Станислава Вольского, тем, что согласно философии Кампанеллы, «всякий человек, занимающийся наукой ради постижения истины, а не ради жадности и самолюбия, есть религиозный человек» (стр. 57). К книжке приложена библиография — поневоле бедная, поскольку дело касается изданий на русском языке; в ней замечается, кроме того, досадный пропуск: не упоминается о переводе статьи Лафарга о Кампанелле в «Предшественниках социализма» Каутского. В тщательно подобранной библиографии на иностранных языках не указано к сожалению на интересную работу C. Dentice di Accadia, вышедшую еще в 1921 году. Приходится указать и на кое-какие промахи внешнего свойства, все же несколько портящие хорошее впечатление от книги: нельзя «Atheismus Triumphatus» переводить, то как «Отвергнутый Атеизм» (стр. 42), то как «Опровергнутый Атеизм» (стр. 46), то как «Поверженный Атеизм» (стр. 51), что, разумеется, и правильнее, и изящнее всего: подобного рода неряшливость легко может сбить с толку незнакомого с латынью читателя, а на такого именно книга и рассчитана. Затем вряд ли удобно Агриппу Неттесгеймского, который был лишь родом из Неттесгейма, а никак не владельцем этого города, именовать Агриппой фон-Неттесгейм, что, к слову сказать, несколько режет ухо.

В своем очерке о Томасе Мюнцере Н. Н. Розенталь дал достаточно ясное и без труда читающееся описание эпохи Крестьянской войны в Германии по Каутскому, Энгельсу и Бебелю, которых он, впрочем, одних почти и приводит в весьма скромном списке литературы о Мюнцере. Некоторые обороты речи в изложении Н. Н. Розенталя приходится признать не совсем удачными, как, например, употребление слова «вайда» без пояснения его значения, указание на «мещанский практицизм» (вместо «практический дух»); нельзя говорить

о маркграфе «Аншпакском» вместо «Анспахского», о городе «Ротгенбурге» (Rothenburg ob der Tauber), переводить гневное прозвище Leisetret, данное Мюнцером врагам его, лютеранам, чересчур дословно — «тихоход» (надо сказать: тихоня); совершенно недопустимо парафразировать евангельское выражение о пастырях добрых и писать: честные пастухи; вряд ли может выдержать критику брошенная мимоходом, чтобы не сказать развязно, исчерпывающая характеристика Лютера, как натуры «малодушной»! (стр. 39) Все же в общем брошюра Розенталя, за неимением иной специальной и популярной работы о Мюнцере, может быть прочитана не без пользы.

Richard Kralik. Geschichte des Sozialismus der neuesten Zeit, von Babeuf bis zu den Bolschewiken. Verlagsbuchhandlung «Styria», Graz 1925, p.p. 447.

Franz Schweyer. Politische Geheimverbände. Blicke in die Vergangenheit und Gegenwart des Geheimbundwesens. Freiburg i/Breisgau, Herder u. C° G. m. b. H. Verlagsbuchhandlung, p.p. 229.

Рихард Кралик. История социализма новейшего времени от Бабёфа до большевиков. Грац 1925 г.

Франц Швейер. Тайные политические союзы. Фрейбург 1925 г.

Обе книги являются произведениями так называемой католической науки. Среди католиков в Германии и Австрии несомненно имеется не мало серьезных и ученых специалистов, старающихся защитить свои взгляды достойными приемами. Таких лиц появление книг вроде указанных сильно компрометирует.

Книга борзописца Кралика представляет собой лишенную всякой ценности компиляцию, главы которой следуют одна за другой в чисто хронологическом порядке (с 1789 по 1919 г.); автор нагромождает в них одну ошибку на другую притом в курьезно аподиктическом тоне. Метод работы автора явствует из его предисловия. Он говорит: «Искусство состоит в отметании, сказал один великий художник; это относится также и к искусству писания истории». Кралик следовал этому правилу добросовестнейшим образом. Кроме того, он вместо исторических фактов постоянно пользуется выдумками (как, например, на страницах 434—435, где он сообщает, будто «Карл Либкнехт и Роза Люксембург были умерщвлены раз'яренной толпой»). Забавно, как он старается оправдать свое «призвание» быть историком социализма: не без рекламной шумихи он рассказывает, что в молодые годы, живя в Вене и Берлине, он был очень близок к социализму, но что «между тем как другие так и застряли на ошибках молодости, меня упорная работа привела к тому, чтобы преодолеть подобного рода детские болезни, при чем на мое счастье я не успел в незрелом возрасте чересчур тесно связаться с движением». Направление автора легко пояснить краткими примерами. На странице 433 он следующим образом развивает свою теорию революции: «Революции всегда производятся сверху, никогда снизу. Большевики и социал-демократы достигли власти благодаря тому, что правительство без ведома и помимо своей воли им эту власть подсунуло». В конце стряпни Кралика (на странице 448) встречается следующий апофеоз христианского социализма: «нынешний марксизм не борется более за Карла Маркса, а только за Антихриста... Неорганическая организация (sic!) марксистов держится лишь страхом террора... Вполне осуществимый христианский социализм предоставит всем соответствующее (sic!) благосостояние...» Итак, ясно, что книга Кралика представляет собой довольно неуклюжее тенденциозное писание, грубейшим образом рассчитанное на неразвитость мелкого мещанства и крестьянства.

Не таков Швейер, бывший баварский министр. Книга его обладает изящной внешностью, а по содержанию хочет казаться научной. Достигается такая видимость путем частых цитат в тексте и — к слову сказать, — весьма порядочных библиографических сведений в конце каждой главы. Язык также много изысканнее, нежели у Кралика; говоря коротко — дело идет о пропаганде, рассчитанной

на интеллигентные католические круги. Автор, однако, довольно странно оценивает эту интеллигенцию. Мы не имеем возможности подробно останавливаться на даваемых им примерах различных организаций, как, например, франк-масонов, Ку-Кукс-Клан, фашистов, нигилистов и проч. Мы приведем, однако, выдержки из его главы о большевиках: выдержек этих достаточно для характеристики «исследовательских приемов» Швейера.

На страницах 200—201 говорится: «Большевизм с дьявольской ненавистью, с изысканным цинизмом и грубостью обрушивается на все, что связано с богом, с религией, с верой, с церковью, с духовенством. Даже ужасы инквизиции бледнеют перед фанатизмом большевиков и их дьявольскими измышлениями...»

«По сообщениям эмигранта Бостунича (?) были случаи, когда настоятеля русского монастыря живьем варили в котле, при чем братию принуждали не только присутствовать, но даже под угрозой револьвера заставляли отведать этой похлебки».

Когда лондонский «Таймс» повествовал о пальцах, извлекаемых из супа в советских столовых, удивляться не приходилось. Такого рода «открытия» несомненно составляли одну из задач почтенной газеты. Но нельзя не удивляться, когда научное издательство немецких католиков, известная фирма Гердера в Фрейбурге, перенимает у «Таймса» его методы, воплощенные в образе экс-министра Швейера, и когда Гёрресовское общество поручает ученику «Таймса» Швейеру составление статьи о тайных обществах в издаваемом этим обществом лексиконе государственных наук. Немецкие католики найдут вполне естественным, если мы на основании приведенных образцов краликовской и швейеровской стряпни несколько усомнимся в серьезности их научных заданий и способности такого рода задания выполнять.

Hans Kelsen. (Wien). Marx oder Lassalle? Wandlungen in der politischen Theorie des Marxismus. C. L. Hirschfeld, Leipzig 1924. Sonderabdruck aus Grünbergs «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», XI/3.

Ганс Кельсен (Вена). **Маркс или Лассаль? Судьбы политической теории марксизма. Изд. Гиршфельда, Лейпциг 1924. (Отдельный оттиск из грюнберговского «Архива истории социализма и рабочего движения», XI/3.**

Данная статья является как бы непосредственным продолжением вышедшей еще в 1920 и в 1923 гг. книги того же автора «Социализм и государство» (исследование в области политической теории марксизма). Она представляет собой дальнейшее развитие последней главы этой книги, в которой последнее слово учения Каутских и Куновых определялось как «происшедшая в марксистской литературе реакция на политическую теорию большевизма» и приветствовалось как «победа политического разума над доктринерским утопизмом» («Социализм и государство», 2-е дополненное издание, 1923 г. стр. 194, 198). Оба произведения заканчиваются местами буквально одинаково формулированным, но отнюдь не делающим эпоху положением, гласящим, что в решительный момент марксизм, как «политическая теория», не выдержал испытания; оба произведения кончают заявлением, что теоретические протагонисты меньшевизма предпринимают «пересмотр идеологии» и, конечно, стремятся к выработке такой теории, которая отнюдь «не была бы вообще враждебной государству, национально-близорукой, этически индифферентной» и т. п. Эта тенденция может быть выражена формулой: «назад к Лассалю». («Маркс или Лассаль?», стр. 298.) Если тогда, когда Кельсен писал свою книгу, главными образцами ему могли служить Каутский и Кунов, то теперь, несколько лет спустя, «симптомы» этой «тенденции» оказались уже в изобилии: теперь они именуются Реннерами и Бауэрами, Гильфердингами и Куновыми, Каутскими и Макдональдами. Макдональд в настоящий момент является последним козырем Кельсена. Воскресные печатные проповеди Макдональда из книги «Социализм и правительство» торжественно

провозглашаются отныне абсолютно свободными от марксизма и об'являются поэтому «классическим» выражением английской рабочей партии; а последняя признается «сознательно этической» носительницей «политического значения международного рабочего движения». (Маркс или Лассаль?», стр. 295, 298.)

Но этим всецело исчерпывается историософия Кельсена. В действительности его теория государства представляет собою чисто юридически-схоластическую теорию, а сам он каждым своим словом подтверждает то положение Фридриха Энгельса, согласно которому юриспруденция является подлинной теологией капиталистического общества. Там, где Кельсен говорит о государстве, он безнадежно запутывается во всех неясных представлениях, которые только может породить в головах апологетов буржуазии внешняя форма проявления буржуазного государства. Его дело состоит в том, чтобы «философски» отразить фетишистский характер буржуазного государства вообще и демократического в частности. Когда, сообразно с этим, он хочет изложить «политическую теорию марксизма», он оказывается в состоянии выполнить это, только незаметно скрыв ее материалистически-диалектическое содержание, подобно тому как он раньше лишил само государство его экономической структуры и его специфически исторического облика. Маркса и Ленина он поэтому величает «анархистами». О классе пролетариев он говорит, что «единственным оправданием его притязаний на господство может служить тот постоянно подчеркивавшийся Марксом и Энгельсом факт, что пролетариат составляет по сравнению с классом капиталистов подавляющее большинство общества» (стр. 282). Тем самым он от алгебры юриспруденции переходит к арифметике формальной демократии и таким образом становится на твердую почву меньшевизма.

«Теоретик» Кельсен играет роль неутомимого режиссера, который хвалит ликвидаторов марксизма, когда они говорят откровенно; пришпоривает их, когда они как будто начинают медлить; исправляет их, когда они запутываются в противоречиях; порицает их, когда, охваченные тревогой, они оглядываются на рабочий класс; успокаивает, когда они боятся скомпрометироваться, и с удовольствием разоблачает их тогда, когда они снова на минуту надевают на себя красную маску. Ему нравится держать зеркало перед всей этой труппой «теоретических» актеров. Они могут считать его часто слишком болтливым, слишком откровенным, а потому неудобным, — но он тут как тут, и от него нельзя отделаться.

Центром произведения Кельсена является проблема государства, которое якобы возвышается над классами и поэтому делает возможным мнимое «разделение власти» между буржуазией и пролетариатом, проблема «освобожденного» от классовой борьбы государства, которое на лестнице реформы отстоит как будто бы всего на несколько ступеней от социалистического «идеала», «функционального» государства, которое не содержит никаких «качественных и принципиальных» классовых противоречий, а заключает лишь количественные различия; словом, проблема фетиша демократического государства.

Он об'являет это конечной целью, к которой стремятся или, вернее, к которой должны были бы повернуть «марксисты» меньшевизма. В тот день, когда это безоговорочно и прямо будет признано всеми ликвидаторами марксизма, роль Кельсена будет сыграна. Патрон является тем, что он есть, только покуда у него имеются клиенты.

Gustav Mayer, Prof. Lassalles Weg zum Sozialismus. Festrede zu seinem 100 Geburtstage, gehalten vor der Arbeiterschaft seiner Geburtsstadt am 13. April 1925. J. Dietz Nachfolger, Berlin 1925, p.p. 16.

Густав Майер, профессор. Путь Лассаля к социализму. Торжественная речь по поводу столетия со дня рождения Лассаля, прочитанная перед рабочими его родного города 13 апреля 1925 г.

Речь, конечно, не есть исследование. Однако нам кажется, что Г. Майер слишком легко подошел к своей задаче. Принять за источник социализма Лассаля

французский социализм и гегельянство оптом, это значит пройти мимо того, в чем состоит особенность Лассаля по сравнению с Марксом. Вопрос об особом пути Лассаля к социализму есть вопрос о том, каким образом Лассаль, будучи моложе Маркса и Энгельса, примкнул к старогегельянству и не был затронут критикой Штраусса, Фейербаха и Маркса-Энгельса. Мимо этого основного момента развития Лассаля нельзя было пройти даже в торжественной речи.

К. Н. Беркова. Н. Г. Чернышевский. Биографический очерк. «Московский Рабочий», 1925 г. Стр. 274.

Автор не говорит, для какого круга читателей написана книга, но это видно уже с первой страницы: беллетристическая, вернее — полу-беллетристическая форма трактовки темы годится лишь для начинающих, для тех, кто очень мало знает о Чернышевском. Для таких читателей книга Берковой дает много интересного материала из жизни Н. Г. Чернышевского. Этот материал, правда, не нов, но занимательно рассказан. Книга с интересом прочтется молодежью, мало знакомой со светлой фигурой великого русского социалиста. Идеи Чернышевского освещены в книге Берковой слабо. Трудно представить читателю взгляды Чернышевского в разнообразных областях знания: философии, экономии, истории, критике, политике и т. д., — придерживаясь полу-беллетристической формы изложения. Но зато эта форма изложения делает книгу более занимательной для широкого круга читателей. Поскольку книга Берковой способна возбудить интерес к личности Чернышевского, она является бесспорно полезной.

О. В. Аптекман. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. «Колос», Ленинград 1924 г. Стр. 96.

Книжка Аптекмана — не биография Г. В. Плеханова, а только личные воспоминания о нем. Аптекман познакомился с Плехановым зимой 1875—1876 года, в то время, когда Плеханов был еще подающим большие надежды юношей. Этот «чудный юноша», как называет его автор, уже принимает, однако, активное участие в революционном движении. Автор имел возможность наблюдать работу Плеханова в народнический период его деятельности, и в своих воспоминаниях он рассказывает именно о ней. В восторженном описании автора встает перед нами молодой Плеханов — «оратор Жорж», член редакционной коллегии органа «Земля и Воля», Плеханов — агитатор на Дону среди казаков, Плеханов—на Воронежском с'езде, Плеханов, выходящий из общества «Земля и Воля», Плеханов и «Черный Передел», Плеханов, уезжающий за границу. Конечно, о всестороннем освещении деятельности молодого Плеханова тут не может быть и речи. Но автор все-таки дает многое для такого освещения. Эта половина брошюры очень ценна.

Не лишена интереса и вторая половина, где автор рассказывает о своих встречах с Плехановым уже за границей. Аптекман был уже на пути к марксизму, когда в 1888 году, после тюрьмы и ссылки, ему удалось выехать за границу и снова встретиться с Плехановым. Бывший товарищ его вырос уже в его учителя. Автор хоть и спорил еще с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, но уже читал в их взгляде: будет время, и ты придешь к нам. Через 18 лет Аптекман снова оказался за границей, где с 1906 года проживал в самых близких отношениях с Плехановым. В своей книжке он рассказывает многое из личной и семейной жизни Плеханова. Общий тон воспоминаний Аптекмана восторженный, и это не удивительно, раз дело касается такого крупного человека, как Г. В. Плеханов. Только конец книжки — печальный. Речь идет об отношении Плеханова к мировой войне. Сильное впечатление производит рассказ о посещении Плехановым автора летом 1916 года, когда, после того как выяснилось различие их позиций, им не о чем было уже говорить.

III. ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

А. Матьез, проф. Французская революция. Том. I. Падение королевской власти (1787—1792). Перевод с французского К. И. Цедербаум. Под редакцией и с предисловием И. Н. Бороздина. Изд. «Книга» Ленинград-Москва 1925, стр. 224.

Проф. Матьез, дижонский профессор и редактор журнала «Annales Historiques de la Révolution Française», organe de la Société des Etudes Robespierristes, автор ряда монографий по экономической, политической и религиозной истории Великой французской революции, написал для «Collection Armand Colin»[1]) историю французской революции, первый том которой появился на русском языке в переводе К. И. Цедербаум под редакцией (?) И. Н. Бороздина.

Чтобы судить о том, насколько проф. А. Матьезу удалось выполнить свою нелегкую задачу, — дать для широких кругов образованной публики сжатое изложение истории французской революции, соответствующее современному состоянию науки, — следует сравнить его труд с такими краткими компендиумами, как, напр., Минье, Карно, «Маленький Олар»... Разница огромная, прогресс очевидный: множество легенд, переходивших от одного историка к другому, устранено; связь событий выясняется по-новому на основании детальных исследований, и притом, главным образом, исследований самого А. Матьеза, традиционные характеристики деятелей революции подвергнуты критическому пересмотру.

В общем, как неоднократно подчеркивал Матьез[2]), история французской революции Жореса послужила для него импульсом к исследованиям и наметила их направление. Но А. Матьез констатирует, что труд Жореса является не окончательным достижением, а исходным пунктом, и что относительно многих вопросов он должен был прийти к иным выводам, чем Жорес. Методологически А. Матьез чужд характерного для Жореса эклектизма: к приемам Мишле он относится отрицательно и даже склоняется к мысли, что Жорес расшаркивался пред Мишле не совсем искренно.

Направление А. Матьеза нередко характеризуют, как «робеспьеристское». В самом деле Матьез много сделал для опровержения напраслин, взводимых по старой памяти на «неподкупного» даже Оларом, и для выяснения действительных мотивов его образа действий: но А. Матьез не солидарен с апологетами Максимилиана Робеспьера quand même. Особенно ценны результаты изысканий А. Матьеза об анти-христианской пропаганде и революционных религиозных культах и о процессах дантонистов и эбертистов: эти исследования в корне подрывают традиционные представления.

Конечно, А. Матьез не марксист, но с его историческими трудами следует считаться; от игнорирования их в некоторых марксистских трудах (напр. в книге Моносова об Якобинском клубе) последние отнюдь не выигрывают: некритическое пользование схемами Кунова не выручает при пользовании заведомо устарелыми обработками источников, например по вопросу о разногласиях среди монтаньяров. Во всяком случае труды А. Матьеза, которого нельзя не признать наиболее компетентным специалистом по истории Великой французской революции, несравненно плодотворнее и содержательнее, чем хотя бы квази-марксистская история французской революции В. Блоса, утверждающего, что если бы Мария-Антуанетта была менее прекрасна и Барнав менее влюбчив, то не было бы никакой партии фельянов, и формулирующего по этому поводу весьма оригиналь-

---

[1]) Серия популярных научных книг, написанных специалистами.

[2]) Напр., в заметке о новом издании «Социалистической истории Французской революции» Жореса, над которым работал сам А. Матьез. (Annales Hist. de la Révolution Française. Janvier - Février 1925, p. 76).

ную в устах «марксиста» теорию исторической причинности (В. Блос. «Французская революция». Перевод Н. С. Тютчева. СПБ 1906. Стр. 98).

Вышедший в русском переводе первый том «Французской Революции» А. Матьеза, в котором изложение доводится до низвержения монархии, нельзя не рекомендовать читателю, даже знакомому с более подробными историями революции. Чуждый схематизма и предвзятых идей и обладающий незаурядным литературным талантом А. Матьез дает превосходный обзор хода событий, с замечательным уменьем выделяя существеннейшее. Особенно отчетливо выяснены программы разных групп в Учредительном и в Законодательном Собраниях. К сожалению русский перевод этой хорошей книги сделан очень небрежно. Непонятно, почему выбрасываются слова и целые предложения, напр. на стр. 11 (стр. 1 французского подлинника) выброшена простая и выразительная характеристика королевской власти. В предисловии А. Матьез говорит, что из этой книги, имеющей в виду широкие круги образованной публики, намеренно удален tout appareil d'érudition, а в русском переводе говорится, что «намеренно удален весь аппарат научности», чего вовсе не имел в виду А. Матьез, но что в значительной степени удалось русскому переводчику; например он без всякой надобности выбрасывает на стр. 12 (стр. 2 французского подлинника) такие термины, как champart и cens, отступая в этом от столь характерной для «русской школы» терминологической точности относительно этих феодальных поборов[1]). Термин taille нельзя переводить просто — поземельный налог (стр. 34; стр. 25 французского подлинника), тем более, что затем так же переводится и impôt foncier. Священников, принадлежавших при старом порядке, каково бы ни было их происхождение и их экономическое положение, к первому сословию, нельзя называть «разночинцами»...

Ввиду этих и тому подобных неточностей не ясно, в чем же именно заключался труд «редактора» этого перевода?

О. Л. Вайнштейн. О ч е р к и п о и с т о р и и ф р а н ц у з с к о й э м и г р а ц и и в э п о х у в е л и к о й р е в о л ю ц и и (1789—1796). Государственное издательство Украины, 1924, стр. 127.

В этой очень содержательной монографии О. Л. Вайнштейн, использовавший материалы Воронцовской библиотеки, излагает историю французской эмиграции в рассматриваемую эпоху, характеризует идеологии различных элементов, из которых слагалась или, точнее говоря, на которые распадалась эта эмиграция, и отмечает смену характерных для этих элементов настроений и проводимых ими программ.

В первом очерке, «Эмиграция и революционная Франция до 1792 года», О. Л. Вайнштейн констатирует, что «может быть, именно вследствие полной изолированности придворной знати она уже в начале 1789 года с большею по сравнению с другими группами дворянства чуткостью предвидела, чем грозила революция всему феодально-дворянскому зданию, в верхних этажах которого она так уютно устроилась» (стр. 9). В то же время ослепление придворной знати доходило до того, что она (в так называемом «мемуаре принцев») грозила, что «одно из первых двух сословий, а может быть и оба не признают Генеральных Штатов и не захотят участием в них санкционировать свою деградацию», не догадываясь об усилении буржуазии и не замечая расслоения духовенства и дворянства. Затем отмечается «бесславное начало эмиграции» после взятия Бастилии, разрушившего контр-революционные проекты первых эмигрантов. Сперва они рассчитывали вернуться во Францию через три месяца, а затем старались вызвать вмешательство иностранных держав. Интересно указание на то, что во второй половине 1791 года эмиграция, «не теряя своего прежнего откровенного контрреволюционного характера», начинает входить в моду не только в дворянских, но

[1]) А на стр. 80 все-таки упоминаются «шампар» и «чинш». Какой же смысл имело устранение этих терминов на стр. 11?

и в буржуазных кругах: «уезжали даже мелкие ремесленники, разоренные эмиграцией и оставшиеся без работы».

Во втором очерке, «Внешняя Франция», констатируются кастовое расслоение «единого дворянства», разбившее его кажущуюся однородность, и стремление дворянства обособиться от буржуазных элементов, опасение, что одним из результатов эмиграции будет «вульгаризация дворянства», ненависть к буржуазной Франции, внушавшая нескрываемое желание «сбросить богатую и честолюбивую буржуазию с той высоты, на которую гнусные бунтовщики ее подняли, расстрелять всех сторонников конституционной монархии, повесить на деревьях бульваров несколько сот революционеров и высечь в общественных местах их жен и дочерей» (стр. 33). Характерна готовность одного из вождей эмиграции (принца Конде) заплатить за иностранное вмешательство путем отказа от некоторых из французских колоний и даже уступкой Бреста.

В третьем очерке, «Кобленцская дипломатия», излагаются старания эмигрантов во что бы то ни стало вызвать интервенцию и выясняется сущность разногласия между Людовиком XVI, имевшим в виду реставрацию умеренной монархии, и эмиграцией, намерения которой нашли характерное выражение в известном «Манифесте против революции», подписанном 25 июня герцогом Брауншвейгским. Затем последовал разгром эмиграции, рассеявшейся по всей Европе.

В четвертом очерке, «Эмигрантская публицистика», выясняется смена настроений. Первоначальная ультра-реакционная программа, требовавшая немедленного возвращения дворянству и церкви отобранных от них земель, была признана неосуществимою. После неудачи Киберонской экспедиции среди эмиграции раздались призывы к соглашению с умеренной буржуазией, и в период Консульства и Империи «дворянство капитулировало на милость победителя» (стр. 105).

Изложение О. Л. Вайнштейна свободно от схематизма и его тезисы всюду подкрепляются выдержками из первоисточников. В приложениях даны чрезвычайно характерные образчики эмигрантской дипломатической переписки и агитационной литературы. Особенно интересен памфлет «При короле мы ели хлеб».

Гюстав Лоран. Рабочий-депутат Конвента Жан-Батист Армонвилль. Изд. «Книга». 1925, стр. 71.

Рецензируемая брошюра представляет собой перевод статьи Г. Лорана, напечатанной в журнале Матьеза (Mathiez) «Annales historiques de la Révolution française» за 1924 год (№№ 3 и 4): В виде введения к ней приложен перевод статьи Анри Сэ «Рабочий класс и социальный вопрос накануне революции».

Матьез в своей брошюре «Социальный вопрос в эпоху великой революции». La question sociale pendant la révolution française, 2-e éd. 1921, p. 36) упоминает трех рабочих-депутатов Конвента: рабочего-оружейника Ноэля Пуанта (Noël Pointe) из Сент-Етьенна, рабочего-ткача Армонвилля из Реймса и рабочего (вернее, рабочего-фабриканта) Кюссэ (Cusset) из Лиона. До последнего времени о всех троих мы имели весьма мало сведений (ср. A. Kuscinski, Dictionnaire des conventionnels, 1919). Теперь биография одного из них, рабочего-ткача из г. Реймса, Жана-Батиста Армонвилля, становится нам более известной.

Лоран изображает нам Реймс, бывший к эпохе революции уже одним из самых значительных торговых и промышленных центров Франции, с многочисленным рабочим населением, занятым главным образом в шерстяной промышленности и еще до революции напоминавшим о себе волнениями и бунтами. Еще до 1789 г. у реймских рабочих уже был своего рода клуб («штаты четвертого сословия», как называет его Ленин) в монастыре минoритов, в котором руководящую роль играл Армонвилль, а также общежитие, бывшее центром политической жизни реймских рабочих. Этот клуб миноритов, сохранявший и впоследствии свою самостоятельность рядом с реймским якобинским клубом, сделался в эпоху самой революции рабочим центром, игравшим, под руководством Армонвилля, заметную роль в политической жизни Реймса.

Избранный в Конвент, Армонвилль занимает место на «гребне» Горы рядом с Маратом, с которым сближается. После смерти Марата он становится горячим сторонником Робеспьера. Вскоре он знакомится с Бабёфом и позже с Дарте. В эпоху Термидора Армонвилль первоначально настроен против Робеспьера, но скоро сознает свою ошибку. Термидорианская реакция отражается и на нем, вызывая преследования его со стороны банд «щеголей». В то же время он вступает в клуб Пантеона и ближе входит в заговор «равных». Характерно, что и другой рабочий, член Конвента, лионский рабочий-фабрикант Кюссэ, тоже принял участие в бабувистском движении, будучи замешан в деле Гренельского лагеря (10 сентября 1791 года).

В Реймс Армонвилль возвращается, по окончании работ Конвента, уже в качестве бабувистского агента, распространяя бабувистскую литературу и устраивая тайные сходки рабочих, за что и попадает на время в тюрьму. Он умер в бедности 11 декабря 1808 года.

Автор использовал значительный, еще не изданный архивный материал и дал хорошую, в общем, картину жизни реймских рабочих в эпоху революции и их представителя в Конвенте. Мы не можем, только, согласиться с той характеристикой, какую дает автор мероприятиям Конвента в 1793 году, считая их «опытом коллективизма (реализацией коммунистической мысли) [1]), применением социалистических принципов» (стр. 48—49). Такими «социалистическими» мерами считает Лоран «введение твердых цен (maximum), организацию запасных продовольственных складов, пополняемых отчасти за счет национальных покупок, постановление о единообразном печении хлеба и распределении его по гражданским карточкам, открытие государственных фабрик, наконец непосредственное участие пролетариев в делах, в муниципальном управлении, в комитетах безопасности и т. д.». Все эти мероприятия, вводимые в эпоху военного напряжения, характеризуют лишь некоторую демократизацию государства и рост государственного вмешательства в общественную жизнь, но не непосредственное изменение ее в сторону социализма [2]).

Напечатанная в виде введения статья Сэ дает хорошую картину положения индустрии и рабочего класса к эпохе революции. Автор указывает, что рабочие в эту эпоху еще малочисленны, мелкая промышленность преобладает, машина едва начала появляться, и промышленная концентрация еще в зародыше. Хотя рабочие и играют весьма заметную роль в революционных движениях эпохи, все же «социальный вопрос, поднимающий народные массы, это — не вопрос организации труда, а вопрос продовольствия». Рабочие еще не отдают себе отчета в своих коллективных классовых интересах, у них нет отчетливой идеи реформ, которые необходимо ввести в рабочее законодательство.

Обе статьи заставляют желать, чтобы научное исследование шире и глубже, чем до сих пор, охватило вопросы, касающиеся роли рабочего класса в Великой французской революции, — вопросы, до сих пор еще мало освещенные. Необходимо изучение новых архивных материалов, хранящихся в городских индустриальных центрах революционной Франции.

Морис Доманже Бабёф и заговор равных. Перевод с французского Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1925, стр. 102.

Эта небольшая и очень популярно написанная книжка содержит яркую характеристику «последнего эпизода Великой революции». Здесь даны портреты не только Бабёфа, Марешаля, Буонаротти, но и целого ряда других деятелей бабувистского движения; сжато и содержательно освещена фактическая сторона движения и изложено мировоззрение «равных», при чем особенно ценным является

---

[1]) Это выражение в русском переводе опущено.

[2]) В обстановке последней империалистической войны подобные меры являлись в капиталистических государствах лишь элементами государственного капитализма.

в этой маленькой работе то, что естественное для автора нашей эпохи желание видеть прошлое глазами настоящего не закрывает для него и для читателя всего своеобразия изучаемых фактов и теорий. В заключении книжки дан очерк влияния бабувистских идей на последующий социализм.

Из замеченных неточностей и недомолвок необходимо отметить следующие: Доманже утверждает, что Бабёф прибыл в Париж через несколько дней после взятия Бастилии, в то время как фактически Бабёф принимал в нем участие. Трудной оказалась для автора задача осветить разницу между имевшейся у «тайной директории» схемой связи с народными массами и войсками и действительными связями бабувистов, которые Доманже чересчур переоценивает; недостаточно обрисован автором бабувистский проект Национального Собрания (стр. 92).

Книжка заслуживает лучшего перевода. Напрасно переводчик считает, что по-русски можно сказать: «ни одна газета не щадит так мало термидоровцев» (стр. 15). Напрасно он не осведомлен, что по-русски говорят «термидорианцы», а не «термидоровцы». И, наконец, совершенно напрасно он компрометирует автора, приписывая ему фразу (стр. 21): «приехав в Ниццу, он (Буонаротти) не может сесть на пароход». (Это в 1793-м году!)

Н. И. Кареев. Историки французской революции. Том I. Французские историки первой половины XIX века. Стр. 286. Том II. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Стр. 301. Том III. Изучение французской революции вне Франции. Стр. 306. Издательство «Колос», Ленинград 1924.

Этот труд, значительная часть которого была изложена автором при чтении им специального курса по историографии французской революции (в 1920 и 1921 гг.), принадлежит исследователю, не прекращавшему своих занятий французской революцией в течение более чем пятидесяти лет. Охарактеризовав в одной из своих работ [1]) труды своих предшественников по источниковедению и историографии Великой французской революции, Н. И. Кареев констатировал, что в историографической литературе еще не существует такой книги, в которой «была бы рассказана история того, как изучали и понимали французскую революцию со времени появления первых книг о ней до настоящего времени». Упомянув о своих подготовительных этюдах на эту тему, он выразил намерение издать такую книгу, в которой была бы изложена «история разработки истории революции», считая «такой историографический обзор очень поучительным для занимающихся не только историей революции», так как в нем можно было бы «подробно проследить, как на изучении революции отражались: 1) общественные настроения; 2) углубление и расширение понимания самых задач исторической науки и 3) привлечение к делу нового материала, к которому прежние историки не обращались» (стр. 26).

В трехтомном труде Н. И. Кареева даны тщательно обоснованные характеристики ряда важнейших работ по истории Великой французской революции. Методологические приемы, литературная манера, суб'ективные симпатии и антипатии авторов отчетливо обрисованы; указаны и важнейшие моменты в процессе смены исторических кругозоров. Этот труд Н. И. Кареева отличается об'ективностью, выражающеюся в соблюдении исторической перспективы при оценках значения рассматриваемых трудов и в весьма удачном подборе цитат: приводятся как раз места, наиболее характерные для данного автора, выясняющие сильные и слабые его стороны. Благодаря этому характеристики историков французской революции свободны от импрессионизма, чего нельзя сказать о характеристиках деятелей этой революции в некоторых из прежних трудов Н. И. Кареева.

---

[1]) «Революция и Наполеоновская эпоха» Изд. «Наука и школа». Выпуск XVI. Петербург 1922. Эта работа является своего рода библиографическим дополнением к «Историкам французской революции».

Приходится, однако, указать на некоторые пробелы, конечно неизбежные в такого рода труде, «отнюдь не предназначавшемся к тому, чтобы служить справочным пособием».

Как констатирует Н. И. Кареев, «литература о французской революции была уже огромной и в то время, когда сама революция происходила» (т. I, стр. 9). Но эта «огромная литература» не рассматривается в труде Н. И. Кареева, посвященном историкам революции. Этого ограничения нельзя не признать формально мотивированным, но по существу дела ретроспективные обзоры хода революции, которые можно найти в брошюрах, статьях и речах некоторых из активнейших участников революции весьма заслуживали бы специального рассмотрения. Утверждение Н. И. Кареева, что «современники революции, написавшие о ней, конечно не могли отнестись к ней исторически, а необходимо были публицистами»,— априорно, равно как и дальнейшие соображения вроде того, что даже в тех случаях, когда они могли бы «созерцать происходившее со стороны и исследовать sine ira et studio, почему и как все вокруг происходило, им мешало еще то обстоятельство, что они находились в гуще жизни» (т. I, стр. 9).

Относительно таких обстоятельных и об'ективных ретроспективных обзоров, как, например, характеристика политической и социальной деятельности Законодательного Собрания, сделанная Бриссо перед окончанием деятельности этого Собрания (Жорес, III, И, стр. 408 русского перевода), вряд ли можно утверждать, что их авторы «лишены возможности следить за происходящим дальше, вне поля зрения их». Н. И. Кареев полагает, что эпоха реставрации была «таким отдалением от революции», с которого можно судить о значении события, не впадая в иллюзию, вызываемую тем, что «для современника может показаться необычайно важным то, что на известном отдалении кажется, наоборот, не имеющим большого значения». И Н. И. Кареев все же считает нужным остановиться на тех взглядах на революцию, которые высказывались о ней «во время самой революции», правильно констатируя, что эти взгляды «не могли не влиять на общие о ней мнения, с какими приходилось считаться и ее историкам» (стр. 26). Но подбор «публицистов времен революции» произволен и односторонен. Не рассматривается такое солидное произведение, как «Введение в французскую революцию» Барнава [1]).

Далее приходится отметить умолчание о таких произведениях, как «Histoire de la Révolution Française depuis 1789 jusqu'en 1814» par Laponneraye и «Histoire de la Révolution Française de 1789 à 1830» par Cabet [2]), Paris 1839. Эти истории французской революции не менее и не более тенденциозны, чем бòльшая часть рассматриваемой Н. И. Кареевым литературы. Во всяком случае, они заслуживают внимания, так как именно в них и в не рассматриваемом Н. И. Кареевым обзоре французской революции в «Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf» par Ph. Buonarotti дано наиболее последовательное изложение революции с якобинской, точнее робеспьеровской, точки зрения. Игнорируя Лапоннерэ, Кабе и Буонаротти, Н. И. Кареев приурочивает «начало робеспьеристского направления в биографической и монографической литературе» (т. I, стр. 181), идеализацию деятельности Робеспьера и его ближайших сподвижников, связанную с истолкованием их волеиз'явлений и намерений в социалистическом смысле, к историческим трудам Бюшеза и Ру и Луи Блана; но у Буонаротти, у Лапон-

---

[1]) То обстоятельство, что сочинения Барнава были изданы только в 1843 г., ни в коем случае не оправдывает умолчания об этом замечательном исследовании, являющемся наглядным опровержением высказываемого Н. И. Кареевым мнения, что «чисто историческая задача в стремлении понять революцию в ее причинах, ходе и следствиях намечалась» только в эпоху реставрации, а современники могли высказываться о причинах революции «лишь несколько поверхностно».

[2]) В подробнейших библиографических указателях упоминается только третье издание, Paris 1838, имеющееся в библиотеке Института Маркса и Энгельса.

нерэ, издавшего речи Робеспьера и читавшего лекции о нем, и у Кабе превращение Робеспьера в социалиста, соответствовавшее настроениям революционных кружков тридцатых годов, делавших социалистические выводы из робеспьеровского провозглашения прав человека и гражданина, произведено гораздо решительнее, чем у Бюшеза и у Луи Блана, и притом в сознательном противоположении точке зрения и оценкам либеральных историков.

Глава о Луи Блане принадлежит к лучшим главам «Французских историков». Отдавая полную справедливость заслугам Луи Блана как историка, Н. И. Кареев подвергает его приемы и точку зрения об'ективной критике. Особенно важно выяснение поверхности экономических анализов у Луи Блана.

Изложение и разбор трудов Мишле, Токвиля, Кинэ, Олара, Жореса, замечания о монографиях по французской революции, характеристика современного состояния историографии революции представляют большой интерес, особенно — критический разбор Жореса.

Не мешало бы, быть может, отметить такой чрезвычайно характерный труд, как «Essai sur la Révolution Française» par P. Lanfrey. Paris 1858. Эту книгу приходится признать едва ли не характернейшим выражением умеренно-республиканской, точнее жирондистской, точки зрения, и, как таковая, она заслуживала бы рассмотрения не менее, чем столь же тенденциозная, но более расплывчатая книга Кинэ.

Из исторической литературы с эбертистскими симпатиями Н. И. Кареев упоминает только о монографии Авенеля об Анахарсисе Клотце. Однако гораздо более характерной для этого направления приходится признать «Les Hébertistes» G. Tribon'а бланкиста, члена коммуны 1871 г. (1-е издание в 1864 г., 2-е издание в 1871 г.). Конечно, это произведение тенденциозно, опять-таки не более и не менее, чем бо́льшая часть книг, рассматриваемых Н. И. Кареевым. Как и монография Авенеля о Клотце, брошюра Тридона, по своим методологическим приемам, не выше ламартиновских «Жирондистов». Но и «Эбертисты» Тридона чрезвычайно интересны, — это едва ли не наиболее характерное литературное свидетельство о глубокой переоценке ценностей в активно-революционной среде под влиянием неудачи революции 1848 г. Презрение и ненависть к Горе 1848 года, к Луи Блану, Ледрю-Роллену и т. д. влияет на оценку возвеличиваемых Луи Бланом монтаньяров 1790-х годов. Идеализация Эберта и его сподвижников, приписывание ему социалистических воззрений, при всей своей наивности и исторической необоснованности, важны для выяснения генезиса идей сознательнейших деятелей будущей Парижской Коммуны 1871 г. и их стремлений. В этом отношении брошюра Тридона, во всяком случае свидетельствующая об основательном изучении историков революции и об оригинально-критическом отношении к ним, — первоклассный исторический документ.

Критическое изложение взглядов Тэна [1]) и Сореля принадлежит к лучшему в труде Н. И. Кареева.

---

[1]) Между прочим, перечисляя предшественников Тэна, Н. И. Кареев упоминает о Sallier, авторе «Essai pour servir d'introduction à l'Histoire de la Révolution Française», как о вдохновителе де-Конни, одного из предшественников Тэна, замечая, что ему (Н. И. Карееву) эта книга неизвестна. В библиотеке Института Маркса и Энгельса имеется экземпляр «Essai pour servir d'introduction à l'Histoire de la Révolution Française par Guy-Marie Sallier, Ancien Conseiller au Parlement de Paris, Maître de Requêtes au Conseil d'Etat. Seconde édition. Paris 1819 (первое издание вышло в 1802 году). В рассуждениях Саллье нет ничего оригинального, кроме разве утверждения, что lettres de cachet—ничто в сравнении с посягательствами на индивидуальную свободу со стороны разных «революционных династий, одна за другой угнетавших Францию» (стр. 97), и что «в революции все шло хорошо, пока дело шло только о разрушении». В первом издании Саллье приветствует первого консула, а в предисловии ко второму изданию сравнивает Наполеона с Тиберием.

Существеннейший из пробелов в труде Н. И. Кареева, поскольку дело идет о французских историках революции, вытекает из отношения Н. И. Кареева к трудам А. Матьеза и его сотрудников, которые Н. И. Кареев признает «солидными» (т. II, стр. 170), воздерживаясь, однако, от рассмотрения результатов, к которым А. Матьез пришел именно на основании привлечения к делу новых архивных материалов и путем критического пересмотра множества традиционных легенд. Если Н. И. Кареев имеет существенные возражения против методов и выводов А. Матьеза, отчего же он не формулирует их? А если Н. И. Карееву нечего возразить против методов и выводов Матьеза, то ведь нельзя же не констатировать, что после исследований Матьеза, например об анти-христианском движении, о процессе дантонистов и о вызвавших этот процесс обстоятельствах, нельзя держаться таких взглядов, например, на роль, которую играл в том и в другом случае Робеспьер, какие высказывал Н. И. Кареев в своих прежних работах. Во всяком случае, отсутствие во «Французских историках» хотя бы об'ективного изложения монографий А. Матьеза — пробел существенный и ничем не оправдываемый.

В III томе «Историков французской революции», в главе о немецких историках, даны очень содержательные замечания о Шлоссере, Лоренце Штейне, Зибеле и т. д. Из пробелов приходится указать на умолчание о «Geschichte der Französischen Revolution von 1787 und 1788» von Ernst Jungnitz. Charlottenburg 1846. Если Н. И. Кареев правильно указывает на то, что историки революции нередко игнорируют, что революция в сущности началась еще до 1789 года, то тем более заслуживал бы упоминания двухтомный серьезный труд Юнгница, посвященный именно революции в 1787 и 1788 годах. Затем заслуживала бы упоминания «Geschichte der Französischen Revolution» von Bruno Bauer, Edgar Bauer und Ernst Jungnitz. Leipzig 1847. Этот исторический труд, об'ективностью и научностью во всяком случае не уступающий многим из рассматриваемых Н. И. Кареевым произведений, весьма интересен как выражение взглядов на революцию и настроений, господствовавших в радикальных кругах немецкой интеллигенции как раз накануне революции 1848 года.

Наконец, в главе о русских историках, Н. И. Кареев дает чрезвычайно содержательный и строго об'ективный обзор вкладов «русской школы» в разработку истории французской революции. Справедливость требует признать, что многое в этом отношении сделано самим Н. И. Кареевым, главным образом в его классической работе о «Крестьянах и крестьянском вопросе», которую так заслуженно высоко ставили Маркс и Энгельс, и в его работах о парижских секциях в эпоху Великой французской революции.

IV. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В. А. Горохов. Русская Секция Первого Интернационала. Изд. «Московский Рабочий». Москва 1925 г., стр. 131.

Эта брошюра (которой автор на титульном листе придал еще более широкий подзаголовок «I Интернационал и русский социализм») в сущности посвящена лишь подробному изложению газеты «Народное Дело», выходившей в Женеве с сентября 1868 года. Вопрос о самой «русской секции» Интернационала, ее составе, происхождении, истории, связях и т. п. освещен в брошюре очень мало. Сам автор на стр. 131 признает этот недостаток своей брошюры, но об'ясняет его отсутствием исторических материалов.

Однако эта ссылка автора не совсем верна. В. Горохов не использовал даже всех имеющихся в литературе материалов, а во-вторых, теперь, когда царские архивы открыты, можно было дать себе некоторый труд отыскать и новые материалы по этому вопросу. Конечно, брошюра, дающая изложение старого заграничного издания, недоступного для широких кругов читающей публики, имеет

известное значение. С этой точки зрения В. Горохов несомненно выполнил полезную работу и отчасти заполнил пробел в нашей исторической литературе. Но, как он сам сознает, им сделан только первый шаг.

Приходится отметить, что автор отнесся к своей задаче с изрядной небрежностью. Несмотря на небольшой размер книжки, в ней попадается слишком много ошибок и неточностей, которых можно было бы легко избежать при несколько более внимательном отношении к делу. Чтобы не быть голословными, укажем на некоторые из этих неточностей.

Вопреки мнению В. Горохова (стр. 6), «первоначальное возникновение народнической идеологии» мы находим вовсе не в «Народном Деле» (по контексту видно, что автор имеет в виду «Народное Дело» со второго номера). Сам Горохов через несколько страниц указывает, что отцом народничества может быть назван Герцен (стр. 14, прим.), а также Бакунин (стр. 18), не говоря уже о Чернышевском. Если уже брать «Народное Дело», то, как о первой формулировке основных воззрений народничества, можно говорить, пожалуй, о первом его номере, составленном Бакуниным, но никак не о последующих, редактировавшихся Утиным.

Но пойдем по порядку.

«Общий фонд» составлял не 25.000 франков (стр. 13), а 20.000 фр. Получил Нечаев после смерти Герцена не весь фонд, как говорит Горохов, а его вторую половину, первая же была ему выдана Огаревым еще при жизни Герцена. Наконец, неизвестно, откуда Горохов взял, что Бахметьев пожертвовал эту сумму, «увлекшись революционной агитацией Герцена». Три неточности в одном небольшом примечании. Не много ли это?

Пантелеев (стр. 10) вовсе не занимал в обществе «Земля и Воля» «руководящего положения». Горохов пользовался его «Воспоминаниями», но игнорировал записку А. Слепцова, напечатанную у М. Лемке в комментариях к сочинениям Герцена.

Сказать, что «Альянс был основан Бакуниным и Жуковским» (стр. 23), значит выразиться, по меньшей мере, двусмысленно. Горохов совершенно не пользуется иностранной литературой, но и из русской он мог бы почерпнуть более точные сведения об Альянсе, да и вообще о затронутых им вопросах.

Газета «Egalité» очутилась в руках сторонников Альянса не в к о н ц е 1869 г., как говорит Горохов (стр. 28), а в н а ч а л е этого года. К концу 1869 г., как он сам указывает, она уже ускользнула из их рук.

Среди брошюр, выпущенных Бакуниным и Нечаевым в 1869 г., Горохов д в а ж д ы (стр. 29 и 31) называет листовку «Постановка революционных вопросов». Но так озаглавлена была задуманная Бакуниным серия статей в «Народном Деле», из коих напечатана была только одна. Листовка же, которую имеет в виду Горохов, озаглавлена была «Постановка революционного вопроса».

Прокламации «К русским студентам» не существовало. Была прокламация, озаглавленная «Русские студенты». Драгоманов зря приписал ее Бакунину, и это повторяет за ним Горохов (стр. 29). Но т е п е р ь нельзя не знать, что эта прокламация принадлежит Огареву, как выясняется из опубликованной переписки Герцена. Прокламация же Бакунина называлась «Несколько слов к молодым братьям в России».

«Колокол» Нечаева не издавался Бакуниным, как неверно утверждает Горохов (стр. 51, прим.). Если бы он, хотя бы бегло, перелистал газету или внимательно прочитал хотя бы опубликованные Драгомановым письма Бакунина, то знал бы, что Бакунин стоял в стороне от этого «Колокола» и направлением его был недоволен (о чем, в частности, свидетельствует и письмо Бакунина в редакцию «Колокола», напечатанное в № 2).

«Некто madame Olga», о которой, со слов Кропоткина, говорит Горохов (стр. 52), есть Ольга Левашева, о которой часто упоминается и в письмах Бакунина, и в его статьях. Это нужно было бы знать человеку, пишущему об Утине и «Народном Деле». Эта мелочь кстати показывает, как Горохов отнесся даже

к тому материалу, который был у него в руках, и доказывает, что напрасно он жалуется на отсутствие материалов.

Неверно, что доклад, требовавший исключения Бакунина, представлен был Генеральным Советом «на основании данных, собранных Утиным». (стр. 54). Это вопрос сложный, но опять-таки даже из русской литературы Горохов должен был бы знать о роли Лопатина и Даниельсона (Николая — она) в деле исключения Бакунина из Интернационала, не говоря уже о деятелях швейцарского и испанского Интернационала.

Заходит ли речь о составе «Русской секции», об'еме ее работы, продолжительности существования, связей с Россией, он систематически уклоняется от выяснения этих вопросов, каждый раз ссылаясь на отсутствие материалов. Даже по такому вопросу, как вопрос об источниках программы «Русской секции», он ограничивается добросовестной перепечаткой, не зная или забывая, что, по словам Ралли («Минувшие Годы», 1908, октябрь) и по утверждению Бакунина в письме к Н. Жуковскому от 17/VII 1870 г., вся часть этой программы, относящаяся к славянским землям, заимствована из бакунинского проекта с прибавлением одного только слова. Такое указание должно было бы остановить на себе внимание историка «Русской секции».

Напрасно Горохов пытается оспорить утверждение Туна (да и не одного Туна), что русская молодежь ознакомилась с Интернационалом в эпоху его упадка и главным образом через Бакунина. Ведь он сам принужден признать, что группа «Народного Дела» была чисто литературной группой, не имевшей связей с русским движением. Об ее влиянии в России не приходится говорить, а влияние Бакунина было там чрезвычайно велико. И неверно, что «личная роль Бакунина в русском движении выступала лишь в связи с фигурой Нечаева». Она выступала и до Нечаева, и особенно после него. И именно через посредство Бакунина и его последователей революционная молодежь, точнее — большинство ее, знакомилась в семидесятых годах с идеями Интернационала — правда, в их анархистской разновидности.

Пожелаем В. Горохову при втором издании его книги собрать побольше новых материалов (для чего порыться немного и в архивах), внимательнее переработать существующие материалы и постараться заполнить те пробелы, которые в значительной мере обесценивают сейчас его работу. А это тем более досадно, что идея этой работы должна быть признана интересной и современной.

Emil Strauss. Die Entstehung der deutschböhmischen Arbeiterbewegung (Geschichte der deutschen Sozialdemokratie bis 1888). Verlag des Parteivorstandes der deutschen sozialdemokratischen Arbeiterpartei in der Tschechoslowakischen Republik. 1925, p.p. 234.

Эмиль Штраусс. Возникновение немецкого рабочего движения в Богемии (История немецкой социал-демократии до 1888 г.) изд. центрального комитета немецкой социал-демократической рабочей партии в Чехословакии. 1925 г., стр. 234.

По замыслу автора эта первая попытка изложения истории немецкого рабочего движения в Богемии (намечен и второй том, посвященный истории движения за последнее время) не представляет собой ученого исследования в строгом смысле слова. Автор считает своей главной задачей рассказать молодому поколению пролетариев, незнакомому с битвами прежних десятилетий, итоги опыта этого времени. Этим об'ясняется наглядное, живое, но часто довольно поверхностное изложение, а также сведение ученого аппарата к минимуму. Во всяком случае было бы желательно присоединить к книге предметный и именной указатели, которые облегчили бы возможность пользоваться ею.

В первом отделе, озаглавленном «Период до зарождения социал-демократии», излагаются в последовательном порядке начатки современной промышленности в Богемии (стекольное дело, фаянсовое, текстильное, добыча бурого угля);

к этому примыкает описание явлений пауперизма (труд женщин и детей, заработная плата, образ жизни), затем говорится об идейном влиянии коммунизма ремесленных подмастерьев, о результатах восстания ткачей в Лангенбилау и о разрушениях машин, о больничных и похоронных кассах, как первоначальных формах организации; наконец, следует описание положения дел в 1848 году.

Во втором отделе — «Начало социал-демократического движения (1860—1888)» — описывается борьба с мелко-буржуазными идеями самопомощи шульцеделичского типа и первые организационные начатки движения.

Центр тяжести всего исследования заключен в третьем отделе, «Внутренняя борьба» (1874—1888); здесь речь идет об отпоре анархистским течениям в австрийском рабочем движении и о борьбе между «умеренными» и «радикалами», как выражается Штраусс. Главу «Экономические и политические основы анархизма» нужно признать неполной. В ней дается, главным образом, описание социальной среды тогдашней Богемии, при чем не показано, как развивалось анархистское движение и какие, в частности, действовали на него влияния.

В конце книги приведены некоторые документы, в том числе известные полицейские сообщения о пребывании Маркса в Карлсбаде в 1875 и 1876 гг.

Hans Fehlinger. Die österreichische Gewerkschaftsbewegung Wien 1925. Verlag «Arbeiterbund Wirtschaft», p.p. 128.

Ганс Фелингер. Австрийское профессиональное движение. Вена 1925 г., стр. 128.

Рассматриваемая книжка является своего рода справочником для практика-профессионалиста. В ней описывается «современное положение, возникновение и рост профессиональных союзов». Однако исторические данные слишком кратки, зато много места уделено деталям организационного характера и профессиональной практики: вопросам коллективного договора, регулирования предложения рабочей силы, помощи безработным, контроля над производством и вопросам заработной платы и рабочего времени.

Изложение посвящено главным образом описанию свободных профессиональных союзов. В отдельной главке говорится о христианских и прочих профессиональных организациях. Книжка не имеет никаких научных притязаний. Она годится для быстрой ориентировки в вопросах современного профессионального движения; приводимые в ней цифры простираются до 1924 г.

Eduard Bernstein. Von 1850 bis 1872. Kindheit und Jugendjahre. Reiss, Berlin 1926, p.p. XII + 219.

Эдуард Бернштейн. С 1850 г. до 1872 г. Детство и юность. Рейсс, Берлин, 1926. стр. XII + 219.

Книгу Эдуарда Бернштейна можно считать первоклассным историческим документом для изучения истории немецкой социал-демократии, хотя книга эта как раз оканчивается вступлением Бернштейна в социал-демократическую рабочую партию (Эйзенахскую). Говоря о своем детстве и юности, Бернштейн в то же время дает чрезвычайно яркую и до мельчайших подробностей вырисованную картину берлинского мелко-буржуазного общества шестидесятых годов. Но взгляды и привычки этой мелкой буржуазии господствовали тогда и в массе берлинского пролетариата. В книге Бернштейна с совершенной образностью обрисованы узость, забитость, филистерство и покорность этой мелкой буржуазии. Именно здесь можно найти наглядное историческое об'яснение тем филистерским чертам, которые присущи немецкой социал-демократии и еще больше ее вождям. Книга захватывает отдельными штрихами и домартовский период, но основной материал относится к шестидесятым годам. Домашняя жизнь, школа, театр, политические настроения и воззрения мелкой буржуазии, ее литературный вкус и мода, банковое дело в Берлине в шестидесятых годах и в годы

грюндерства — на всем этом Бернштейн останавливается с большой любовью к деталям. По изложению эта книга — лучшее, что написал Бернштейн: живая, красочная, образная. Форма здесь вполне соответствует содержнию.

За этим первым томом воспоминаний Бернштейна должны последовать еще два.

Мы рекомендуем книгу Бернштейна всякому, кто хочет получить действительно выпуклое представление о немецкой мелкой буржуазии шестидесятых годов и вместе с тем всякому, кто захочет ознакомиться с немецким рабочим движением и с немецкой социал-демократией.

Морис Доманже. Бланки. Перевод с франц. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1925, стр. 98.

В первой части брошюры автор дает сжатую и очень яркую историю жизни Бланки. Эта история, в которую местами вкраплены огненные обращения самого Бланки, читается с неослабевающим интересом. Вторая часть брошюры, посвященная идеям Бланки, несмотря на сжатость, разработана обстоятельно и хорошо выявляет не только то, каким крупным мыслителем был этот великий заговорщик, но и насколько его воззрения в основном близки и живы для нашего времени.

Нужно однако заметить, что стремление автора подчеркнуть в бланкизме преимущественно черты, роднящие его с революционно-пролетарской идеологией нашей эпохи, привело к тому, что в его изложении оказались недостаточно выдвинутыми самые существенные черты бланкистского мировоззрения. Доманже не выявляет с достаточной отчетливостью того основного для бланкизма момента, что последний строил свое мировоззрение, критикуя статику буржуазного общества и мало учитывая ведущие в направлении социализма об'ективные экономические процессы, равно как и процесс самоорганизации рабочего класса. Результатом этой оторванности бланкизма от социальной динамики и является, обычно считаемая основной его характерной чертой, склонность к конспиративно-повстанческой тактике, анализу которой Доманже точно так же не уделяет достаточно внимания.

Перевод брошюры не лишен ошибок и неточностей: переводчик заставляет Сен-Симона, умершего в 1825 г., «продолжать свою пропаганду» в 1836—37 гг. (стр. 12); в действительности дело идет о сен-симонистах; Луи Блана его враги представляли, по мнению переводчика, собственником всего Сен-Жерменского квартала (стр. 19); газета Бланки («Ni Dieu, ni Maître») называется почему-то «Долой бога и короля!» и в ней работает Жан Мост (стр. 43) и т. д. Мы полагаем, что современный читатель в праве требовать более тщательных переводов.

Georges Moreau. Le Syndicalisme, les mouvements politiques et l'évolution économique. Bibliothèque Générale d'Economie Politique. Librairie des sciences politiques et sociales. Marcel Rivière, Paris 1925, pp. 355.

Жорж Моро. Синдикализм, политические движения и экономическая эволюция. Париж 1925. Изд-во Ривьера.

Автор поставил себе весьма трудную задачу. На-ряду с обработкой более ранних исследований, — из них мы назовем Пуже, Гриффюль, Пеллутье, Сореля, Берта, Лагарделя, Поля Луи, — в подобного рода очерке читателя прежде всего интересует метод. По этому поводу предоставим слово самому автору (стр. 5): «Тщательно изучить эти вопросы, произвести исследования, использовать статистические и анкетные данные; после критического изучения источников исключить из поля нашего исследования всякую мысль о конечных целях, рассматривать синдикализм, как предмет; изучить и указать, каким образом теории его под давлением действительности подчас становились более гибкими; избрать метод, приняв все необходимые меры предосторожности; относиться с сугубой осторожностью к случайным явлениям, в меру и не наудачу пользоваться дедукцией... Метод, говорим мы. Но какой метод? Тот, какой один из современных

экономистов, испытанный статистик, применил в своем труде о заработной плате горнорабочих во Франции (Симиан, «Заработная плата и пр.», 1904)».

Нельзя не отнестись с изрядной долей скептицизма к такого рода заявлению; на основании книги Моро указать на ошибочность подобного «метода» было бы задачей весьма благодарной.

Материал свой автор расчленил следующим образом: во введении он занимается вопросами об общественных классах, об отношении синдикализма к рабочему классу, о формулировках Максима Леруа, Сореля и Сен-Симона, о взглядах Жуо на синдикализм. Разделенная на несколько глав, первая часть излагает суть синдикализма реформистского и красного. В особом отделе рассматриваются «любители теорий» (gourmets de théories), под которыми автор разумеет преимущественно последователей Сореля. Довольно интересна, хотя и недостаточно углублена, его сводка, включающая планы и проекты послевоенного времени, при чем описываются различные рабочие Интернационалы и их отношение к синдикализму.

Вторая часть рассматривает отношение французского движения к политическим событиям, начиная примерно с 1876 г. до основания С. G. Т. Эта часть особенно ценна благодаря описанию различных течений в профессиональном движении и отношения их к животрепещущим вопросам современности, при чем особенно интересны события эпохи мировой войны и революций.

Наконец, в третьей части автор пытается осветить с помощью диаграмм связь между хозяйственными явлениями и профессиональным движением в различных его проявлениях.

La C. G. T. et le Mouvement Syndical. La Fédération Nationale des Syndicats. La Fédération des Bourses du Travail. La Confédération Générale du Travail. Résolutions des divers Congrès. Histoire des Fédérations Nationales des Unions Départementales. Leur Administration, leur Action, leur Militants. L'Action Nationale. Paris. 21 Rue Lafayette 1925, pp. 699.

С. G. Т. (**Центральный Комитет Профсоюзов**) **и профессиональное движение.** Париж 1925 г.

В 1925 г. С. G. Т. (Центральный Комитет Профсоюзов Франции) праздновал 30-летие своего существования. К этому сроку приурочен был выход об'емистого труда по истории его развития. В предисловии подчеркивается, что труд этот не представляет собой цельного, без пробелов, очерка истории рабочих организаций во Франции и что поэтому в нем не следует искать изложения широких тезисов этого движения, а также и окончательной формулы процесса социальных изменений. Указанный пробел действительно является серьезным недостатком книги; в ней недостает экономических и социально-исторических обоснований, недостает описания развития профессионального движения и об'яснения его особенностей, коренящихся в хозяйственном строе Франции. Однако значительная документальная ценность книги от этого не страдает.

В настоящей рецензии мы не имеем возможности подробно рассмотреть чрезвычайно богатый материал, представляемый этой книгой. Укажем лишь на сводку резолюций, принятых на отдельных профессиональных с'ездах и имеющих особое значение для оценки политики профессиональных союзов и различных течений профессионального движения. Статистические данные приведены с 1886 г. по 1925 г. Последние главы, в особенности сведения об об'единениях по департаментам и о биржах труда, придают книге характер скорее справочника, нежели связного очерка истории и деятельности С. G. Т.

V. ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

(Книги, изданные с 1 января по 1 апреля 1926 г. [1]).

«Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 гг.)». Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. — Москва — Ленинград. Гиз. 1926. (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса), тир. 10.000, стр. VIII+526, ц. 3 р.

Книга является третьим томом «Литературного наследства Маркса, Энгельса и Лассаля», изданного Ф. Мерингом еще в 1902 году в четырех томах. Однако, несмотря на такой давний срок, этот третий том появляется на русском языке впервые.

В России вышли два перевода этого издания; первый—в Москве в 1907 году, второй — в Одессе в 1908 году, но оба остались незаконченными, ибо в Москве вышел только первый том, а одесское издание дошло только до второго тома. Таким образом статьи, охватывающие столь важный период активной деятельности основоположников марксизма, до сих пор оставались неизвестными не знающим немецкого языка русским читателям.

Рецензируемый том заключает в себе статьи Маркса и Энгельса в период немецкой революции и непосредственно после революции. Эти статьи появлялись первоначально в «Новой Рейнской Газете», издававшейся Марксом с 1 июня 1848 года по 19 мая 1849 года в центре Рейнской области, в Кёльне, и в журнале «Новое Рейнское Обозрение», выходившем в Гамбурге с февраля до ноября 1850 года после запрещения газеты. Настоящее издание является точным воспроизведением меринговского, добавлена только блестящая статья Маркса о «Подвигах Гогенцоллернов», которую Меринг принужден был исключить из своего издания, ввиду того, что воспроизведение ее при тогдашних обстоятельствах — во время власти Гогенцоллернов — не представлялось возможным.

Для облегчения изучения статей дан именной указатель, содержащий краткие биографические сведения о лицах, о которых идет речь в основном тексте книги.

Г. В. Плеханов. Сочинения, том XXIII. «Библиотека научного социализма» под общей редакцией Д. Рязанова. Госизд. М. 1926, стр. 457, тираж 25.000 ц. 2 р. 60 к.

«История русской общественной мысли Плеханова осталась незаконченной. Ему удалось довести свой труд только до Радищева.... Но если Плеханову не удалось написать все эти части своего труда, то среди его работ все же имеются многочисленные статьи, которые послужили бы ему материалом для продолжения его труда... Руководясь этими соображениями, мы в настоящем томе собрали статьи Плеханова, которые несомненно были бы использованы им для четвертой части «Истории русской общественной мысли». — (Из предисловия Д. Б. Рязанова).

Ближайшим образом все статьи, вошедшие в т. XXIII, относятся к западникам и славянофилам. Содержание тома сводится к следующему: «П. Я. Чаадаев» — статья из «Современного Мира», январь 1908; три рецензии на книги

[1]) Опыт нескольких лет показал, что ряд изданий Института, и в особенности, как это ни странно, ряд самых важных и ответственных изданий (XI, XII тома собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848 — 1850 гг.)», не находят никакого отклика на страницах наших газет и журналов, даже специально занимающихся обозрением вновь выходящих книг. Считая такое явление ненормальным и не вдаваясь в об'яснение его причин, Институт полагает целесообразным печатать на страницах «Летописей марксизма» краткие автореферaты о всех своих изданиях.

М. Гершензона («История молодой России», «Жизнь В. С. Печерина», «Исторические записки») из «Современного Мира» за 1908—1910 гг.; статьи о славянофилах: «М. П. Погодин и борьба классов» («Современный Мир», 1911 г.); «И. В. Киреевский» («Современный Мир», 1911 г.) и рецензии на книгу Н. Бердяева о А. С. Хомякове («Современный Мир», 1912 г.); дальше следуют статьи о Белинском: 1. «В. Г. Белинский» из «Истории русской литературы в XIX веке», 2. «О Белинском» из «Современного Мира» за 1910 г., 3. «В. Белинский и В. Майков» из «Современного Мира» за 1911 г. и 4. Рецензия на книгу С. Ашевского «Белинский в оценке его современников» («Современный Мир», 1911 г.). Следует отметить, что остальные работы Плеханова о Белинском вошли в ранее изданный X том сочинений. Последними в книге идут работы Плеханова о Герцене: 1. Статья из «Современного Мира» (1911 г.): «А. И. Герцен и крепостное право», 2. Статья из «Современного Мира» (1912 г.): «Философские взгляды Герцена», 3. «Герцен-эмигрант» (Глава из «Истории русской литературы в XIX веке»), 4. Рецензия на книгу Богучарского о Герцене («Современный Мир» 1912 г.) и 5. Речь на могиле Герцена в Ницце («Будущее», 1912 г.).

Материалы для последних частей «Истории русской общественной мысли» предполагается поместить в подготовляемом к печати XXIV томе сочинений Плеханова.

Библиотека материализма

Под редакцией А. Деборина и Д. Рязанова

Людвиг Фейербах. Сочинения, том второй. С предисловием А. Деборина. Госиздат. М. 1926, стр. 445, тир. 7.000, ц. 3 руб.

Во второй том сочинений Л. Фейербаха вошли следующие его работы: «Сущность христианства» (1841 г.), «Сущность религии» (1845 г.) и «О Сущности христианства в связи с Единственным и его достоянием» (1845 г.). Первая работа дана в известном переводе Ю. М. Антоновского, просмотренном и исправленном О. Б. Румером; две последних работы переведены И. Б. Румером. Все работы, вошедшие во второй том, имеют громадное значение для пред-истории марксизма, так как являются «фейербахианским» периодом в развитии воззрений Маркса и Энгельса. Вместе с тем «Сущность христианства», как и два остальных произведения, были подвергнуты Марксом и Энгельсом критике уже с точки зрения диалектического материализма (в конце 1845 года) в «Немецкой идеологии» (опубликована в первой книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса»). Историческое значение изданных во II томе работ Л. Фейербаха выясняется в предисловии редактора, А. Деборина.

Библиотека марксиста

Под редакцией Д. Рязанова

Выпуск I. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Коммунистический Манифест, с предисловием и примечаниями. Госиздат. М. 1926, стр. 141, тир. 30.000, ц. 50 коп.

Настоящее издание предназначено в первую очередь для слушателей партшкол и членов марксистских кружков. Этим об'ясняется характер всего комментария, принадлежащего перу тов. Д. Рязанова. Комментарий состоит из «Введения» (стр. 9—26), представляющего историческую обстановку накануне появления «Коммунистического Манифеста», и «пояснений» (стр. 67—141), разделенных на четыре части, соответственно главам «Манифеста». Пояснения эти имеют социально-экономический и исторический характер. Мало подготовленному

читателю они дают необходимый для усвоения текста запас сведений. Таким образом, настоящее издание отличается от издания 1923 года, рассчитанного на преподавателей партийных школ и студентов коммунистических университетов, большей популярностью комментария. Издание снабжено 21 рисунком, которые представляют собою воспроизведения хранящихся в музее Института портретов и, по преимуществу, старинных гравюр, изображающих революционных деятелей и революционные события.

Выпуск II. **Ф. Энгельс.** Развитие социализма от утопии к науке. Госиздат. М. 1926, **стр.** 166, тир. 10.000, ц. 70 коп.

Книжка представляет собою первое и единственное полное издание «Развития социализма», без всяких сокращений и со всеми предисловиями и приложениями, которые были написаны Энгельсом для различных изданий на немецком и других языках. Весь материал книжки расположен так: 1) Предисловие редактора тов. Д. Рязанова, знакомящее читателя с прежними русскими изданиями «Развития социализма». 2) Предисловие Энгельса к первому немецкому изданию 1882 год). 3) Краткое предисловие Энгельса к четвертому немецкому изданию (1891 год). 4) Предисловие Энгельса к английскому изданию (1892 год), которое обычно известно у нас в сокращенном виде, как перевод статьи Энгельса «Об историческом материализме» (1893 г.). 5) «Развитие социализма от утопии к науке», в переводе В. Засулич и Г. Плеханова, заново просмотренном, исправленном и дополненном теми прибавлениями о Сен-Симоне и трестах, которые Энгельс внес в четвертое немецкое издание. 6) Приложение: «Марка» (1882 год) — статья, изданная впервые как агитационная листовка и теперь вторично появляющаяся на русском языке в новом переводе. 7) Примечания в алфавитном порядке (стр. 101—166), составленные Г. Зайделем и И. Лупполом и имеющие целью облегчить начинающему читателю усвоение текста Энгельса. Примечания эти касаются главным образом многочисленных имен философов, ученых, социально-политических деятелей и других исторических лиц, а также ряда понятий, предметов и проблем, требующих пояснения. Вследствие этого издание вполне приспособлено для слушателей партшкол и членов марксистских кружков. К книге приложен портрет Ф. Энгельса.

Выпуск III. **Ф. Энгельс**, Крестьянская война в Германии, **с предисловием и примечаниями.** Госиздат. М. 1926, стр. 159, тир. 10.000, ц. 70 **коп.**

Предисловие редактора, тов. Д. Рязанова, вкратце знакомит читателя со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса на роль крестьянства в осуществлении социальной революции, а также с ходом работ Энгельса над очерком Крестьянской войны 1525 года. Самый текст очерка дан в новом переводе ныне уже покойного Н. М. Попова. К очерку Крестьянской войны приложены «Двенадцать тезисов германских крестьян в 1525 году» в переводе И. Ройзмана. Книжка заканчивается примечаниями, составленными Ц. Фридляндом и имеющими своей задачей помочь читателю не-специалисту.

Выпуск IV. «Карл Маркс—мыслитель, человек, революционер». **Госиздат. М. 1926, стр. 174, тир. 10.000, ц. 50 коп.**

Книга представляет собой сборник статей, принадлежащих перу марксистов первого и второго поколения и рисующих К. Маркса как мыслителя, революционера и человека. Вначале даны две кратких биографических статьи Ф. Энгельса и Элеоноры Маркс. Первая была написана Энгельсом еще при жизни Маркса, в 1878 году; вторая — через несколько дней после смерти Маркса. Дополнением к этим статьям являются: письма Энгельса к Зорге о смерти Маркса и известная речь Энгельса над могилой Маркса. Далее даны: статья

Маркса «Памяти июньских бойцов» и его же речь, произнесенная 14 апреля 1866 года: «Революции 1848 года и пролетариат». Эти материалы характеризуют Маркса равным образом как революционера, так и человека. Остальные материалы сборника расположены в следующем порядке: Г. Плеханов, Карл Маркс (по поводу двадцатилетия со дня смерти Маркса), — статья, выявляющая международную роль Маркса и особенно его значение для еще молодого (1903 г.) русского рабочего движения. Фр. Меринг, Маркс и революция (1903 год), — изображение Маркса как теоретика революционной стратегии и тактики. Р. Люксембург, Застой и прогресс в марксизме. В. Ленин, Марксизм, — известное сжатое изложение марксизма из Энциклопедического словаря Граната. К. Тимирязев, Ч. Дарвин и К. Маркс, — историко-сравнительная параллель между двумя революционерами в области научной мысли. П. Лафарг, Карл Маркс, — статья-воспоминания о Марксе, как человеке и научном работнике. Ф. Леснер, Воспоминания рабочего о Марксе; воспоминания знакомят с Марксом как членом рабочих организаций и организатором германского коммунистического движения. В. Либкнехт, Маркс и дети и «В поле и на лугу» — воспоминания о Марксе в лондонскую пору его жизни. В. Ленин, Гайндман о Марксе и, наконец, Д. Рязанов, Исповедь К. Маркса — сообщение и исторический комментарий по поводу ответов Маркса на вопросы дочерей, заданные ему в порядке детских игр. Шутливые ответы Маркса дают материал к его характеристике как человека.

К книге приложено десять иллюстраций-воспроизведений с музейных материалов (главным образом семейные фотографии Маркса), хранящихся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

Выпуск V. **Поль Лафарг,** Томас Кампанелла. **Госиздат. М.** 1926, **стр.** 102, **тир.** 10.000, **ц.** 50 **коп.**

Настоящее издание дает впервые русскому читателю полный перевод работы Лафарга, при чем перевод этот выполнен с французского оригинала, а не с немецкого переводного текста (как это делалось обычно). Предисловие редактора знакомит с той критикой, которой работа Лафарга подвергалась со стороны экс-марксиста Б. Кроче. Фактические исправления Б. Кроче оговорены Д. Рязановым в предисловии, некоторые же явные ошибки Лафарга и его описки исправлены непосредственно в тексте. В конце предисловия указана дальнейшая литература о Т. Кампанелле на русском языке. После текста работы Лафарга — в новом переводе Е. Смирнова — даны (в алфавитном порядке) примечания, составленные Г. Зайделем и И. Лупполом. Эти примечания сообщают ряд самых необходимых для широкого читателя сведений о тех личностях или общественных течениях, о которых в большом количестве сообщает П. Лафарг и которые при отсутствии специальных сведений лишь затрудняют чтение.

Выпуск VI. **Г. В. Плеханов.** Основные вопросы марксизма, **Госиздат, М. 1926, стр. 134, тир. 10.000, ц. 60 коп.**

Работа снабжена кратким предисловием Д. Рязанова, выясняющим неразрывную связь социалистических и материалистических убеждений Плеханова. После основного текста в качестве приложений даны большие отрывки: «О «скачках» в природе и истории» и «Диалектика и логика». Последний представляет собою часть предисловия Плеханова к брошюре Ф. Энгельса, «Л. Фейербах». Этот отрывок был введен в текст немецкого издания «Основных вопросов марксизма» в 1910 году. К примечаниям автора добавлено значительное количество примечаний Д. Рязанова, ориентирующих читателя в новой литературе по затрагиваемым вопросам, приводящих тексты из работ К. Маркса и Ф. Энгельса и разъясняющих смысл основного текста.

Marx-Engels Archiv. Zeitschrift des Marx-Engels-Instituts in Moskau, herausgegeben von D. Rjazanov. I. Band. Marx-Engels-Archiv Verlagsgesellschaft, m. b. H. Frankfurt a. M. pp. 549.

Первый том немецкого «Marx-Engels Archiv'a» является первым выступлением Института К. Маркса и Ф. Энгельса на международном фронте марксизма. Этот журнал должен иметь для Запада то же значение, что русский «Архив» для русских читателей; он является историческим по преимуществу журналом, в котором печатаются статьи и исследования, документы и материалы, касающиеся происхождения, развития и распространения идей научного социализма или, другими словами, касающиеся истории марксизма в теории и на практике.

Содержание первого тома немецкого «Архива» в значительной части своей знакомо русскому читателю по русскому варианту этого тома. Однако некоторые материалы этого тома на русском языке пока еще не появлялись. Содержание его представляется в следующем виде:

1. Исследования: А. Деборин — «Die Dialektik bei Kant»; В. Волгин — «Ueber die historische Stellung St.-Simons»; Д. Рязанов — «Die Entstehung der Internationalen Arbeiterassoziation».

II. Из литературного наследства Маркса и Энгельса: «Marx und Engels über Feuerbach» (первая часть «Немецкой идеологии»). Все эти материалы известны уже русскому читателю. Теперь, наконец, часть «Немецкой идеологии», пролежав в Германии с 1845 года, становится, благодаря немецкому изданию «Архива», доступной для изучения и в Германии.

III. Письма и документы. Здесь опубликована впервые и полностью переписка В. Засулич с Марксом. Все четыре черновика письма и самое письмо напечатаны на французском языке, т.-е. так, как они были написаны Марксом. Русскому читателю эта переписка известна по первому тому русского «Архива».

IV. Обзор литературы. В этом отделе, кроме появившихся в русском «Архиве» обзоров (И. Луппола и Г. Тымянского—по философии, И. Рубина—по политической экономии, Ф. Ротштейна и Э. Цобеля—по истории рабочего движения), помещены еще: И. Рубин — «Stolzmann als Marx-Kritiker» и Е. Косминский — «Der englische Arbeiter im Zeitalter der industriellen Revolution».

V. Сообщения — отдел, введенный в немецком «Архиве». В томе I здесь напечатаны: на английском языке сообщение Р. Постгэта «Papers of the First Internationl» и на немецком языке сообщение о структуре и деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве, а также проспект предпринятого им международного собрания сочинений Маркса и Энгельса.

Том заканчивается международной (за исключением СССР) библиографией марксизма с 1914 года, составленной т.т. Э. Цобелем и П. Гайду. Эта богатая библиография была напечатана во втором томе русского издания «Архива»; в немецком издании она появляется просмотренной и дополненной составителями.

Внешность издания на высоте заграничной Editionstechnik.

FICHTEANA В КАБИНЕТЕ ФИЛОСОФИИ

Известен отзыв Энгельса о немецкой идеалистической философии, данный им в предисловии к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке». Энгельс говорит в нем: «И если учителя немецкой буржуазии потопили всякое воспоминание о великих немецких философах и созданной ими диалектике в болоте безотрадного эклектизма до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует, то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля».

Эти слова совершенно ясно и достаточно убедительно показывают, что в целях научного выяснения генезиса диалектического материализма необходимо изучать классиков немецкой идеалистической философии, а следовательно и Фихте. Поэтому Философский кабинет Института К. Маркса и Ф. Энгельса между прочим имеет своей задачей подбор научной литературы по Фихте.

В кабинете хранится большая коллекция литературы по Фихте, принадлежавшая прежде проф. Виндельбанду и приобретенная Институтом в 1922 году. Эта коллекция состоит из сочинений самого Фихте и литературы о нем; коллекция является очень ценной, так как в нее входит целый ряд весьма редких и не встречающихся даже в Германии материалов. К таковым относятся первые и забытые издания, предисловия, предварительные об'явления о выходе тех или иных сочинений Фихте, собрание рецензий эпохи Фихте, появлявшихся в журналах того времени, и т. п.

Так, например, в коллекции находятся:

1) Предварительные об'явления о фихтевской «Appelation an das Publicum über die ihm beigemessenen atheistischen Aeusserungen». (В «Allgemeine Literatur-Zeitung» № 1, 9. Januar 1799.) и о «Bestimmung des Menschen» (в «Allgemeine Literatur-Zeitung» № 159, 14. Dezember 1799).

2) Первые издания «Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters» и «Reden an die deutsche Nation».

3) Непереизданное до сих пор предисловие к «Kritik aller Offenbarung» и также первое издание «Grundlegung der Wissenschaftslehre».

4) Кроме того, в коллекции находится до сих пор не известная и вновь не переизданная статья Фихте из «Allgemeine Zeitung» от 1801 г. «Seit sechs Jahren liegt die Wissenschaftslehre vor dem deutschen Publicum», в которой Фихте развивает дальнейший план своей работы, а также замечания к статье — «Apologie der Versuche durch Elementarphilosophie und Wissenschaftslehre die kritische Philosophie zur Wissenschaft κατ'ἐξοχήν zu erheben» в «Philosophisches Journal», Bd. VI, 1797.

5) Упомянутые выше рецензии появились в журналах того времени «Jenaer Allgemeine Literatur-Zeitung», «Göttingener Gelehrte Anzeigen», «Bremer Sonntagsblatt» и т. п. Эти рецензии дают возможность иногда точнее фиксировать появление той или иной статьи Фихте, а также нередко освещают неясные факты из его биографии. Кроме того, они, конечно, об'ективно свидетельствуют об отношении к Фихте его современников и ближайших к нему поколений. Укажем некоторые из них:

а) «Idealismus und Realismus» von Wilhelm Meyer («Bremer Sonntagsblatt» № 35, 1863).

б) «Goethe und Fichte» von H. Düntzer. («Morgenblatt» № 31, 1864.)

в) «Zur Kritik Fichte's» von Joh. Jacoby (Brief Joh. Jacoby's an Moleschott. Zürich. Königsberg. 6. Febr. 1857. Aeusserung über das Verhältnis des Idealismus zum Materialismus). «Die Wage» 7. August 1874., № 32.

г) «Fichte und Schelling» von D. Stzm. («Intelligenzblatt d. Jenaischen Allgem. Literatur-Zeitung» № 4, 1807.)

д) «Fichte und Schelling».... von J. Fries (там же № 7, 1812) и другие.

6) Очень ценным и редким является оригинал известного «Wöllnerschen Religionsedikts» от 1788 г., который стоит в самой тесной связи с фихтевским «Atheismusstreit».

7) Имеется довольно большая литература по спору об атеизме 1799—1800 гг. Некоторые из этих книг и брошюр представляют большое культурно-историческое значение и интерес, как, например, сочинения Рейнгольда, Эбергарда, Heusinger'а и др.

8) Редкостью является и книжка Peuzenkuffer'а «Ewiges von Fichte und über ihn», в прибавлении к которой содержатся отрывки утерянных записок Фихте о боге и бессмертии души, так же, как и «Fünftelsaft», второй экземпляр которой хранится в городской библиотеке Дрездена.

Специально изданный печатный каталог отражает содержание коллекции; состоит она из 624 названий, которые распадаются на 45 отделов; из отделов наиболее интересными и крупными являются следующие:

1) «Atheismusstreit und seine Vorläufer (Religionsedikt von 1788.) Appelation. Ideen über Gott und Unsterblichkeit» — 58 названий.

2) «Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre und Grundriss des Eigentümlichen der Wissenschaftslehre, und Einleitungen, sowie Wissenschaftslehre in ihrem allgemeinen Umriss 1810» — 33 названия.

3) «Reden an die deutsche Nation» — 31 название.

4) «Versuch einer Kritik aller Offenbarung» — 17 названий.

5) «Briefe und Tagebücher» — 26 названий.

6) «Allgemeine Fichteliteratur» — 166 названий.

7) «Pädagogik» — 19 названий.

8) «Religionsphilosophie» — 24 названия.

Чтобы не быть голословным в оценке коллекции, приведем выдержку из заметки враждебного СССР и марксизму журнала «Revue de Métaphysique et de Morale» (janvier — mars 1926 г., «Supplément», p. 11), редактором которого состоит Xavier Léon, лучший знаток биографии Фихте. Это — «без сомнения, самая значительная, какая только существует в мире, коллекция как различных изданий отдельных произведений и статей Фихте, так и сочинений, брошюр, рецензий и, вообще говоря, всех материалов, какого бы рода они ни были, относящихся к произведениям и жизни Фихте. Каталог ее содержит если и не исчерпывающую, то, по крайней мере, наиболее полную библиографию Фихте до 1921 года. Это — документ, необходимый для всех, кто интересуется философией Фихте, его деятельностью, его произведениями и, еще шире, немецкой философией 1788—1813 гг.».

Коллекция систематически пополняется Кабинетом философии. Со времени приобретения ее Институтом, она обогатилась следующими изданиями (имеются в виду лишь отдельные издания):

А. Сочинения И.-Г. Фихте.

1. F i c h t e, J. G. System der Sittenlehre.. Hrsg. v. J. H. Fichte.. Bonn 1835. 453 p.
2. F i c h t e, J. G. Wissenschaftslehre und das System d. Rechtslehre... Hrsg. v. J. H. Fichte. Bonn 1834. 652 p.
3. F i c h t e, J. G. Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. Hrsg. v. Fr. Medicus. Lpz. 1922. 61 p.
4. F i c h t e, J. G. Machiavell. Kritische Ausgabe v. Hans Schulz. Lpz. 1918. 55 p.
5. F i c h t e, J. G. Der Patriotismus und sein Gegenteil. Hrsg. v. H. Schulz. Lpz. 1918. 61 p.
6. F i c h t e, J. G. Predigten v. Johann Gottlieb Fichte. Hrsg. v. M. Runze. Lpz. 1918. 70.
7. F i c h t e, J. G. Philosophie der Maurerei. Neu hrsg. v. W. Flinter. Lpz. 1923. 83 p.
8. F i c h t e, J. G. Rechtslehre. Hrsg. v. H. Schulz. Lpz. 1920. 176 p.
9. F i c h t e, J. G. Ein Evangelium der Freiheit. Hrsg. v. Max Riess. Lpz. 1905. 316 p.
10. F i c h t e, J. G. Reden an die deutsche Nation. Hrsg. v. A. Budekke. Jena 1921. 114 p.
11. F i c h t e, J. G. Neue Welt. Dokumenten der Menschlichkeit. Bd. 8. München 1919. 32 p.
12. F i c h t e, J. G. Méthode pour arriver à la vie bienheureuse. Trad. par M. Bouillier. P. 1845. 345 p.
13. F i c h t e, J. G. Considérations... sur la révolution française. Trad. par J. Barni. P. 1859. 353 p.
14. F i c h t e, J. G. Destination de l'homme. Trad. par Barchou de Penhoen. P. 1832. 395 p.
15. Ф и х т е, И.-Г. Избранные сочинения. Т. I. М. 1916 (Классики философии). VI + 521 стр.
16. F i c h t e, J. G. Briefwechsel. Hrsg. v. Hans Schulz. B. 1—2. Lpz. 1925.
17. F i c h t e, J. G. Filosofia della massoneria. Prima versione italiana. Con introduzione e note di Santino Caramella. Genova 1924. 186 p.

18. Fichte, J. G. Zurückforderung der Denkfreiheit von den Fürsten Europens, die sie bisher unterdrückten. Eine Rede. Nach dem Erstdruck des Jahres 1793. neu hersg. v. Reinhard Strecker. Lpz., Meiner 1919. 31 p.
19. Fichte, J. G. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution. Hrsg. Reinhard Strecker. Lpz., Meiner, 1922. XII + 255 p.
20. Fichte. Politische Fragmente. Neu hrsg. und eingeleitet von Reinhard Strecker. Lpz., Meiner, 1925. 128 p.
21. Aus Fichtes Leben. Briefe und Mitteilungen zu einer künftigen Sammlung von Fichtes Briefwechsel, von Hans Schulz. Brl., Rl. Reuther, 1918. 68 p. «Kantstudien». Ergänzungshefte... № 44.

B. Литература о И.-Г. Фихте.

1. Albers, L. Der Gottesbegriff bei Fichte. Breslau 1915. 50 p.
2. Barsegian, E. J. G. Fichtes Geschichtsphilosophie. Weida 1911. 72 p.
3. Bauer, W. Herr Professor Erdmann's Schmährede auf Fichte. Hasse 1862. 25 p.
4. Berger, S. J. G. Fichte. Lpz. 1924.
5. Boehm, M. Natur und Sittlichkeit bei Fichte... Halle 1914. (Abhandl. zur Philos. und ihrer Geschichte. 46.)
6. Busse, W. J. G. Fichte und seine Beziehung zur Gegenwart des deutschen Volkes. Hall 1848. 2. Bd.
7. Clerici, L. Le idee economico-sociali di Fichte. Modena. 1900. 71 p.
8. Duproix, P. Kant et Fichte et le problème de l'éducation. 2 éd. P. 1897. 260 p. (Bibl. de philos. contemporaine).
9. Dannenberg, Fr. Fichte und die Gegenwart. Langensalza 1921. 29 p.
10. Döring, O. Fichte. Lübeck. (1925.) 220 p.
11. Ehrenberg, H. Disputation. Drei Bücher v. deutsch. Idealismus. B. I. Fichte. 1923. 213 p.
12. Eitelberg, M. J. G. Fichte und der Socialismus. «Deutsche Worte». 1905. 5 p.
13. Elvenich, P. I. De Fichtii idealismo. Breslau, 1812. 59 p.
14. Engelhardt, E. Tat und Freiheit. Hamburg 1919. 21 p.
15. Erben, W. Fichte's Universitätspläne. Innsbruck 1914. 73 p.
16. Die Fichte-Feier der Berliner Mitglieder des National-Vereins. Berlin 1862. 48 p.
17. Ficker, O. L. Fichtes Gedanken über Erziehung. 1881. Progr. № 479. 12 p.
18. Fischer, Kuno. Fichtes Leben, Werke und Lehre. 4. Aufl. Heidelb. 1914. 735 p.
19. Gurwitsch, Georg. Fichtes System der konkreten Ethik. Tübingen 1924.
20. Gurwitsch, Georg. Die Einheit der Fichteschen Philosophie. Brl. 1922. 38 p.
21. Gabriel, P. Euckens Grundlinien einer neuen Lebensanschauung und sein Verhältnis zu Fichte. Bunzlau 1910. 44 p.
22. Hirsch, Em. Christentum und Geschichte in Fichtes Philosophie. Tübingen 1920. 70 p.
23. Hegel. Differenz des Fichte'schen und Schelling'schen System d Philosophie. Jena 1801. 184 p.
24. Horneffer, M. Die Identitätslehre Fichtes in den Jahren 1801—1806. Lpz. 1925. 46 p.
25. Heimsoeth, H. Fichte. München 1923. 222 p. (Gesch. d. Philosophie in Einzeldarstellungen. Hrsg. Kafka). 55 p.
26. Janson, Fr. Fichtes Reformpläne in den «Reden an die deutsche Nation»... B. 1911. 55 p.
27. Kraus, E. Der Systemgedanke bei Kant und Fichte. Marburg 1916. 63 p.
28. Langermann, J. Stein — Pestalozzi — Fichte. Barmen 1896. 79 p.
29. Langermann, J. Der Erziehungsstaat. Berlin... 1910. 67 p.
30. Lask, Emil. Fichtes Idealismus und die Geschichte. Berlin 1902. 75 p.
31. Leibholz, G. Fichte und der demokratische Gedanke. Freiburg 1921. 100 p.
32. Leistner, O. Fichte's «Reden an die deutsche Nation» in ihrer pädagogischen Bedeutung. 1877. 22 p.
33. Léon, Xavier. La philosophie de Fichte. P. 1902. 524 p.
34. Léon, Xavier. Fichte et son temps. P. 1922. T. I—II.
35. Levy, J. Fichte und die Juden. B. 1924. 12 p.
36. Lindau, H. J. G. Fichtes Lehren von Staat und Gesellschaft... Lpz. 1899. 107 p.
37. Maggiore, G. Fichte. Città di Castello, 1921. 306 p.
38. Mayer, Otto, Fichte über das Volk. Lpz. 1913. 13 p.
39. Medicus, F. Fichtes Leben. Lpz. 1922. 240 p.
40. Messer, A. Fichte, Lpz. 1920. 214 p.
41. Metzger, W. Untersuchungen zur Sitten-und Rechtslehre Kants und Fichtes. Heidelberg 1912. 191 p.

42. Messer, A. Fichtes religiöse Weltanschauung. Stuttgart 1923. 914 p.
43. Müsebeck, E. Das Verhalten der preussischen Regierungen im Fichte'schen Atheismusstreit. München 1915. 70 p.
44. Norelius, G. Har Fichte öfvervunnit dualismen? Wisey 1896. 21 p.
45. Perego, L. L'idealismo etico di Fichte e il socialismo contemporaneo. Modena 1911. 268 p.
46. Raich, M. Fichte, seine Ethik... Tübingen 1905. 196 p.
47. Runze, M. Neue Fichte-Funde aus der Heimat und Schweiz. Gotha 1919. 128 p.
48. Ritzer, Fr. Fichtes Idee einer Nationalerziehung... Langensalza 1913. 165 p.
49. Schelling, F. W. J. Darlegung des wahren Verhältnisses der Naturphilosophie zu der verbesserten Fichte'schen Lehre. Tübingen 1806. 164 p.
50. Schlegel, J. H. Die neuere Romantik in ihrem Entstehen und ihre Beziehungen zur Fichte'schen Philosophie. Rastatt 1864.
51. Schulz, Hans. Fichte in vertraulichen Briefen seiner Zeitgenossen. Lpz. 1923. 275 p.
52. Schwarz, H. Einführung in Fichtes «Reden an die deutsche Nation». Langensalza 1924. 66 p.
53. Stock, Otto. J. G. Fichte als Herold und Vorbild echter Vaterlandsliebe. Lpz. 1901. 10 p.
54. Trautwein, K. Ueber Ferd. Lassalle und sein Verhältnis zur Fichte'schen Sozialphilosophie. Jena 1913. 169 p.
55. Verländer, K. Kant, Fichte, Hegel und d. Sozialismus. Brl. 1920. 105 p. (Wege zum Sozialismus.) 1901. 10 p.
56. Wagenführ. Ueber die in Fichte's «Reden an die deutsche Nation» hervortretenden pädagogischen Prinzipien im Zusammenhange mit seiner praktischen Philosophie. Helmstedt 1879. 23 p.
57. Wagner, B. Ueber d. Beziehungen Fichtes zu Spinoza und Leibniz. Borna 1914. 69 p.
58. Wagner, R. Die Beziehungen Fichtes zu Süvern... Lpz. 1914. 69 p.
59. Weinel, H. J. G. Fichte. Berlin 1914. 109 p.
60. Wiener, M. Fichtes Lehre vom Wesen und Inhalt d. Geschichte. Kirchhain 1906. 121 p.
61. Вышеславцев, Б. Этика Фихте. М. 1914. 437 стр.
62, Деборин, А. М. Диалектика в системе Фихте (оттиск из «Вестника Com. Академии» 1923 г., кн. 3), 29 стр.

ТРУДЫ АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ XVII ВЕКА (1582—1708) В КАБИНЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

История экономических идей в Англии в XVII веке есть история последовательных дискуссий, вызванных самыми неотложными вопросами народного хозяйства. Борьба эта затрагивает насущные интересы отдельных классов общества и ведется с удивительной страстностью и упорством. Поэтому здесь, более, чем где бы то ни было, предпочтителен тот путь к уразумению идей, который от волнующих хозяйственную жизнь задач поднимается к их отражению в сознании общественных классов. Чисто догматический метод изложения, ставший традиционным в истории экономических идей, дает меньше всего гарантий для правильного уразумения как раз того предмета, о котором идет речь, ибо он незаметно подменяет попытки теоретизирования старых экономистов понятиями современной экономии и реальную связь фактов — их логической последовательностью. Прилагаемая систематическая библиография трудов английских экономистов XVII века составлена не по рубрикам теоретической экономии, взятым из любого учебника, а по тем основным проблемам, какие казались важными самим экономистам того времени. В силу этого она нуждается в некотором пояснении.

Если современная буржуазная экономия является отражением процессов воспроизводства финансово-промышленного капитала, то истинной теорией эпохи торгового капитала была теория внешней торговли. Теория внешней торговли и есть политическая экономия эпохи так называемого меркантилизма. Три вопроса особенно волнует английских экономистов первой половины XVII века—торговля с Ост-Индией, ловля сельдей и господство на море; вокруг этих вопросов и зарождаются первые попытки теоретизирования. Возникновение Ост-Индской компании в 1600 году подняло ряд разногласий; стали высказываться опасения не столько относительно самой торговли, сколько о тех последствиях, которые могут возникнуть благодаря ее существованию. Общественное мнение, охваченное предрассудками эпохи раннего меркантилизма, сразу поставило на обсуждение ряд вопросов: о ввозе индийских товаров в Англию, о вывозе слитков, о монопольных правах компании, об употреблении леса на судостроительство, даже о чрезмерной гибели людей во время далеких путешествий в загадочные и неизвестные страны. В 1615 году анонимный автор памфлета «The Trade's Increase» обрушивается на Ост-Индскую компанию с целым рядом возражений, подкрепляя их серьезным статистическим материалом. Компания поручает ответить за себя Дедлею Диггсу, который в своей «Защите торговли» (1615 г.) широко пользуется идеями Джерарда де-Маляйнса. Последний был неоспоримым авторитетом в области теоретической экономии, с мнениями которого считались в XVII веке не меньше, чем в XIX веке с мнениями Смита или Рикардо. Секретарь казначейства Лаундс приводит его взгляды на природу денег в полемике вокруг вопросов денежного обращения, разгоревшейся в 1695—1696 гг. Взгляды Маляйнса на природу внешнего обмена усваиваются Томасом Меном и Миссельденом. Первый из них основательно перерабатывает их и дает свою теорию внешнего баланса. Диггс в этом отношении менее оригинален; он иллюстрирует взгляды Маляйнса на цифровом материале, полученном от компании, приходя к выводу «о производительности» вывоза денег в Индию для приобретения редких товаров. Борьба вокруг Ост-Индской компании не прекращается в течение всего века; во второй половине века на защиту интересов компании выступают сэр Джосия Чайльд, «самодержец Ост-Индской компании» по выражению Маркса, Чарльз Давенант и сэр Дедлей Норс, дающие ряд замечательных экономических трактатов.

Прозаический вопрос о ловле сельдей в северных морях острием своим был направлен против морского владычества Голландии. Он тесно связан с проблемой «свободного и закрытого» моря, с увесистыми трактатами Гроция, с одной стороны, и Джона Сельдена, с другой. Сельден в своем «Mare Clausum» несомненно пользовался аргументами Маляйнса из «Lex Mercatoria», основывая свою точку зрения на положительном праве. Классическими работами по вопросу о рыбной ловле считаются: глава из указанного «Закона торговли» Маляйнса и памфлет Вальтера Ралея, на который не переставали ссылаться еще в XVIII веке. Вокруг этих основных работ возникает огромная литература, основным мотивом которой становится требование государственного вмешательства и протекционизма. Споры вокруг ловли сельдей силою вещей приводят к первому вооруженному столкновению с Голландией в эпоху английской революции.

Вопрос о ростовщическом капитале в XVII веке теряет свою былую остроту; он уже не трогает совесть сектанта, охваченного религией последовательного сбережения и скудного потребления. Но развитие производительных сил настоятельно выдвигает требование понижения легального процента под ссудный капитал. Вокруг этого вопроса загорается любопытная полемика. Отец и сын Кольпеперы защищают архаический взгляд, что государство вольно повышать или понижать высоту законного процента. Парламент на стороне старого Кольпепера, и ему удается добиться, чтобы в 1624 году законный процент был снижен с 10 на 8, и в 1652 г. до 6. Томас Мэнли, представитель новых идей, беспощадно разрушает патриархальную экономику обоих Кольпеперов, доказывая, что «низкий процент идет за богатством, а не предшествует ему». Роль рыночной стихии в установлении нормы процента на капитал понимает целый ряд анонимных авторов, пока Петти не дает блестящий анализ динамических условий, определяющих высоту процента.

Война с Францией и необходимость государственного займа осуществляют, наконец, идею «банковской корпорации», которой суждено было стать Английским банком, хотя различные проекты устройства банка выдвигаются уже со средины века в связи с затруднениями в денежном обращении на почве исчезновения хороших денег. Английский банк рождается в напряженной атмосфере борьбы против новой монопольной корпорации, в руках которой оказывается самый могущественный товар, квинт-эссенция товара — деньги, в самой материальной ослепительной форме. В этой полемике принимают участие: философ Джон Локк, Вильям Патерсон, Джон Бриско, лондонский купец Клемент Симон, Джон Кэри, Томас Хаутон, известный знаток сельского хозяйства, и тонкий теоретик врач Никлас Барбон.

Нужды земельного размежевания в связи с колоссальным перемещением собственности роялистов, католиков и других контр-революционеров в руки новой буржуазии в эпоху революции порождают необходимость в так называемой «политической арифметике». Первые теоретические опыты собирания цифровых данных производит доктор Вильям Петти в напряженной атмосфере только что замиренной и залитой кровью Ирландии. В этом же направлении влияет рост городов, увеличение населения, вопросы жилищного строительства. Петти, Граунт и Барбон закладывают первые основы той науки, которая под именем экономической статистики постепенно выделяется как самостоятельная теоретическая дисциплина. Пользуясь методологией Петти и Граунта, Кинг и Давенант приступают к обработке цифрового материала и неизбежно приходят к концепции производства и потребления национального продукта как единого экономического фонда.

Теоретические работы в области сельско-хозяйственной экономии в XVII веке тесно и неот'емлемо связаны с вопросами землеустройства и разных земельных улучшений. Специалист по вопросам сельского хозяйства был тогда агрономом по преимуществу. Чертеж замысловатой бороны нередко сопровождался замечаниями, достойными быть включенными в теоретический трактат о земельной ренте. Наша коллекция еще недостаточно богата в этом отношении, хотя в ней представлены такие классики-агрономы, как Andrew Yarranton, John Houghton, Samuel Hartlib и John Smith. Но этот маленький островок идей не дает возможности прийти к каким-нибудь определенным выводам по целому ряду проблем сельско-хозяйственной экономики и бросает слишком мало света на борьбу экономических интересов в английской деревне эпохи ранних и поздних Стюартов.

Наконец, Джон Беллерс, этот «истинный феномен в истории политической экономии», по выражению Маркса, с полной ясностью приходит к пониманию экономической природы классовых противоречий, заложенных в современном обществе. Проблема «бедных», — растущий пауперизм, — дает ему в руки богатый материал, на котором он возводит свои смелые реформаторские планы «Индустриального колледжа». Пауперизм порождает огромную литературу о бедных, характерную для последующего века, а мыслями Беллерса вдохновляется Роберт Оуэн в своем «New View of Society» (1818 г.).

В заключенине—об истории самой истории экономических идей. Маркс открыл для науки мир английской экономики XVII века, подойдя к ней со своим плодотворным методом. До него она изучалась или антикварно, или догматически; достаточно указать на работы Мак Куллоха, Траверса Туиса, Кауца и Рошера. Значение для науки забытых экономистов XVII века со всей полнотой показано Марксом уже в первой экономической работе, «Zur Kritik der politischen Oekonomie», где он скромно оговаривается, что не является экономистом по специальности. Уже здесь им использованы работы Миссельдена, Мэнли, Чайльда, Лаундса, Петти и ряд других по вопросу о природе денег и товара. Многие подстрочные примечания в I томе «Капитала», отдельные страницы в III томе являются ценными набросками к истории экономических идей, которая не перестает занимать Маркса. Свое завершение эта работа находит в «Theorien über den Mehrwert» и в многочисленных выписках (эксцерптах), дошедших до нас в литературном наследии Маркса. Все труды, цитируемые или упоминаемые Марксом, ниже обозначены звездочкой.

После Маркса нашлось не мало исследователей, которые направили свое внимание на английскую экономику XVII века, однако до сих пор нет еще работы, которая дала бы законченное изображение экономической мысли того времени, понятой на фоне насущных задач самой жизни, на фоне борьбы различных интересов и под углом зрения острых хозяйственных споров и разногласий, выдвинутых неумолимым ростом производительных сил. Метод Маркса еще ждет своего применения в этой области знания.

Коллекция Института К. Маркса и Ф. Энгельса состоит или из оригиналов (означенных литерой «о»), или фотокопических воспроизведений оригиналов — фотостатов (означаемых литерой «ф»). Само собой разумеется, что при создании коллекции трудно было приобрести все труды в оригинальных изданиях XVII века. Это затруднение было преодолено методом фотографической с'емки памфлетов, который, будучи свободен от погрешностей, неизбежных при всяком копировании, сохраняет подлинное лицо данного источника. Значительное число оригиналов, представленных в коллекции, являются библиографической редкостью. Даже Британский Музей не может гордиться исчерпывающим собранием экономических памфлетов XVII века, хотя в него вошли такие фонды, как коллекция экономиста XVIII века Джозефа Масси, который, не жалея средств, всю жизнь собирал экономические книги, памфлеты и листовки. Коллекция Масси охватывает 1.500 названий. Это до сих пор основной фонд, откуда черпают данные по истории экономической мысли XVI, XVII, и первой половины XVIII века Британская библиотека политических наук (British Library of Political Science) при Лондонской школе экономики особенно интересуется историей экономических идей; однако в некоторых отношениях она уступает по полноте коллекции Института К. Маркса и Ф. Энгельса; для примера укажем, что она не имеет полной коллекции памфлетов знаменитого сэра Джосии Чайльда.

Континентальные библиотеки еще беднее в этом отношении. Когда Каутский подготовлял издание «Теорий прибавочной стоимости» Маркса, он не нашел в Германии экономической литературы для осуществления своего труда. Цитаты Маркса из английских экономистов XVII и XVIII века приходилось сверять и восстанавливать в Лондоне. Парижская Национальная библиотека, несмотря на все свое богатство, представляет существенные пробелы как раз в интересующей нас области. Так, она имеет только один памфлет Джона Бриско, да и тот второстепенный, означенный у нас в отделе D, под № 20; не имеет она также полной коллекции Чайльда и Кэри, не говоря уже об анонимных памфлетах, связанных с историей Английского банка.

Не будет преувеличением сказать, что коллекция старых английских экономистов XVII века, собранная в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, является первой на континенте Европы как по полноте, так и по систематичности подбора. Она и сейчас насчитывает около 200 названий, представляющих основной материал для изучения эволюции английской экономической мысли от «меркантилизма» к непосредственным предшественникам классической политической экономии.

Во время печатания этого номера Институт К. Маркса и Ф. Энгельса получил еще ряд памфлетов XVII столетия, список которых будет дан в следующем номере.

А. Торговый капитал. Торговая политика. Ост-Индская кампания.

1. The Trade's Increase. London, printed by Nicholas Okes. 1615. 4-to. (ф)
Переиздан в Harleian Miscellany, t. IV, 202 — 220.

*2. [Sir Dudley Diggs]. The Defence of Trade: in a Letter to Sir Thomas Smith, knight, Governor of the East India Companie etc. From one of that Societie. London 1615. (ф)

*3. [Thomas Mun]. A Discourse of Trade from England unto the East Indies answering to diverse Objections which are usually made against the same. London, 1621. Первое издание относится к 1609 году. (ф)

*4. Thomas Mun. Englands Treasure by Forraign Trade, or the Balance of our Forraign Trade is the Ruler of our Treasure. I vol. 8-vo, London, 1713. (о)
Первое издание 1664 года; впоследствии неоднократно переиздавался.

*5. Malynes Gerard. The Center of the Circle of commerce, Or a refutation of a treatise, intituled the Circle of Commerce, or the ballance of trade lately published by E. M. London, 1623. (ф)

*6. [Misselden Edward]. The circle of commerce, or the balance of trade, in defence of freetrade opposed to Malynes etc. By E. M. Merchant. London, 1623. (ф)

*7. [Misselden Edward]. Freetrade, or the meanes to make trade florish. London, 1622. (ф)

*8. Fortrey Samuel. England's Interest and Improvement in the Jncrease of the Store and Trade of this Kingdom. 4-th edition. London, 1744. (о)

*9. [Child, Josiah]. A Treatise wherein it is demonstrated that the East India Trade is the Most National of all Foreign. Trades, etc. By Φιλοπάτρις. 4-to, London, 1684. (о)

*10. [Child, Josiah]. Brief Observations concerning trade, and interest of money. By J. C. London, 1668. (о)

*11. [Child Josiah]. A short addition to the observations concerning trade and interest of money. By the same Hand. London, 1668. (ф)

*12. Child Josiah. A new Discourse of trade etc. London, 1694. (о)

*12a. Sir Josiah Child's Proposals, for the Relief and Employment of the Poor. 4-to [probably 1670]. (о)

*13. Britannia languens, or a discourse of trade... London, 1680. (о)

*14. [North, Sir Dudley]. Discourses upon Trade, principally directed to the Cases of the Interest, Coynage, Clipping and Increase of Money. London, 1691. (о)

*15. [Pollexfen John]. England and India Inconsistent in their Manufactures being an answer to a Treatise entitled «An Essay on the East India Trade». London, 1697. (ф)

16 [Pollexphen John]. The argument of a learned counsel, upon an action of the case brought by the East India Company, against Mr. Thomas Sands. London, 1696. (о)

*17. [Pollexphen John]. Of Trade etc. By J. P. Esq. London, 1700. (о)

*18. Manley Thomas. A Discourse, shewing that the exportation of wooll is destructive to this Kingdom. London, 1677. (о)

*19. [Davenant Charles]. An essay upon ways and means of supplying the war. London, 1695. (о)

*20. [Davenant Charles]. Discourses on the publick revenues and on the trade of England. By the author of the Essay on ways and means. P. I—II. London, 1698. (о)

*21. [Davenant Charles]. An Essay upon the probable methods of making a people gainers in the ballance of trade. London, 1699. (о)

*22. Davenant Charles. The political and commercial works. Collect. and rev. by Ch. Whitworth. In 5 vols. London, 1771. (о)

23. Ryley Philip. A vindication of some Assertions relating to Coin and Trade, from the Reflexions made by the Author of the Essay on ways and means. London, 1699. (о)

*24. Lewis Roberts. The Merchants Map of Commerce, wherein the universal manner and matter of Trade is compendiously handled etc. 4-th ed. Carefully corrected and enlarged. London, 1700. (о)
Первое издание вышло в 1638 году.

25. Lewis Roberts. The Treasure of Trafficke, or a Discourse of Forraign Trade. 4-to, London, 1641. (ф)

26. [Potter William]. The Key of Wealth, or a new way for Improving the Trade. London, 1650. (ф)

27. [Potter William]. The Trades-Man's Jewel: or a safe, easie, speady and effectual Means, for the incredible advancement of Trade. London, 1650. (ф)

28. Parker Henry. Of a free Trade. London, 1648. (ф)

29. Robinson Henry. Englands Safety in Trades Encrease. London, 1641. (ф)

30. Robinson Henry. Certain proposals in Order to the Peoples Freedome and Accomodation in some Particulars with the Advancement of Trade etc. London, 1652. (ф)

31. Robinson Henry. The Office of Adresses and Encounters etc. London, 1650. (ф)

*32. Cary John. An Essay on the State of England in relation to its trade, its poor and its taxes. Bristol, 1695. (о)

*33. Cary John. An Essay towards regulating the trade, and emloying the poorp of this Kingdom. Whereunto is added an essay towards paying off the publick debts. 2 ed. 1719. (o)

34. Cary John. The rights of the Commons in parliament assembled asserted London, 1718. (o)

*35. Cary John. A Discourse concerning the East-India trade. Bristol, 1695. (ф)

*36. Cary John. A Discourse concerning the Trade of Ireland and Scotland. London, 1696. (ф)

*37. Cary John. A Discourse of Trade, and other matters relating to it. London, 1745. (o)

Первые главные работы начали выходить с 1696 года.

38. Cary John. An account of the proceedings of the corporation of Bristol, in execution of the act of Parliament for the better employing and maintaining the poor of that city. London, 1700. (o)

*39. Asgill. A brief answer to a brief state of the question between the printed and painted callicoes, and the woollen and silk manufactures. London, 2d ed., 1720. (o)

40. Povey. The Unhappiness of England as to its Trade by Sea and Land. London. 1701. (o)

41. Double Th. Dr. D . . . nants Prophecys. London, 1713. (o)

Памфлет, направленный против Чарльза Давенанта.

42. Mackworth Humphrey. A proposal for payment of the publick Debts for relief of the South Sea Company. London, s. a. (o)

43. [Mackworth Humphrey]. The Snake in the grass discovered: or observations on a late pamphlet, intituled Considerations on the present State of the nation etc. London, 1720. (o)

44. A Dialogue between a Member of Parliament, a Divine, a Lawyer, a Freeholder, a Shopkeeper and a Country Farmer, or Remarks on the Badness of the Market. 1703. (o)

45. Whiston James. The cause of our present calamities in reference to the trade of the nation fully discovered. 1695. (ф)

46. Considerations requiring greater care for trade in England and some expedients proposed. London, 1695. (ф)

47. Discourse consisting of motives for the enlargement and freedome of trade: By a Company of private men who stile themselves Merchant Adventurers. London, 1645. (ф)

48. A Discourse of the nature, use and advantages ot trade. London, 1694. (ф)

49. Englands great happiness: or a dialogue betveen content and complaint, wherein is demonstrated that a great part of our complaints are causeless. By a real and hearty lover of his King and Country. London, 1677. (ф)

50. Englands interest in securing the woollen-manufacture of this realm. London, 1689. (ф)

51. Reasons for a limited exportation of wool. London, 1677. (ф)

52. The Naked Truth in an Essay upon Trade with some proposals for bringing The Ballance on our Side. London, 1696. (ф)

53. Petition and Remonstrance of the Governor and Company of Merchants of London trading to the East-Indies exhibited to Parliament. London, 1641. (ф)

54. Examinations etc. of sir Thomas Cooke and others before a Committee of both Houses touching corrupt Means to procure a New Charter for the East-India Company etc. London, 1695. (ф)

55. The Case of the Governor and Company trading to the East-Indies, humbly represented to the Lords in Parliament Assembled. [1698.] (ф)

56. Omnia Comesta a Bello, or an Answer out of West to a question out of the North. 1667. (ф)

57. Two Letters concerning the East-India Company. 1676. (ф)

58. Toland, John. Propositions for Uniting the two East-India Companies. 1701. (ф)

59. Proposals for Settling the East-India Trade. 1696. (ф)

60. A Letter to a Member of Parliament shewing the Injustice and Pernicious Consequences of the Proposal lately made by the Old East-India Company to have the fund of the New Company. London, 1701. (ф)

61. A Letter to a Friend concerning the East-India Trade. London, 1696. (ф)

62. A Letter from a Lawyer of the Inner Temple to his Friend concerning the East-India Stock and the Project of uniting the New and Old Companies. London, 1698. (ф)

63. In the Act for raising two millions, and for settling the Trade to the East-Indies. London, 1698. (ф)

64. Certain Considerations relating to the Royal African Company of England. 1680. (ф)

65. Answer of the Company of Royal Adventurers trading into Africa. 1667. (ф)
66. Considerations upon the Trade to Guinea. London, 1707. (ф)
67. [Carter William]. Englands Interest by Trade Asserted shewing the necessity and excellancy thereof. By W. C. A Servant to His King and Country. London, 1671. (o)
68. Carter William. An Abstract of the Proceedings to prevent exportation of wool Un-manufactured. London, 1689. (o)
69. A Discourse of the Woolen Manufactury of Ireland and the Consequences of prohibiting its exportation. 1698. (o)
70. W. C. A full and clear Reply to a Paper intituled Reasons for a limited exportation of Wool. (o)
71. W. C. A Summary of certain Papers about Wool, as the Interest of England is concerned in it. London, 1685. (o)
72. An Essay on Wool and Woollen Manufacture for the improvement of Trade etc. London, 1693. (o)
73. Some Thoughts on the Bill for prohibiting the Exportation of the Woolen Manufactures of Ireland to Foreign Parts. Humbly offer'd to their Lordships. London, 1698. (o)
*74. Bellers John. Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations etc. London, 1699. (o)
*75. Bellers John. Proposals for Raising a College of Industry. London, 1695—1696.
Было переиздано Р. Оуэном в «New View of Society» в 1818 году. (o)
*76. Bellers John. An Epistle to Friends, concerning the Prisoners, and Sick, in the Prisons, and Hospitals of Great Britain. 1724. (o)
77. Bellers John. An Essay towards the Improvement of Physick. In twelve proposals etc. London, 1714. (o)
Был впоследствии переработан в памфлет «An Essay for Employing the Poor to Profit», вышедший в 1723 году. (ф)
78. Wheeler John. A treatise of Commerce, wherein are shewed the commodities arising by a wel ordered and ruled trade. Middleburgh. 1601. (ф)
*79. A Discourse of the Necessity of Encauraging Mechanick Industry. London, 1690. (o)

B. Процент на капитал, ростовщический капитал, прибыль.

*1. Culpeper Thomas. A tract against usurie. Presented to the high court of parliament. London, 1621. (o)
*2. Culpeper Thomas. A tract against the high rate of usurie, presented to the high court of parliament. London, 1623. (ф)
*3. [Culpeper, Thomas, sir, Junior]. A tract against usurie etc.; reprint for Calvert. 1668. (ф)
*4. [Culpeper, Junior]. A short appendix to a late treatise concerning abatement of usury. London, 1668. (ф)
*5. Culpeper Thomas, sir, Junior. A Discourse, shewing the many advantages which will accrue to this kingdom by the abatement of usury. London, 1668. (ф)
*6. Culpeper Thomas. The necessity of abating usury re-asserted; in a reply to the discourse of Mr. Thomas Manly entituled Usury at six per cent. London, 1670. (ф)
*7. [Culpeper, Thomas]. Plain English, in a familiar conference betwixt three friends, Rusticus, Civis and Veridicus, concerning the deadness of our market. London, 1673. (ф)
*8. [Manly Thomas]. Interest of money mistaken, or a treatise Proving that the Abatement of Interest is the Effect and not the Cause of the Riches of a Nation. 4-to, London, 1668. (ф)
9. Fenton Roger. A treatise of Usurie, divided into three books. London, 1611. (ф)
10. A Discourse concerning abatement of Interest s. l. et a. (ф)
11. Filmer Robert. A Discourse whether it may be lawful to take use for money. London, 1678. (o)
12. Philopenes. Usury Explain'd; or Conscience quieted in the Case of Putting out Money at interest. London, 1698/9. (o)
Редкий памфлет, принадлежащий перу иезуита Диего Хозе Дормера.
13. De usuris liber, Claudio Salmasio auctore. Lugd. Batavor. Ex officine Elsiviriorum. 1638. (o)
14. Decay of Trade. A Treatise against the abating of interest. By a well wisher of the Commonwealth. London, 1641. (o)

15. Wilson Thomas. A Discourse upon Usury by way of Dialogue and Orations, for the better variety and more delight of all those that shall read this treatise (1572) With an historical introduction by R. H. Tawney. London, 1925.

С. Деньги, денежное обращение, монета.

1. Houghton Thomas. The alteration of the coyn with a feasible method to do it. London, 1695. (о)

*2. Petty William. Sir William Petty's quantulumcunque concerning money. 1682 Ld., 1695. (ф)

Имеется издание 1760 года, представляющее перепечатку издания 1695 г.

*3. Barbon Nicholas. A Discourse concerning coining the new money lighter. In answer to Mr. Locke's Considerations about raising the value of money. London, 1696. (ф)

*4. Barbon Nicholas. A Discourse of Trade. By N. B. London, 1690 (ф)

*5. Barbon Nicholas. A Proposal for raising the publick credit. s. 1., s. a. (ф)

6. Decus and Tutament, or our new money as now coined. Written by way of answer to sir Richard Temple and Dr. Barbon. 1696. (ф)

*7. [Locke John]. Some considerations of the consequences of the lowering of interest and raising the value of money. London, 1692. (о)

*8. [Locke John]. Further considerations concerning raising the value of money. Wherein Mr. Lownde's arguments for it in his late report concerning an Essay for the Amendment of the Silver Coins, are particularly examined. 2-nd ed. London, 1695. (о)

*9. [Locke John]. Observations relating to the coin of Great Britain. Extracts from Mr. Locke's Considerations of the consequences of raising the value of money . . . s. l., s. a. with W. Petty's quantulumcunque concerning money. London, 1760. (о)

*10. Locke John. Some considerations about the raising of coin. In a 2-nd letter to Mr. Locke. London, 1696. (о)

*11. [Locke John]. A Treatise of raising our coin, taken out of a book written by Mr. J. Locke, entituled Some considerations of the consequences of lowering of interest and raising the value of money. London, 1718. (о)

*12. [Lowndes William]. A report containing an Essay for the amendment the silver coin. London, 1695. (о)

*13. [Lowndes William]. A further Essay for the amendment of the gold and silver coins. With the opinion of Mr. Gerard de Malynes etc. London, 1695. (ф)

*14. Lowndes William. Some remarks on a report containing an Essay fro the amendment of the solver coins etc. London, 1695. (ф)

*15 [Clement, Simon]. A Discourse of the general notions of money, trade, and exchanges, as they stand in relation each to other. By a merchant. London, 1695. (о)

16. Hodges William. The Groans of the Poor, the Misery of Traders, and the Calamity of the Publick. For the spoiling of our money; For the Want of our Money etc. London, 1696. (ф)

17. A speech made by sir Robert Cotton before the Lords... touching the Alteration of Coin. London, 1690. (ф)

Последовательные издания выходили в 1641, 1651 и в 1679 годах.

18. Sir Thomas Roe, his speech in Parliament wherein he sheweth the cause of the decay of Coine and Trade. London, 1641. (ф)

19. Sir Thomas Rowe's Speech about the Alteration of the Coin, in July 1640 with some Observations thereon. London, 1695. (ф)

В действительности была произнесена Робертом Коттоном, ошибочно приписывалась сэру Т. Ро.

*20. Temple William. Miscellanea. Part 1 — 2. London, 1696 — 1697. (о)

21. A dialogue between a Countrey Gentleman and a Merchant, concerning the Falling of Guinea's: wherein the whole Argement relating to our Money is discuss'd. London, 1696. (ф)

22. A Letter to an eminent Member of Parliament, about the present Rate of Guinea's, and the Influence they will have on our expected New Money. (1696.) (ф)

23. A Letter to a Gentleman in the Country concerning the Price of Guineas. s. l. 1695. (ф)

24. Aickin Joseph. The Mysteries of the Counterfeiting of the Coin of the Nation, fully detected etc. London, 1696. (ф)

25. Dodsworth Christopher. Proceedings against the Exportation of Silver by the Jews and others. s. l. 1690. (ф)

*26. Asgill John. Several Assertions proved in order to create another Species of money than Gld. 2-nd ed. 1720. (о)

Первое издание этого замечательного памфлета появилось в 1696 году.

27. Asgill John. An abstract of the publics funds, granted and continued to the crown since I Wm. a M. a still existing. 2-nd ed. 1716. (о)

28. A Letter to a Member of the House of Commons in answer to Three Queries etc. London, 1697. (ф)

29. The use and abuse of Money and the Improvements of it, by two propositions for Regulating our Coin. London, 1671. (ф)

30. A Letter from an English Merchant at Amsterdam to his Friend at London, concerning the Trade and Coin of England. London, 1695. (ф)

31. Violet Thomas. An humble declaration to the Lords and Commons in Parliament touching the transportation of gold and silver. London, 1643. (ф)

32. Violet Thomas. An Appeal to Caesar: wherein gold and silver is proved to be the Kings Majesties royal commodity. London, 1660. (ф)

*33. [Chamberlen Edward]. The regulating silver coin, made practicable and easie, to the government and subject. By a Lover of his Country. London, 1696. (о)

D. Возникновение Английского банка. Земельный банк, кредит.

1. [Mackworth, sir Humphrey]. England's Glory: or the Great Improvement of Trade in General by a Royal Bank or Office of Credit to be Erected in London. London, 1694. (ф)

*2. Godfrey Michael. A short account of the Bank of England. s. l. (1694). (ф)

*3. Patterson William. The Writings of William Patterson, founder of the Bank of England; with biographical notices of the author, his temporaries and his race. With a Appendix: a Review of the Universal Remedy for the deseases incident to Coin, in a Letter to John Locke. 2 vols. Ed. by Bannister. London, 1858.

4. Lambe Samuel. Seasonable Observations humbly offered to his Highness the Lord Protector. January 19, 1658. (ф)

5. An Essay upon Master W. Potter Designe: concerning a Bank of Landes to be erected throughout the Commonwealth. London, (1653) (ф)

6. Englands Interest of the Great benefit to Trade by Banks or Offices of Credit in London, 1682. (ф)

7. An Abstract of Their Majesties Commission, under the Great Seal, dated the 15-th day of June 1694. For taking Subscriptions for the Bank, pursuant to the late Act for Parliament. (1695) (ф)

8. Some considerations offered against the Continuance of the Bank of England (circa 1696). (ф)

9. A Discourse concerning Banks. (1697) (ф)

10. An Account of the Constitution and Security of the general Bank of Credit. London, 1683. (ф)

11. A Brief Account of the Intended Bank of England. London, 1694. (ф)

12. Corporation-Credit or a Bank of Credit made currant by Common Consent in London. More Useful and Safe than Money. London, 1682. (ф)

13. Proposals for National Banks. The second Impression with Corrections and Additions. 1696. (ф)

14. Reasons offer'd against the Continuance of the Bank in a Letter to a Member of Parliament. London, 1707. (ф)

15. Remarks upon the Bank of England... by a Merchant of London and a true Lover of our Constitution. London, 1707. (ф)

16. A short view of the Apparent Dangers and Mischiefs from the Bank of England. More particularly address'd to the Country Gentlemen. London, 1707. (ф)

17. Some Observations upon the Bank of England. London, 1695. (ф)

18. Murray Robert. A Proposal for a National Bank consisting of Land, or any Other Valuable Securities or Depositions. London. 1695. (ф)

*19. Briscoe John. A Discourse of Money. London, 1696. (о)

*20. Briscoe John. A Discourse on the late funds of the Million-Act, Lottery-Act, and Bank of England. 3-d edition, 1696. (о)

*21. Briscoe John. 1. The freehold estates of England... 2. Proposals for subscriptions for a National Land-Bank. London, 1696. (ф)

22. Positions supported by their Reasons explaining the Offer of Land-Credit. 1696. s. l. (ф)

23. A Discourse on a Land-Bank or, Ways and Means to increase the Coin of their Kingdom. London, 1707. (ф)

24. Some Useful Reflexions upon a Pamphlet Called a Brief Account of the Intended Bank of England, whereunto is annexed a short Description of Docter Chamberlen's Bank. The 2-nd Edition with Additions. London, 1694. (ф)

25. The Constitution of the Office of Land-Credit, declared in a Deed by Hugh Chamberlen Senior. 1696. (ф)

*26. Chamberlain, Dr. Hugh. A Collection of some Papers writ upon Several Occasions. London, 1696. (ф)

*27. Chamberlain, Dr. Hugh. A few proposals... and on the estates of parliament, the establishing a land-credit in the kingdom. Edinburgh, 1700. (о)

*28. Cary John. An Essay on Coin and credit. s. l. (1696). (ф)

29. Cary John. An Essay towards the settlement of a national credit, in the Kingdom of England, humbly presented to the two Houses of Parliament. London, 1696. (ф)

*30. Houghton Thomas. Proposals for a fund of a hundred and fifty thousand pounds per annum. London, 1694. (ф)

31. Lewis Matthew. Proposals to the King and Parliament; or a Large Model of a Bank etc. London, 1678. (ф)

32. A Description of the office of credit etc. London, 1664. (ф)

E. Финансы, налоги, обложение.

1. A Plain and Easie Way for the Speedy Raising of Money to supply Their Majesties Present Occasions. London, 1691. (ф)

2. A Political Account of the diminutions of the revenues and Trade of France by Taxes and Subsidies. Deduc'd from the year 1660 to 1699. London, 1702. (ф)

3. Killigrew William. A Proposal shewing how this Nation may be vast Gainers by all the Sums of Money, given to the Crown without lessening the Prerogative. London, 1698. (ф)

*4. [Petty William]. A Letter from a Gentleman in the Country to his Friend in the City touching Sir W. Petty's posthumous treatis, entituled Verbum Sapienti: or the Method of raising Taxes in the most equal manner. London, 1691. (ф)

5. T xes no charge: in a Letter from a gantleman to a person of quality etc. London, 1690. (ф)

6. The Mischief of the five shilling tax upon Coal. London, 1699. (ф)

*7. Temple Wm. An Essay upon Taxes calculated for the present juncture of Affairs in England. London, 1693. (о)

F. Сельско-хозяйственная экономика и агрономия.

*1. [Hartlib Samuel]. A Designe for plentie, by an universal Planting of Fruit-Trees. Tendred by some Wel-Wisher to the Publick. London, 1652. (о)

*2. Hartlib Samuel. The complet Husband-man: or a Discourse of the whole Art of husbandry; both foraign and domestick. London, 1659. (о)

3. Smith John. England's Impovement revised: in a Treatise off all manner of Husbandry and Trade by Land and Sea. London, 1673. (о)

*4. Yarranton Andrew. England's Improvement by Sea and Land. Part I 1677. Part II 1681. London, 4-to. (о)

*5. Houghton John. A Collection of Letters for the improvement of Husbandry and Trade. Vol. I — II, London, 1681 — 1682. (о)

G. Политическая арифметика.

*1. Petty William. Cinq Essays sur l'arithmétique politique. London, 1687. С параллельным текстом на английском языке. (о)

*2. Petty William. Observations upon the cities of London and Rome. London, 1687. (о)

*3. Petty William. The political anatomy of Ireland. London, 1681. (о)

*4. Petty William. A political Essay; or a summary review of the kings and government of England since the Norman conquest. London, 1698. (о)

*5. Petty William. Political survey of Ireland. London, 1719. (о)

*6. Several Essays in political arithmethick. London, 1699. (о)

*7. Petty William. Several Essays in political arithmethick. To which are prefix'd memoirs of the author's life. 4-ed. corr. London, 1755. (о)

8. Petty William. The ancient right of the commons of England asserted. London, 1680. (о)

9. Petty William. Essays on mankind and political arithmethick. London, Paris, 1894.

10. Petty William. The economic writings. Together with the observations upon the bills of mortality. More probably by John Graunt. Ed. by Ch. Hull. 2 vols. 1899.

*11. Graunt John. Natural and political observations made upon the bills of mortality. London, 1665. (о)

12. Graunt John. Ditto. 5-th much enlarged edition by Wm. Petty. London, 1676. (о)

*13. Barbon, N. A Letter to gentleman in the country, giving account of the two insurance-offices, the fire office and friendly society. London, 1684. (ф)

*14. Barbon, N. An apology for the builder. London, 1685. (ф)

Переиздано в Overstone's Tracts.

15. Observations upon the Dublin-Bills of Mortality 1681 and the State of that City. By the observer on the London Bills of Mortality. London, 1683. (ф)

*16. Manley Thomas. The Present State of Europe briefly examined and found languishing etc. London, 1689. (ф)

H. Рыбная ловля и мореплавание.

*1. Malynes Gerard. An Essay on the fishing Trade. Edinburgh, 1720. (ф)

Глава из его «Lex Mercatoria».

*2. Raleigh Walter. Sir Walter Raleigh's observations on the british fishery, and several other Points relating to Trade and Commerce, by him adress'd and presented to King James I. 1720. (ф)

Памфлет появился в 1618 году.

3. The Royal Fishing revived etc. London, 1670. (ф)

СОБРАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ 1871 ГОДА

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса обладает в настоящее время интересной коллекцией рукописей, относящейся к Парижской Коммуне 1871 года и заключающей в себе 861 рукописный документ. Из этого числа датированы эпохой самой Коммуны 238 документов; остальные рукописи характеризуют жизнь и деятельность членов Коммуны и участников современных ей событий в эпоху или предшествующую, или последующую.

Большая часть этой коллекции закуплена была в Париже летом прошлого, 1925, года Д. Б. Рязановым у известного антиквара Шаравэ (Charavay); кроме рукописей это собрание заключало в себе и много печатных материалов (афиши, листовки, брошюры и т. п.) а также гравюр и карикатур, относящихся к Коммуне. Другая часть имеющихся в Институте рукописей приобретена позднее от различных парижских антикваров.

На основании этих рукописных материалов мы можем ближе ознакомиться с повседневной жизнью Коммуны. Мы застаем здесь членов Коммуны за их повседневной работой, знакомимся с их перепиской, с их служебными записками всякого рода, подписанными ими циркулярами и приказами, назначениями, пропусками и удостоверениями; видим их и в качестве членов Коммуны, и в качестве членов ЦК Национальной Гвардии, и в качестве делегатов по различным министерствам, и за их работой в мэриях различных округов Парижа, и в батальонах Национальной Гвардии; видим за той же повседневной работой и других деятелей Коммуны, членов ЦК Национальной Гвардии, генералов и офицеров Коммуны, ее чиновников и делегатов, ее журналистов, отдельных частных лиц. Ряд документов характеризуют жизнь Национальной Гвардии. Значительное число рукописей характеризует деятелей Коммуны в эпоху ей предшествующую и последующую; мы застаем их здесь за их дружеской перепиской в эпоху империи, а также в эпоху эмиграции и после амнистии.

В настоящем предварительном сообщении остановимся особо лишь на двух коллекциях из нашего собрания, имеющих значительный интерес: на коллекции материалов, касающихся Прото (Protot), и на собрании материалов редакции «Père Duchêne» эпохи Коммуны.

Особый интерес имеет последняя коллекция. Она состоит из 18 рукописей; все это — письма в редакцию газеты «Père Duchêne, относящиеся ко времени от 10 до 27 апреля; два письма датированы 2 и 14 мая, одно — 24 марта. Передадим кратко содержание некоторых из них.

«Мой добрый отец Дюшен» — так называет редакцию некая Роза Пренс, гражданская жена солдата, попавшего в плен, не получающая вспомоществования и находящаяся в крайней нужде; приветствуя газету за ее постоянные заботы о народе и соглашаясь, что «наша добрая Коммуна» очень занята делами, она все же позволяет себе прибегнуть к редакции как к «доброму отцу», и выразить сожаление, что выполнение декретов, таких справедливых и таких добрых, идет довольно медленно. Она вносит предложение провозгласить уравнение в правах гражданских жен с законными женами, получающими 75 сантимов в день, и установить бесплатную выдачу из ломбарда всех, даже просроченных, предметов первой необходимости.

В другом письме (от 2 мая) один железнодорожный служащий, обращаясь «к гражданину отцу Дюшену» и приветствуя регламентацию Коммуной труда булочников, предлагает обратить внимание и на условия труда железнодорожников. — Другой гражданин запрашивает «гражданина отца Дюшена» о причинах чрезмерной мягкости Коммуны: почему она позволяет жильцам на площади

Революции ее приветствовать проходящие мимо батальоны, почему она разрешает консьержам домов Сен-жерменского предместья попрежнему позволять себе свои реакционные выходки по отношению к жильцам-патриотам, почему она не предлагает Версальской палате немедленно об'явить о своем роспуске, — под угрозой «вывода в расход» половины заложников сегодня, а другой половины — завтра? — Некто Марешаль, полагая, что «гражданин Дюшен» «не может обо всем думать», сообщает пришедшую ему на ум идею: употребить в дело позолоту дворца Инвалидов и отеля музея Клюни. — Некто, назвавшийся «постоянным читателем» газеты, дает военные советы; он рекомендует употребление динамита, греческого огня и других подобных средств, которые рекомендовались в революционных клубах во время войны с пруссаками некоторыми членами Коммуны, не поднимающими теперь этого вопроса, после того, как они стали у власти. — Несколько писем касаются церковной политики Коммуны и направлены против «попов» и монастырей, особенно женских. Одно письмо протестует против тарифов, установленных после отделения церкви от государства «попами» за церковные службы и обряды. Приведем содержание еще трех писем. В одном некто протестует против арестов, реквизиций и обысков у частных лиц без легального утверждения Коммуны, так как в этом случае получается впечатление, что Коммуна, это — террор. В другом письме (анонимное) требуется полная свобода (la liberté absolue) слова и печати. Наконец, имеется письмо с ругательствами и насмешками от группы студентов-первокурсников по поводу некоторых финансовых предложений газеты. Таковы некоторые из писем нашей коллекции, дающие представление о различных общественных настроениях в эпоху Коммуны.

Коллекция бумаг, принадлежавших Прото (Protot), содержит в себе, кроме печатного материала (№№ различных газет, избирательные афиши, вырезки из газет и т. д.), 141 рукописный документ. Кроме одного письма 71 года (к Fontaine), остальные материалы характеризуют жизнь и деятельность Прото после Коммуны. Это — переписка Прото в связи с его адвокатской практикой, его рукопись (довольно об'емистая), описывающая жизнь старателей на золотых приисках в Аляске, возвращенная ему с заметкой редакции о ее недостатках; извещение бюро частных преподавателей о приеме в число членов союза, показывающая, что, кроме неудачных литературных попыток, Прото пытался добывать средства и частными уроками; несколько писем из Венгрии (от Антонины де Гр....) указывают, что Прото вынужден был пользоваться денежной помощью друзей и знакомых. Частный характер носит и переписка Прото со старыми друзьями, из которых кое-кто принимал участие в Коммуне, а впоследствии занялся мирными делами: Fontaine — выделкой резиновых тканей в Париже, Périer — торговлей готовым платьем в Женеве, а Barbellion — печением свадебных пирогов в Лондоне.

Среди бумаг, относящихся к выборам в Марселе 1889 года, где Прото выставлял свою кандидатуру, мы имеем шесть писем от его горячего приверженца, некоего Baratoult, повидимому его agent électoral; в них, кроме выпадов по адресу «prussiens», т.-е. Гэда и гэдистов, встречаются и пожелания «раздавить» Клюзере, чтобы отомстить за Феликса Пиа. В качестве агитационного материала распространялась, повидимому, перепечатка защитительной речи Прото во время процесса 1867 года; группа старых коммунаров в письме, находящемся теперь в нашей коллекции, предлагала ему свою поддержку. Мы знаем, что Прото провалился на этих выборах и за оскорбление Гэда приговорен был к трем месяцам тюрьмы. Повидимому, к этой эпохе относятся и те заметки и вырезки из газет, в которых главное внимание обращено на уличение гэдистов в сношениях с германскими социал-демократами, ergo — с прусской полицией.

В качестве обвинительного материала против самого Маркса и марксистов имеются в нашей коллекции выписки Прото из статьи Энгельса «Возможно ли разоружение Европы?» (Vorwärts, 1—3 марта 1893 года), которые, по мнению Прото, должны доказывать милитаризм Энгельса; в других заметках имеются намеки на то, что Hoechberg якобы получал субсидии «из рептильного фонда», «ибо в противном случае он бы иначе распоряжался деньгами»; уличающим Маркса документом считается и «Herr Vogt»; тщательно регистрируются Прото все сплетни о Марксе, циркулировавшие в эмиграции, и заносятся в особую тетрадку (в 7 листков) с указанием на то, что он будто бы знал о шпионской роли Бания, когда передавал ему бумаги, касающиеся Союза Коммунистов.

Среди остальных рукописей, имеющихся в Институте, выделяются числом документов коллекции, касающиеся следующих лиц: Allix (13 рукописей), Arnould, A. (20 рукописей), Cluseret (60 рукописей), Delescluze, Ch. (32 рукописи), Flourens, G. (22 рукописи), Jourde, F. (10 рукописей), La Cecilia (19 рукописей), Lullier (22 рукописи), Malon (12 рукописей), Pyat, Felix (73 рукописи) и Vermorel (66 рукописей).

Приводим общий список относящихся к Коммуне рукописных материалов по следующим рубрикам: I. Член Коммуны; II. Член ЦК Нацисональной Гвардии и военные деятели Коммуны (не вошедшие в первую группу); III. Остальные деятели эпохи Коммуны и IV. Прочие документы. В пределах каждой группы документов мы будем различать: A. Документы, относящиеся к эпохе, предшествующей Коммуне; B. Документы, датированные эпохой Коммуны, и C. Позднейшие документы.

I. Члены Коммуны

1. Allix, J. — A. 1 записка в газету «Le Combat» от 19/XI 70 г. — B. 2 письма от 22 и 26/III 71 г. — C. 6 пригласительных записок в редакцию газеты «Figaro» около 1889 г. от Ligue de la protection des femmes в Париже, подписанные секретарем Алликсом; 3 пригласительные записки в газету «Figaro» от Fédération Républicaine (Socialiste), подписанные секретарем Алликсом около 1885 г.; 1 записка в «Figaro» без даты.

2. Amouroux, Ch. — A. 1 письмо к Шателену от 1868 г. — B. 1 приказ, подписанный Амуру, и 1 письмо делегатам 20-го округа от 2/V 71 г.

3. Andrieux, J. — B. 1 письмо к Прото и 1 приказ, подписанный Андриё, от 23/IV и 20/V 71 г.

4. Arnaud, A. — B. 1 письмо от 28/IV 71 г.

5. Arnould, A. — A. 3 письма, от 10/XI 62 г. и 9/II 69 г. — C. 17 писем к друзьям от 73, 76—77, 79—80, 81 и 83 гг. из Сен-Ремо, Брюсселя, Женевы и Парижа.

6. Assi, A. — B. 1 пропуск, подписанный Асси, Мортье, Фортюнэ, Бурсье, Руссо; 1 пропуск, подписанный Асси; 1 письмо директору детского госпиталя 30/III 71 г.

7. Avrial, A. — B. 1 приказ от 8/V 71 г., подписанный Авриалем, и 2 записки о выдаче оружия от 6/V 71 г.

8. Babick, M. — B. 1 письмо к Виллерсу от 26/III 71 г., подписанное Бабиком и Байэ. — C. 1 письмо к семье Бадье, из Женевы (без даты).

9. Bergeret, J. — A. 3 записки 1870 г.

10. Billioray, A. — B. 1 пропуск Риду, подписанный Бильорэ, от 21/III 71 г.

11. Brunel, A. — B. 2 письма к полковнику (?) от 23/V 71 г. и секретарю военного делегата от 10/V 71 г.

12. Chalain, L. — C. 1 письмо из Лондона к другу от 19/IV 79 г.

13. Champy, H. — C. 1 письмо к Дакоста от 21/IX 85 г.

14. Chéron, A. — B. 4 письма по поводу событий 19—24/III 71 г. C. 3 письма: к друзьям и Монтанле от 17/VII 71 г.

15. Clémence, A. — B. 2 разрешения, подписанные Клемансом, от 4 и 19/IV 71 г. — C. 1 письмо из Лозанны к Лемоннье от 10/X 72 г.

16. Clément, J.-B. — C. 2 письма к Пилателлю из тюрьмы Sainte Pélagie.

17. Clément, V. — B. 1 записка, подписанная Клеманом, от 21/IV 71 г.

18. Cluseret, G.-P. — A. Удостоверение Военного Министерства его отцу от 10/I 1859 г.; 3 письма: директору des affaires civiles et de l'intérieur, 1859 г., Дебербу от 1869 г., Гамбетте от 27/I 71 г. из Женевы. — B. 1 письмо от 17/V 71 г.; 1 пропуск s. d.; 1 циркуляр муниципалитета 21/IV 71 г.; письмо к начальнику генерального штаба 28/IV 71 г. — C. 49 писем 1873—1900 гг. из Женевы, Салоник, Константинополя и Парижа к Нагэ, Каллэ, Массару, префекту Сены и друзьям. — «La Liberté» — копия статьи без даты «Du travail indigène» 1859 г.; фрагменты рукописи в 7 листов (не датированы).

19. Courbet, G. — C. 1 письмо г-же Дюпен из Sainte Pélagie от 28/XII 71 г.

20. Cournet, Fr. — C. 1 письмо к Каллэ от 13/VI 1879 г.

21. Delescluze, Ch. — A. 20 писем к Курмо (1866—69); 1 письмо к Барро (1861); 1 письмо Трейяру (1848); 2 письма к Мазару, письмо к друзьям и директору театра в Париже, 1 письмо к Ленажу, 1 письмо из Sainte Pélagie от 11/VIII 69 г. 1 письмо к Ахиллу Мерсье (1870), 1 заметка и 1 записная книжка (Agenda) 1833 г. — B. 1 разрешение на выдачу денег от 14/V 71 г.

22. Duval, E. — A. 1 письмо к двоюродному брату от 11/VIII 70 г. (Sainte Pélagie). — B. 1 пропуск, подписанный Дювалем.

23. Eudes, E. — A. 1 листок латинского перевода (1866); 1 письмо Асслэну из Sainte Pélagie, 14/VII 67; квитанция, подписанная Эдом, от 25/IV 68 г. — B. Письмо к Клюзере от 11/IV 71 г. — C. Письмо к другу от 27/I 72 г.

24. Ferré, Th. — B. 5 пропусков, подписанных Ферре, 25 и 26/V 71 г.; 1 письмо к сестре из Версальской тюрьмы 14/XI 71 г.

25. Ferry, J. — A. 1 письмо к другу на бланке палаты депутатов (без даты).

26. Flourens, G. — A. 18 писем 1865—1870 гг. к Доленвалю, Дюке, Дюбуа и маркизу Сент-Илер (13 писем); 2 письма из Sainte Pélagie, 1 письмо из Mazas, 1 письмо из Лондона.

27. Gambon, Ch. F. — A. Письмо к Громье от 5/I 1870 г. — C. 6 писем к друзьям 875—76 гг. (1 письмо из Лозанны).

28. Gérardin, Ch. — С. Письмо к Журду от 1/IX 1877 г.

29. Gérardin, E. — В. Приказ, подписанный Жерарденом, от 17/IV 71 г.

30. Goupil, E. — А. Письмо к Годфруа от 30/VIII 1870 г. — С. Письмо к Лакайлю от 19/II 1873 г.

31. Grousset, P. — В. 2 письма в «Journal Officiel» и к Барбере от 22 и 23/IV 71 г. — С. Письмо к директору муниципальных дел от 12/IV 92 г.

32. Jourde, F. — С. 10 писем: 3 письма к Гюберу (74 и 79 гг.); 1 письмо к Гейману (1882, 15/V); 4 письма к Каллэ (79 и 80 гг.); 2 письма к друзьям от 78 и 82 гг.

33. Lefrançais, E. — С. Письмо к г-же Северин, редактору «Cri du Peuple», от 30/IX 1886 г.

34. Longuet, Ch. — В. Разрешение на 2 комплекта «Journal Officiel» 4/IV 71 г., подписанное Лонгэ. — С. 1 письмо к редактору (?) из Лондона 7/III 73 г

35. Malon, B. — В. Приказ, подписанный Малоном, от 9/IV 71 г.; 1 письмо к Тейсу от 14/V 71 г. — С. 10 писем от 74, 80, 89 гг. к Каллэ, Шовьеру, в «Intransigeant», Вайяну и другим из Цюриха, Парижа Канн, Лугано.

36. Melliet, L. — В. 2 письма: одно письмо из Бисетра, от 13/V 71 г., другое к другу, от 2/IV 71 г. и 1 приказ, подписанный Мелье, 20/III 71 г.

37. Miot, J. — А. 1 письмо к министру от 18/VII 1849 г.; 1 письмо к Бро от 14/II 51 г. с копиями двух писем; 1 письмо в «Petit Journal» от 1852 г. письмо к Бертолону от 1859 г.; письмо к другу (не датировано). (Всего 5 писем из Алжира, Лага и Парижа).

38. Parent, U. — А. Письмо к редактору журнала от 9/V 69 г. и заметка от 8/IX 70 г. — В. 2 приказа, подписанные Параном, найденные 28/V 71 г. на теле убитого коммунара при атаке мерии 11 округа войсками ген. Винуа. — С. Письмо к Журду от 11/I 1878 г.

39. Parisel, F.-L. — В. Записка 13/V 71 г.; Письмо к министру торговли s. d. (1871 г. ?); письмо к матери от 8/X (?) из Парижа.

40. Pindy, L. — А. Письмо от 6/XI 70 г. — В. Ордер на выдачу продовольствия, подписанный Пэнди, без даты (1871 г. ?).

41. Protot, E. — 141 документ (В. Заметка по поводу Фонтэна, 1/V 71 г; С — 140 документов, см. описание коллекции выше).

42. Pyat, Félix. — А. 6 писем из Парижа, Лондона и Лозанны к Декоржу, Бравару, Бокэ, Сомпери и Громье (1841); 3 письма к Громье, (повидимому, относятся к лондонскому периоду до 1870 г.); 1 письмо из Conciergerie; письмо к Бокэ (1866); письмо к Бокажу (1854); к другу из Лозанны (1850); к директору (?) от 1848 г. из Буржа; письмо к другу, судя по содержанию от 1870 г.; 2 письма без даты — С. 51 письмо из Лондона и Парижа к Шассену, де Праду и к друзьям (эпохи после Коммуны); 5 писем без даты: к Громье, Бредилю, Денуайе, редактору «Intransigeant».

43. Ranc. — С. Письма к Ришардэ от 1873 г. (?) (фрагмент).

44. Ranvier, G. — В. Письма без даты (1871 г. ?). — С. Письмо к Журду 9/XI 1874 г.

45. Rastoul. — В. Письмо к Бодуэну из Версаля (Maison de Justice) от 5/VIII 71 г.

46. Rigault, R. — В. 2 пропуска, подписанные Риго; письмо администрации концерта Тиволи от 18/V 71 г.; 1 записка, подписанная Риго, 23/III 71 г.; декрет, написанный и подписанный Риго, Курбе и Рошфором (без даты).

47. Rogeard, L. A. — С. Письмо к другу 2/II 79 г.

48. Theisz, G. — С. Письмо к Журду из Лондона от 28/VII 79 г.

49. Tridon, G. — В. Письмо от 11/IV 71 г.; резолюция, подписанная Тридоном и Бержере, на экипировочном листе, подписанном Буржо, от 25/IV 71 г.

50. Trinquet. — В. Письмо в следственную комиссию от 20/V 71 г.

51. Urbain. — В. Разрешение на право реквизиции, подписанное Урбэном, 30/IV 71 г.

52. Vaillant, E. — В. Письмо от 28/III 71 г. и приказ о назначении от 17/V 71 г.; письмо к Рошфору (без даты).

53. Varlin, E. — В. Письмо к командиру 35-го батальона Национальной Гвардии в Нейи 28/III 71 г.; 3 приказа, подписанные Варленом, 17/IV, 21 и 27/V 71 г. — С. Письмо к Каллэ 4/X 80 г.

54. Vallès, J. — Письмо к другу (без даты).

55. Verdure, A. — А. 2 письма: к Пти от 8/IX 68 г. и к другу, от 12/X 70 г. — В. Приказ о реквизиции фуража, подписанный Вердюром, от 24/V 71 г.

56. Vermorel, A. — А. 66 писем — период около 1868—70 гг. Письма к Тэйару от 2/I и 18/VIII 70 г. (из Sainte Pélagie), к Этьевану от 1862 г. из тюрьмы Madelonnettes; письмо к Асслэну (без даты), к Панису 13/IV 70 г.; 8 писем от 63, 66, 69 и 70 гг. к друзьям; 52 письма к Дюбуа, около 1868 г. (7 писем из Sainte Pélagie).

57. Vésinier, P. — В. 3 приказа, подписанные Везинье, от 16 и 26/V 71 г. — С. Письмо из Лондона от 8/X 72 г.; обвинительное письмо против Вайяна и Эда от 26/VII 1888 г.

58. Viard, J. — Стихи (без даты).

II. Члены Центрального Комитета и военные деятели Коммуны

1. Audoynaud. — B. 1 приказ, подписанный Одуано, 24/V 71 г.
2. Avoine, M. — B. 1 записка эпохи Коммуны (не датирована).
3. Chauvière, E. — 1 письмо к Ле-Мору (без даты).
4. Dombrowski. — B. 1 письмо к Делеклюзу, 17/V 71 г.
5. Duval, E. — A. 1 письмо к двоюродному брату из Sainte Pélagie от 11/VIII 70 г. — B. 1 записка, подписанная Дювалем; пропуск, s. d. — C. 1 письмо к друзьям из Анрози от 2/IV 72 г.
6. Henry. — B. 1 письмо от 27/III 71 г.; 2 приказа, подписанные Анри, от 16 и 22/V 71 г.; 1 ордер, подписанный 20/V 71 г.
7. Jaclard, V. — 1 фрагмент статьи и 1 визитная карточка (без даты).
8. La Cecilia, N. — A. 13 писем к Крепе из Берлина и Иены от 1857 по 1859 год; 1 рапорт Липовскому, подписанный Ла-Сесилиа, от 10/XII 70 г. — B. 1 письмо к капитану (?) 20/V 71 г. — C. 2 письма (одно из них редактору «Радикала» от 25/IV 76 г. и 11/III 77 г. (из Лондона и Александрии); 1 письмо — без даты; 1 письмо жены Ла-Сесилиа, от 9/II 71 года.
9. Lacord. — A. 1 письмо к Ж. Фавру от 27/XI 67 г. — B. Приказ командиру 17-го легиона (без даты).
10. Levesque. — A. Письмо к Липовскому от 6/I 1871 г.
11. Lisbonne. — C. 1 письмо к Журду от 14/X 1884 г.
12. Lullier, Ch. — A. Выписка из отчета о своем деле, написанная в Sainte Pélagie 12/I 68 г.; 17 писем из Парижа (6) и Sainte Pélagie (11) к Жюлю Фавру (3), директору и редактору (?), от июня 67 г. по июнь 70 г.; 1 письмо к Киро от 12/VIII, (без даты) — C. 1 письмо из Парижа (редактору) от 11/X 81 г.
13. Mégy, E. — A. 1 письмо (без даты).
14. Millet. — B. 1 ордер, подписанный Миллэ и Барру (?) 25/V 71 г.
15. Rossel, L. — A. 2 письма префекту департамента Ньевр от 20/XII 70 г. и 2/I 71 г. — B. Приказ, подписанный Росселем, от 17/IV 71 г.
16. Rousseau. — B. 1 письмо к Авриалю, подписанное также Одуано, Дреро и другими, 13/V.

III. Переписка прочих деятелей эпохи Комунны

В Архиве Института имеются, кроме того, рукописи различных деятелей Коммуны: Amory, Amaudru, Alavoine, Acollas, Calmès, Camélinat, Caminade, Dacosta, Lissagaray, Lucipia, Maroteau, Millière, Vermersch и других лиц, в количестве 110 человек; всего 180 рукописей разного характера.

IV. Прочие документы

I Интернационал: Контракт на наем помещения членами Интернационала Drouchon, Landrin, Pindy, Theisz и Varlin от 21/III 1860 г.

ЦК Национальной Гвардии: 1) Письмо к Tournain и Larroque с приглашением на заседание ЦК; 2) черновик одного декрета ЦК (без даты).

Национальная Гвардия: 1) 2 документа на имя некоего Leboeuf о зачислении в Национальную Гвардию: a) билет о явке, от 20/I 1871 г. b) извещение о зачислении на службу, 22/IX 70; 2) письмо командира 36-го полка Национальной Гвардии 22/I 71 г. Créteil; 3) письмо лейтенанта, начальника поста бастинюльской мэрии, 12/IV 71 г.; 4) рапорт поста у мэрии 17-го легиона к своему командиру 15/IV 71 г.; 5) приказ командира 19-го легиона Национальной Гвардии от 13/V 71 г.; 6) разрешение на реквизицию 26/V 71 г. по приказу командира 20-го легиона Национальной Гвардии; 7) 4 приказа 20-го легиона от 26 и 27/V 71 г. военному коменданту ратуши и Коммунальной Комиссии; 8) письмо адъютанта 114-го батальона коменданту (без даты); 9) приказ командиру 100-го батальона Национальной Гвардии от начальника главного штаба, от 27/III 71 г.; 10) приказ, подписанный комендантом 17-го округа, без даты.

Коммуна: 1) Письмо офицера Коммуны к Колэну 10/IV 71 г.; 2) новый список «réfractaires», от 11/IV 71 г; 3) заметка по поводу ареста подозрительного лица, подписанная капитаном 257-го батальона Национальной Гвардии, 12/IV 71 г.; 4) продовольственный ордер, подписанный членом Коммуны (?) делегатом 9-го округа, от 4/V 71 г.; 5) отчет начальника охраны военному делегату по поводу Н. Александровича от 13/V 1871 г.; 6) счет, предъявленный мэрии 20-го округа на фураж. 25/V 71 г.; 7) декларация принципов избирателей-демократов Сены (без даты); 8) заявление граждан, служивших в 9-й роте 30-го батальона (без даты); 9) бумаги, найденные на террасе St. Germain, от 25/V 71 г., относительно пожаров; 10) письмо

члена Коммуны (?) к делегату финансов (?); 11) продовольственная карточка 10-го округа.

Версальцы: 2 приказа от 28/V 71 г; 1 письмо от заведующего милостыней в департаментской тюрьме.

Пропуска: 1) 4 пропуска, подписанные префектом полиции, от 8/V 71 г. и 2, 9, 19/II 71 г.; 2) пропуск от 1871 г. (без даты).

Война 1870 г.: 4 документа: 1) письмо графа Пеликао; 2) отношение командира 1-й бригады командиру 3-й дивизии; 3) письмо мэра 13 округа в Париже к коменданту; 4) копия записки о событиях в Меце, написанной Ж. Мюратом.

Ответственный редактор: Д. РЯЗАНОВ.

Редакционная коллегия: Д. РЯЗАНОВ. А. ДЕБОРИН. И. ЛУППОЛ.

СОДЕРЖАНИЕ.

СООБЩЕНИЯ КАБИНЕТОВ ИНСТИТУТА.